

Православный журнал для сомневающихся

ФОМА

Тема номера:

Преподобный
Серафим
Саровский
и наше время

Фото Е.Н.Карнашиной из юбилейного альбома "Святая Земля"

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влакился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился;

Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы,

Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,

И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье,
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,

И празднословный и лукавый,
И жало мудрья змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.

Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
“Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моеей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей”.

Александр Пушкин

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Пушкин.	
Пророк	3
Анонсы	4
Вопрос номер один	6
Тема номера:	
Преподобный Серафим Саровский и наше время	
Интервью с епископом Нижегородским	
и Арзамасским Георгием	14
Николай Лисовой.	
Век Серафима: житие и время	18
Прот. Артемий Владимиров	
Потерянный крестик	30
“Физики без священников –	
современные папуасы”	32
Необыкновенный поход	
“Радость моя”	40
Вопрос священнику	
Святые - кто они?	58
Благодатный огонь.	
Свидетельство очевидца	62
Александр Дворкин.	
Вкус хлеба с айвой.	
Очерки об Афоне	66
Александра Лиходед.	
Мир - он цветной. Рассказ	78
Наша почта	
Как жить с таким человеком?	83
“Любовь моя, Болгария...”	
Итоги конкурса	86
Альманах библиофила	88
Фотогалерея	
Лики и лица.	
Портреты Владимира Пархоменко	90

Иллюстрации на обложках:

- 1-я страница - реставрационные работы
в Дивеевском монастыре,
фото Ростислава Вылегжанина
4-я страница - фото Антона Якубовича-Ясного

Век Серафима: житие и время

“Он увидел новый образ России, новый путь России. Поэтому иногда говорят, что он первый в русской истории преподобный пророческого типа. Не потому только, что он кому-то что-то открыл или сказал. А прежде всего по самому типу отношения к жизни.”

Стр. 14

“Радость моя”: необыкновенный поход

“У меня просто мороз по коже пошел, потому что я подумал и мне стало очень приятно, что какой-то человек мог бы меня, со всеми моими пороками, недостатками и слабостями встретить словами: “Здравствуй, радость моя!” То есть принять меня полностью таким, какая я есть, и признать меня. Важно для меня, что я не представил себе, как Серафим говорил: “Здравствуй, радость моя”, но, как мне кажется, это было именно мистическое переживание встречи с Серафимом. Я думаю, что так было, на внутреннем уровне я ощущал его присутствие.”

Стр. 40

Александра Лиходед
"МИР - ОН ЦВЕТНОЙ..."
Моему отцу Валентину

“...Отец был большим и крепким, с мозолистыми руками, украшенными узловатыми синими венами, выпирающими под шершавой кожей. Огромные пальцы с раздавленными тяжелым трудом широкими ногтями казались неуклюжими и громоздкими, но стоило взглянуть на то, как эти пальцы перебирали маленькие пуговицы двухрядной гармошки, оглашая деревенские улицы заливистыми переборами русских плясовых, - и ты навек становился их поклонником...”

Стр. 66

**Благодатный огонь:
свидетельство очевидца**

“Я стоял абсолютно с пустой головой. Только вдруг мелькнула мысль или кто-то рядом выдохнул: “Господи, хоть бы сошел, а то...” И вдруг удар! Так бывает, когда прилетаешь на юг, выходишь из холодного кондиционированного воздуха самолета на трап и тебя внезапно обдает жаром южного зноя. Фонтаном брызнули слезы из глаз. Одновременно я увидел отблеск огня у входа в Кувуклию, откуда появился Патриарх и услышал многотысячный выдох крик толпы, приветствующей чудо Господне. И вот уже первый человек побежал к выходу с факелом из спаянных тридцати трех свечей по количеству земных лет Спасителя.”

Стр. 62

ФОМА

Православный журнал
для сомневающихся

Одобрен
Издательским Советом
Московского Патриархата

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015923 от 3 апреля 1997 года

№ 2 (16)' 2003

Председатель Попечительского Совета.

А.В. ТОРКУНОВ

Ректор МГИМО(У) МИД
России, член-корреспондент РАН

Редакционный совет

А.И. КОТЕЛКИН

Советник Председателя Госдумы
Федерального Собрания РФ,
учредитель НФ “Связь поколений”

Ю.П. ВЯЗЕМСКИЙ

Писатель, автор и ведущий
телепрограммы “Умницы и умники”,
зав. кафедрой мировой литературы и
культуры МГИМО

А.В. ШЕСТОПАЛ

Зав. кафедрой философии МГИМО

В.Р. ЛЕГОЙДА

Генеральный директор
АНО “Фома Центр”

В.А. ГУРБОЛИКОВ

Редактор Издательства
АНО “Фома Центр”

Д.Д. ПЕТРОВ

Арт-директор АНО “Фома Центр”

Дизайн и верстка

М.А. ЕГОРОВА

Пре-пресс

А.Д. БАКАНАС

Корректор

Л.П. МАКАРКИНА

В.Ю.БОГДАНОВА

Издается АНО “Фома Центр”

Исполнительный директор А.В. ГУРБОЛИКОВ

Этот выпуск выходит по благословению
епископа Нижегородского и Арзамасского
ГЕОРГИЯ

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются

Ваши письма и статьи
направляйте по адресу:
110435, г.Москва, ул. Погодинская,
д. 20, стр. 3, к. 35

Наш телефон: 246-74-92

В этом году Русская Православная Церковь отмечает столетие прославления в лице святых преподобного Серафима Саровского. Как Вы думаете, почему именно этот святой находится сегодня в центре внимания? Что лично для Вас значит преподобный Серафим?

Преподобный Серафим Саровский,
кормящий медведя.
Начало XX века, Ростов, роспись по эмали.
Из сборника "Духовные светочи России".
Москва, 1999 г.

**Алексей Львович РЫБНИКОВ,
композитор**

О преподобном Серафиме Саровском я узнал в раннем детстве, когда вместе с мамой и бабушкой стал приходить в храм. В моем детском восприятии от всех других святых он отличался прежде всего какой-то особенной строгостью и, конечно же, благодатью, исходящей от его иконы. В то время о преподобном Серафиме мне никто ничего не рассказывал. Я только знал, что есть два наиболее почитаемых русских святых - Сергий Радонежский и Серафим Саровский - и все. Книгу о преп. Серафиме я прочитал уже в зрелом возрасте. Наиболее впечатление произвел рассказ Мотовилова. Когда сурою зимой ему стало жарко, и он услышал тишину небесную и почувствовал жар и благодать. Читая эти строки, я даже представил себе, как это могло быть. Сама же книга оставила во мне очень сильное впечатление. А потом было путешествие в Дивеево. Купание в святом источнике, необыкновенные ощущения после этого...

Что же касается значимости этого святого для нас... Это очень легко понять, если попытаться представить, что Серафима Саровского вообще никогда не было на земле. И мы мгновенно почувствуем пустоту, отсутствие заступника, святого, к которому можно обратиться с просьбой, с самой сокровенной молитвой, в самых тяжелых обстоятельствах, и он обязательно поможет. Ведь к нему обращались даже с такими пустяковыми просьбами как "Ваше Боголюбие, помогите, голова болит..." И головная боль проходила. Если вообразить, что его нет, сразу что-то огромное уходит из жизни. Поэтому его значение так важно сейчас, когда человека прессуют со всех сторон... И этот прессинг направлен в первую очередь на человеческую душу. Причем используются самые изощренные методы. И если бы не было заступничества преподобного, человеку было бы трудно выжить и сохранить в чистоте свою душу.

**Лариса Геннадьевна
МОНАХОВА, помощник
председателя правления
группы компаний
"Вимм-Билль-Данн"**

Услышав ваш вопрос - почему именно преподобный Серафим - я вспомнила недавний разговор со своим коллегой. Узнав о серьезной программе по подготовке празднования столетия канонизации Серафима Саровского (создание правительственной комиссии и проч.), он спросил меня: "А как люди-то узнают, что идут такие приготовления, что будет такое празднование? Ведь никакой рекламной кампании особенной не ведется!" Весьма показательно, правда? Мы привыкли, что любое событие в современном мире тогда приобретает значимость, когда становится телевизионной или газетной новостью или появляется в рекламной кампании. Однако в случае с празднованием столетия прославления Серафима Саровского дело обстоит иначе: практически каждый человек, который хоть как-то соприкасался с историей русской православной святости, знает имя преподобного Серафима. Ежегодно паломники со всех уголков России и из других стран приезжают в Дивеево к Серафиму Саровскому. Я сама не первый год совершаю это паломничество. У меня есть знакомые, с которыми мы встречаемся только на этом празднике, один раз в году. Но встречаемся обязательно. А если кто-то не приезжает, то сразу начинаем тревожиться: не случилось ли чего. И все это безо всякой рекламной кампании, зазывных роликов и специально выделяемых бюджетов! Наоборот, насколько я знаю, в предверии празднования организаторы даже пытались как-то ограничить поток информации, не "рекламировать" событие, осознавая, какое количество людей может приехать в Саров и Дивеево. И тогда всех желающих просто не удастся принять. Это, на мой взгляд, не только отвечает на вопрос моего знакомого, но и свидетельствует об уникальной близости святого Серафима современному человеку...

Мой приход в Церковь был самым непосредственным образом связан с именем Серафима Саровского. Его Житие, а потом Летопись Дивеевского монастыря стали первыми книгами о православии, которые я прочла. Житие святого меня глубоко взволновало и вдохновило. Читая, я ощущала близость святого, который как бы находится рядом с тобой, обращается к тебе со словами

“Христос Воскресе, радость моя”. Конечно, эту простоту и святость далеко не все способны понять и воспринять. Но парадоксальным на первый взгляд образом преподобный Серафим удивительно близок и совершенно понятен простым людям. Обратите внимание: подготовка к празднованию столетия в народе началась гораздо раньше и шла гораздо быстрее, чем все официальные приготовления и мероприятия. И это тоже свидетельствует о том, что празднование это действительно народное, не “спущенное сверху”, не “использованное властями”. Искренность почитания Серафима, простота обращения к нему и единственность ответов и является сегодня, как мне кажется, “уверением Фомы” - современного скептика. И я убеждена, что если такой скептик сможет раскрыть свое сердце для любви Божией и для преподобного Серафима, он ощутит то, что чувствуют уже сегодня сотни тысяч, а может быть и миллионы людей, и что с ним обязательно произойдет тихое чудо любви, и он вслед за преподобным Серафимом повторит: “Христос Воскресе, радость моя!”

**Юрий Павлович ВЯЗЕМСКИЙ,
автор и ведущий
интеллектуальной
телеолимпиады**

**“Умницы и Умники” (1 канал),
заведующий кафедрой
мировой литературы и
культуры МГИМО, профессор**

Моя самая дорогая, самая любимая молитва – это молитва оптинских старцев, которая заканчивается словами: “Господи, руководи мою волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить”. И когда я читаю эту молитву дома перед иконами и произношу эти последние слова, мой взгляд почему-то всегда невольно останавливается на лице преподобного Серафима Саровского... Я думаю, что он не только помогает мне осознать эту молитву, но всем своим жизненным подвигом осуществляет эту лестницу восхождения от простого к чрезвычайно сложному. Потому что вот эти просьбы к Богу я всегда воспринимал как лестницу трудностей человеческого восхождения – от молитвы, через молитву и остальные ступени – к самому сложному – к любви. И Серафим Саровский именно этим путем шел. Он действительно умел любить, следя

в своей жизни словам святого Иоанна Богослова, любимого ученика Христа, который, если верить преданию – а чему еще мы можем верить? – повторял в конце жизни лишь одну фразу: “Дети, любите друг друга”. Пять лет так говорил, потому что считал, что это самое главное. И Серафим Саровский тоже мне и всем нам говорит: “Любите друг друга”. А поскольку это безумно сложно, и человек, который действительно умеет любить, – он и есть человек святой и самый богатый, и самый в каком-то смысле просвещенный, то вот вам и лесенка восхождения: научитесь вначале молиться, потом научитесь верить, потом терпеть, потом прощать, потом любить... Если мне удастся хотя бы на вторую ступеньку взобраться, и первую освоить, то думаю, что это произойдет не без помощи преподобного Серафима...

Вообще мне представляется, что у нас – особенно в, так сказать, широких кругах – почему-то до конца не осознали, что XIX век, это самое блестящее в истории России столетие, есть не только век великой литературы, но и, конечно, век Серафима Саровского. В каком-то смысле он был чрезвычайно созвучен великим художникам и на своей почве, на склоне религиозного восхождения делал и сделал не меньше того, что Пушкин, Толстой и Достоевский сделали в области литературы...

**Владимир Александрович
ГУРБОЛИКОВ, редактор
журнала “Фома”, старший
редактор центральной
профсоюзной газеты
“Солидарность”**

Преподобный Серафим – святой, который когда-то убедил меня стать православным.

Это произошло летом 1992 года. Я к тому времени уже не был атеистом, но долго находился под влиянием Перихов и толстовства. Даже статьи писал в анархо-синдикалистском журнале “Община” – о том, как “правильно” Лев Толстой боролся с Православной Церковью.

Но назревал кризис. Я думал о том, что делаю, как живу, и ощущал в сердце растущую пустоту. Раньше я, как и многие, повторял фразу “Бог – в душе”, но со временем росло во мне ощущение, что ПРОСТО ТАК – откуда Богу в моей

душе взяться? Меня настораживала разноголосица религиозных учений. Ведь это лишь для самого поверхностного взгляда религии одинаковые – стоит лишь немножко “копнуть”, и увидишь глубокие расхождения. Мне было тревожно, что на фоне “духовных” разговоров я, в сущности, ничего не делаю; а ведь понятно, что вера (любая вера), как это точно сказано в Новом Завете, мертвя без дел. Но что же делать?

В какой-то момент из винегрета религиозной литературы, которую я читал тогда, “вынырнула” книга отца Александра Меня “Сын Человеческий” и целиком меня захватила.

До знакомства с этой книгой я практически не мог читать Евангелие, потому что пытался делать это по-толстовски: “принимал” (а на самом деле, перетолковывал на свой лад) нравственные принципы христианства и отвергал “придуманные” чудеса Писания и вообще всю евангельскую мистику. Как я тогда считал, это все были пережитки античного и средневекового “поповского” сознания. И Книга “рассыпалась” в моих руках. Застревали в сознании слова, фразы, иногда целые эпизоды, но целостного восприятия не возникало. И я, думая, что причина в несовершенстве Евангелия, вновь лез в дебри “Розы мира” и тибетской “Книги мертвых”, все больше запутываясь и отчаявшись понять, можно ли вообще спасти свою душу, и что, собственно, значит душа в этих джунглях эонов, мистических ловушек и каруселях реинкарнаций...

И вот, наконец, читая отца Александра, я с радостным изумлением обнаружил целостность Евангелия: в единстве духовного и нравственного Закона - и Иисуса Христа, Который пришел этот Закон исполнить, и исполнив, пожертвовав Собой, воскрес. Ничего “детского”, наивного я больше не находил в Евангельских чудесах. И чувствовал, что в моей жизни появляется Тот, без Кого я теперь уже не мог представить свое существование. Христос становился для меня настолько Подлинным и Живым, что хотелось идти и искать Его, быть с Ним, оставаться с Ним и здесь и там, в будущей Жизни.

Но этого чувства было недостаточно. Я знал, что христианских конфессий много, и хотя для меня большое значение имел тот факт, что ТАКАЯ книга о Христе написана православным священнослужителем, я все же не знал, как мне разбираться во всем этом.

И тут пришел преподобный Серафим и ответил на мой вопрос. Дело было вот как. Однажды мы вместе с женой на несколько дней приехали с дачного участка в город, в нашу московскую

квартиру. Я включил телевизор и сразу попал на передачу, посвященную обретению и перенесению мощей преподобного, которые были найдены в запасниках бывшего музея в Казанском соборе Санкт-Петербурга. На фоне картин крестных ходов и молебнов перед останками Святого, диктор читал его жизнеописание. Из того, что читалось, я запомнил немногое. Кажется, о медведе, которого преподобный Серафим кормил хлебом, о монахине, видевшей одно из Серафимовых чудес, о том, как преподобный простили зверски избивших его разбойников, как готов был уйти из родного монастыря, узнав, что их собираются судить...

Я смотрел, слушал... Внешне между тем, что накануне было прочитано мною о Христе, и сказанным в передаче, не было прямой связи. Разве, может, удивительное величодушие Серафима к избившим его крестьянам напомнило чем-то евангельские строки о покаявшемся разбойнике, распятым по правую руку от Христа... Но я вдруг осирот и “математически”, как аксиому, понял и принял, что связь все-таки есть.

Я почувствовал, глубоко, сердцем почувствовал, что и смиренная любовь, и чудеса преподобного Серафима - это прямое продолжение Евангелия, это свидетельство того, что Христос не покинул нас две тысячи лет назад. Что Церковь, Им созданная, никуда не делась. Что ВОТ ОНА, ЗДЕСЬ - в православном образе святости. И не в одном только преподобном Серафиме, но и в тех, кого он учил любить и молиться, у кого сам он учился быть ТАКИМ - начиная от Самого Христа и Его апостолов до своих современников.

Церковь по-прежнему в сердцах этих людей, которые всей душой стремятся сохранить живое общение с Богом, быть верными ТОМУ САМОМУ, настоящему христианству. Которое потому лишь и православное, что - подлинное, переданное из сердца в сердце, от поколения к поколению. Это единство всамделишной, огромной (как и подобает для христианства) любви, и веры, которая БУКВАЛЬНО способна двигать горами, - все это я увидел в человеке, родившемся через девятнадцать столетий после Христа, так далеко от Палестины!.. Человек этот отворил для меня дверь в Православие.

А дальше? Дальше были другие люди, которые учили меня, несмотря на неизбежные сомнения и разочарования, любить православное христианство, любить Самого Христа так, как любил Его дорогой наш Батюшка, преподобный Серафим Саровский.

**Марина Андреевна
ЖУРИНСКАЯ, редактор
журнала "Альфа и Омега"**

Один раз я испытала удивительно отрадное чувство всеобщей связанности Православной Церкви на небе и на земле. Это было в день памяти новомучеников, в храме Новомучеников и исповедников Российских в Бутове, где особенно почитается священномученик Серафим (Чичагов) - именно тот архиерей, который готовил прославление преподобного Серафима Саровского. После службы один из очень уважаемых московских протоиереев от имени своего прихода подарил храму большой образ Преподобного с частицей мощей, напомнив, что преподобный Серафим связан с этим храмом и с этим местом через священномученика Серафима. После службы все прикладывались к иконе священномученика Серафима и к подаренной иконе преподобного Серафима. А сбоку у стены в кресле сидела старенькая игуменья Серафима, родственница Священномученика, получившая это имя в постриге. И все к ней подходили и кланялись, и она всех благословляла и желала здоровья и всяких благ. Вот через это имя - Серафим - осуществлялась зрячая связь: и преподобного Серафима с новомучениками, и в Бозе почивших и у престола Божиего предстоящих православных святых, и нас грешных, недостойных, но все-таки у врат Церкви пребывающих. Это зрячко осуществлялось тремя образами, тремя иконами: священномученика Серафима, преподобного Серафима и матушкой Серафимой. Это произвело на меня очень сильное впечатление. Я была просто счастлива, что побывала тогда на службе...

Я думаю, что уникальность, важность и близость опыта, о котором говорил преподобный Серафим, - стяжение Духа Святого - всем нам понятна. Это связано с тем, что каждый в жизни своей каким-то пусть пока закрытым для себя образом, но наверняка испытал, хоть мимолетно, соприкосновение с Духом Святым, дуновение Духа Святого. Какое-то мгновенное вокруг себя изменение - как будто что-то быстро пролетело. Ведь символическое изображение Духа Святого в виде голубя на этом и основано. Дуновение Духа Святого воспринимается как быстрый пролет какой-то птицы. Священное дыхание, священное дуновение, священный ветер, священный порыв...

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) писал о том, что первичный дар Духа - это дар жизни. В этом смысле дар Духа имеет любое растение, любое животное, любой человек. А еще можно вспомнить двух западнохристианских мыслителей, один из которых, Тертуллиан, говорил, что "человеческая душа по природе христианка", а другой, Августин, замечал: "Боже, Ты создал нас для Себя и мятется сердце наше, доколе не успокоится в Тебе". Человек может считать, что он очень счастлив, всего добился своим умом и руками, но в глубине своей его существо мучается и плачет, его душа - христианка по природе - ищет Творца...

Преподобный Серафим известен как старец, принимавший всех к нему приходящих, как душепопечитель инокинь, как подвижник, достигший духовных высот в стяжании Духа Святого и как носитель Пасхальной радости. И еще он - как и преподобный Сергий Радонежский - уже при жизни стал иконой. Даже не в богословском, а в научном смысле слова - образом. И в том, и в другом святом чрезвычайно характерно проявились те черты, которые вызывают в нас преклонение перед духовным опытом, перед духовным лицом. Недаром же Преподобного Сергия зовут "игумен земли русской" (по-английски, например, слово игумен здесь было бы с определенным артиклем the как знаком уникальности, единственности). А преподобный Серафим - это тоже образ, образ старца. Я думаю, что от него очень много пришло к оптинским старцам: именно это невероятное количество тепла, которое он отдавал людям. Ведь опыт русского старчества отличается от опыта, скажем, сирийских или греческих отцов. Я не хочу никоим образом умалять их подвига, но они почитаются как наставники главным образом монахов. И это правильно и закономерно. А русские православные старцы свой уникальный опыт раскрыли и для мирян. Преподобный Серафим воспринимается именно как предтеча оптинских старцев и именно в этом их делании, в этом их святом подвиге, - в подвиге открытости переполненной благодатью души для мира, для всех людей. И "из чрева потекут реки воды живой" - это и про преподобного Серафима, и про оптинских старцев. И очень отрадно, что ныне прославлен преподобный старец Серафим Вырицкий, почитатель и последователь Преподобного старца земли Русской.

**Алексей Николаевич
ЗАХАРОВ, генеральный
директор компании
"Триумвират Девелопмент",
руководитель кадрового
агентства "СуперДжоб"**

Мне трудно говорить о значении для всех или для страны. Скажу о себе. В моей жизни был очень светлый период. Мне посчастливилось неделю во время Успенского поста жить и работать в Дивеево. То, что я видел и чувствовал там, сложно передать словами. Я видел живую веру людей. Для них преподобный Серафим - это не легенда, не символ, а абсолютно живой человек. К нему ходят советоваться так, как ходят советоваться к старшему товарищу, к любимому дедушке, к наставнику. Я видел, как человек, уходя помолиться в соседнюю комнату, говорил: "Пойду попрошу помочь у батюшки Серафима". И говорилось это так, как будто бы батюшка Серафим в то время сидел в соседней комнате и ждал именно этого человека. Это звучало настолько живо и обыденно, что... Мы часто говорим: "Попрошу друга помочь" (например, перевезти вещи). И говоря это не сомневаемся, что друг нам не откажет. Мы верим в это. Я видел людей, которые, обращаясь к Господу или батюшке Серафиму, были абсолютно уверены в том, что помочь обязательно придет.

**Игорь Владимирович
МЕЦАН, советник-
руководитель пресс-службы
ОАО "Оборонительные
системы"**

Первое житие святого, которое я в своей жизни прочитал - это было житие Серафима Саровского. Я читал его каждый вечер, мог открыть на любой странице и читать с любого момента. Оно было тем, что создавало мой внутренний мир, созидало внутренний покой, вдохновляло и радовало. Когда ты читаешь такую книгу, ты как бы прикасаешься к этой святыне. И в каком бы ты ни был настроении, ты все равно приходишь в благоговейное состояние радостного покоя. Даже если до этого ты бушевал и внутри все бурлило, когда ты начинаешь погружаться в жизнь препо-

добного, у тебя внутри все успокаивается. Я думаю, что это очень важно: в нашей сумасшедшей жизни с ее бешеным ритмом внутри должна обязательно быть некая зона стабильности, зона вечности, зона того, что всегда с тобой.

Неслучайно преподобного Серафима даже сегодня чаще всего называют просто "батюшка Серафим". Потому что он такой родной, близкий, потому что мы к нему можем обратиться, даже поплакаться, попросить о помощи - любой, даже самой казалось бы неважной...

Если преподобный Сергий Радонежский был игуменом Земли Русской, строителем русской государственности, то преподобный Серафим, с моей точки зрения, - это само воплощение русского духа. То есть это то, что скрыто внутри нас и что мы должны реализовать, к чему стоит стремиться. Как говорил преподобный - стяжи дух мирен и тысячи вокруг тебя спасутся. Для меня это означает, в том числе и то, что нельзя никого получать или стараться переделать. Надо начинать с себя. И если у нас будет такой сильный дух, если мы хотя бы на одну тысячную долю продвинемся к этому, значит мы спасемся. Мы выживем. Прежде всего духовно. А это и есть самое главное. Основное отличие человека от животного - наличие духовной жизни. Вот почему преподобный Серафим и праздник столетия его прославления очень важен для любого, кто стремится жить духовной жизнью.

**Виктория Ивановна
УКОЛОВА, заведующая
кафедрой всемирной и
отечественной истории
МГИМО (У) МИД России,
профессор, доктор
исторических наук**

Я думаю, что Серафим Саровский символизирует собой, прежде всего, будущее России. Мы знаем его предсказание - о светлом будущем нашей страны. Это предсказание исполнено надежды. И для нас это сейчас очень важно, потому что мы переживаем не самый блестящий период своей истории. Мы находимся на историческом перепутье.

Кроме того, Серафим Саровский - это, если можно так сказать, радостный святой (мы помним, что он приветствовал приходящих к нему людей словами: "Радость моя!"), а радости в современной

нашой жизни очень мало. Но ведь человек без радости не может жить. И Серафим Саровский - это тот, кто дарит людям духовную радость, то есть радость, которая раскрывает нам смысл существования. А это для человека чрезвычайно важно.

Наконец, Серафим Саровский - смиренный святой. Впрочем, многие святые были смиренными, но смиренность преподобного Серафима исполнена такого достоинства и такого человеколюбия, такого искреннего и теплого отношения не к людям вообще, но к каждому, кто к нему обращался или обращается сейчас, что это делает его близким, родным. Это делает его именно тем святым, к которому очень просто обратиться и который поможет человеку в любой ситуации сохранить достоинство. Это важно, потому что наше время - это время, когда многие люди потеряли свое место в жизни (свое человеческое место, которое не зависит от места в социальной структуре), а значит, потеряли и достоинство - не в социальном, а в гуманистическом смысле...

О Серафиме Саровском я узнала еще в детстве. О нем рассказала мне моя учительница французского языка, которая в свое время была свидетельницей прославления Серафима Саровского в 1903-м году. До этого времени Серафима Саровского знали не очень широко, тогда же много разговоров было связано с царской семьей и, в частности, с ожиданием наследника. Каких-то деталей моя учительница сообщить не могла, потому что сама была в то время девочкой. Но она глубоко почитала Серафима Саровского, и всю свою жизнь относилась к нему с особым трепетом, хотя в те времена вера в Бога не поощрялась. Она даже подарила мне образок преподобного. Это был для меня дорогой подарок, ведь семья наша была перспективной.

С этой маленькой иконкой в серебряном окладе, подаренной мне моей учительницей, связаны неординарные события. Так вышло, что в один очень тяжелый момент моей жизни я утратила эту иконку. И со мной произошла странная вещь: я забыла о Серафиме Саровском. Не просто забыла, но будто бы у меня совершенно стерлось из памяти само его имя. Много-много лет, надо сказать откровенно, я не вспоминала об этом святом, хотя ходила в храм, ставила свечи, и наверняка видела икону с образом старца Серафима.

Спустя годы наступил еще один очень тяжелый момент в моей жизни. Я узнала, что мой муж неизлечимо болен. Я помню, как ехала из больницы после того, как мне об этом сказали. На станции метро "Библиотека имени Ленина", на лестнице в переход, я вдруг на минуту потеряла сознание,

- помню только, как меня подхватил кто-то из проходящих рядом людей. И в этот момент я вдруг вспомнила Серафима Саровского. Я поняла, что мне необходимо бежать молиться ему. И, как молния, промелькнула мысль, что в Свято-Даниловом монастыре есть часовня Серафима Саровского. Откуда я это помнила?.. Это было как раз на той станции метро, где есть переход на нужную линию. Я поехала, нашла часовню в Даниловом монастыре и молилась о том, чтобы мой муж ушел из жизни без страданий. Не о том, чтобы он был исцелен: не хватило духа просить такое. И самое удивительное заключается в том, что муж мой не чувствовал боли до самого последнего момента своей жизни, что бывает чрезвычайно редко при таких заболеваниях. Он тихо, спокойно угасал. Я считаю, что это дар мне Серафима Саровского.

Было еще два момента в моей жизни, связанных с преподобным Серафимом. У меня сильно болели ноги. Не просто болели - я не могла ходить, было такое обострение артрита, что речь шла уже о костылях. И вот, ни с кем не советясь, я пошла к Серафиму Саровскому, стала на колени перед образом, понимая, что встать обратно я, может быть, уже не смогу. Наверно, это потребительское отношение, но со временем болезни моего мужа я сознательно ходила в церковь и всегда ставила преподобному Серафиму свечку - с благодарностью, ничего не прося. Мы ведь и так всегда так много просим и ничего не хотим отдавать... И я молилась на коленях: "Сделай, как ты хочешь!" Не о том, чтобы у меня не болели ноги, - нет, я полностью положилась на волю Серафима Саровского. И я поднялась с колен, и с тех пор хожу. Конечно, иногда ноги побаливают, но ни о каких костылях не может быть и речи!

**Сергей Валерьевич ЧАПНИН,
ответственный редактор
газеты "Церковный вестник"**

Имя преподобного Серафима связано со многими событиями моей жизни. Расскажу об одном - первом и самом радостном. В начале февраля 1991 года я почти случайно узнал, что на днях моши преподобного Серафима, вновь обретенные несколько недель назад в Санкт-Петербурге, бу-

дут перенесены в Москву. Уточнить день оказалось несложно, а вот о времени прибытия поезда никто не мог сказать. Первые питерские поезда приходят на Ленинградский вокзал рано утром. Значит, чтобы не пропустить тот поезд, к шести утра надо быть уже на вокзале. Приезжаю, вокруг пустынно и холодно. Поезда приходят, но никаких приготовлений к встрече не видно. Не ошибся ли я днем? Через некоторое время появились усиленные наряды милиции. Похоже, я не ошибся, и мне надо просто ждать. Я очень надеялся, и более того, был почти уверен, что мне удастся встретить моища преподобного прямо у вагона. Но как узнать, на какой перрон прибудет поезд? И милиция, и сотрудники вокзала отказывались что-либо говорить. Тогда я обратился к преподобному: "Отче Серафиме, где мне остановиться?" И в этот момент я оказался в начале платформы, где стала собираться милиция. Я, не раздумывая, пошел по платформе вперед и буквально через минуту, уже за моей спиной, было выставлено оцепление. Я оказался среди тех, как мне кажется, ста пятидесяти-двухсот человек, которые встречали моища прямо у вагона.

Внешне была обычная в таких случаях суeta, но на сердце было спокойно и легко. Я стоял чуть в стороне, и меня не покидало чувство, что здесь на перроне Ленинградского вокзала я встречаю родного и близкого человека. Прямо у вагона был отслужен первый молебен. Потом маленький крестный ход пошел к вокзалу. Какое поразительное зрелище нам открылось! Там, за оцеплением, стоят тысячи и тысячи людей. Неужели все они знают о батюшке Серафиме? Это было потрясающе!

И как стремительно все вокруг изменилось. Встреча на перроне была личной, камерной, казалось, это встреча один на один. На вокзале же она многократно расширилась, превратилась в огромное церковное торжество. Видела ли Москва такое прежде? Мы шли вокруг Казанского вокзала, по его грязным задворкам, далее по Новорязанской улице мимо каких-то заводов и троллейбусного парка к Елоховскому собору. Такую ли Москву надо показывать преподобному? Но недоведение растаяло, потерялось в радости, которой все вокруг были охвачены. Я тогда впервые понял, какой удивительной силы исполнено его обращение ко всем, искавшим его совета. Преподобный просто говорил: "Радость моя!"

**Мария Сергеевна ЮРЬЕВА,
студентка ПСТБИ,
мать пятерых детей**

У меня много любимых святых, но преподобный Серафим особенный. Слова, с которыми он всегда обращался к приходившим к нему людям - "Христос Воскресе, радость моя!" - еще в детстве произвели на меня очень сильное впечатление. Расскажу о двух случаях в моей жизни, связанных с преподобным Серафимом.

Когда мне было лет 12, мы с мамой поехали в монастырь. Так случилось, что накануне причастия мы сильно поругались. Вечером я легла спать и думала: "Ну, нет: я прощения точно просить не буду. Но, с другой стороны, как же я буду причащаться?" Проснувшись утром часов в пять я подошла к иконному углу. На аналое лежал листочек бумаги, на котором было написано: "Там, где Бог - там нет зла". И подпись "Преподобный Серафим". Тетрадный листочек в клеточку. И фломастером написано. Когда я этот листочек увидела (его вечером не было в комнатке, я это точно помню, потому что на этом аналое читала вечернее молитвенное правило), то сразу побежала к маме просить прощения. Потом мы подошли с ней к аналою, но листочка уже не нашли. А ночевали мы в монашеской келье, которая закрывалась изнутри, так что войти туда никто не мог...

Еще была такая история. Мне очень хотелось, чтобы у меня была частица мощей преподобного Серафима. В субботу вечером я пошла на всенощную и сказала об этом своему духовному отцу. Попросила его благословить меня съездить в Дивеево. Я думала обратиться к игуменье за помощью. Сказать ей, что я так люблю преподобного Серафима и с детства его почитаю, что, может быть, она мне даст частицу его мощей. Мой духовный отец посмеялся над этим и сказал, что не надо никуда ездить: "Если Преподобному будет угодно, то он сам к тебе придет". Я шла в субботу вечером домой и думала: "Как это он ко мне может прийти, как такое возможно? Что-то батюшка не то сказал..." Когда я пришла домой, раздался телефонный звонок. Звонил знакомый священник. Он сказал "Маша, я знаю, что ты любишь преподобного Серафима, а мне вот только что пожертвовали частицу его мощей. Я бы хотел тебе ее отдать". Так преподобный Серафим ответил на мои молитвы...

Фото Сергея Чапнина

Епископ Георгий (Данилов) родился 14 августа 1964 года в г. Жлобин Гомельской области, республики Беларусь. С мая 1984 по июнь 1986 года проходил срочную службу в Вооруженных Силах. В 1986 году поступил в Московскую Духовную Семинарию. В ноябре 1988 года - был принят послушником в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру.

22 декабря 1989 года пострижен в монашество с именем Георгий (в честь великомученика Георгия Победоносца). В июне 1990 года закончил Московскую Духовную Семинарию и поступил в Московскую Духовную Академию. 9 апреля 1991 года рукоположен в сан иеромонаха. В январе 1993 года назначен экономом Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. В июне 1995 года закончил Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия

по кафедре Истории Русской Церкви, тема кандидатской диссертации "Житие и Патриаршее служение Святителя Тихона (Белавина)". С августа 1995 года читал курс византологии в Московской Духовной Семинарии. 31 мая 2002 года назначен экономом объединенного хозяйства Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и Московских Духовных школ. Определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 26 декабря 2002 года архимандрит Георгий, эконом Троице-Сергиевой Лавры, назначен на Нижегородскую кафедру. Наречение и хиротония (рукоположение) состоялись в Москве. Архиерейская хиротония совершена во время Божественной литургии в храме Христа Спасителя 2 февраля 2003 года под руководством Святейшего Патриарха Алексия II.

Епископ Георгий:

"ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ - ЭТО МЫ,"

только очищенные от грязи, от греха, от беззакония"

- Владыка, в Русской Православной Церкви столетие прославления Серафима Саровского по праву считается главным событием текущего года. А как объяснить значение этого праздника людям нецерковным или малоцерковным? Почему именно преподобному Серафиму уделяется такое внимание?

- Безусловно, столетие прославления Серафима Саровского - самый важный для Церкви праздник в 2003 году. Но не только для Церкви. Мне кажется, что он имеет огромное значение для всей полноты нашей земли, для всего нашего Отечества. Почему? Фактически в каждом доме православного христианина на Руси есть икона преподобного Серафима Саровского. С этим святым у многих людей связано очень многое. Именно его житие, его наставления, его молитвы и молитвенное обращение к нему нравственно очищают, помогают обрести внутреннюю силу, внутреннюю крепость для нашей непростой жизни. Мы до сих пор переживаем смутное время. Десятки миллионов людей были сорваны с насиженных мест, многие лишились работы и возможности реализовывать себя в полученной профессии и проч. - практически во всех сферах жизни произошли очень резкие изменения. Конечно, на этом переломном моменте людям не просто. Всем нам - и тем, кто ощущает потребность в христианской церковной жизни, и тем, кто пока делает лишь первые неуверенные шаги к Богу - необходима духовная поддержка, духовные силы. И такая сила есть в святых, такая сила безусловно есть в житии преподобного Серафима.

- И все-таки это тоже больше относится к людям церковным...

- А где та граница, которая сегодня отделяет церковных людей от малоцерковных? Или малоцерковных от тех, кто делает самые первые шаги к Богу? Не создаем ли мы такие искусственные деления и разделения? Ведь на самом деле сейчас уже мало кто остался на резко антицерковных позициях...

Если все же говорить о значимости праздника для всех наших соотечественников, то она, безусловно, ощущается не только в собственно церковной среде: в преддверии торжества вышло постановление правительства о создании организационного комитета по оказанию содействия Русской Православной Церкви в праздновании столетия канонизации. Сопредседателями этого комитета являются митрополит Минский и Слуцкий Филарет, патриарший Экзарх в Белоруссии и Полномочный представитель президента в Приволжском федеральном округе Сергей Владilenovich Кириенко. Это, как сейчас принято говорить в прессе, факт беспрецедентный. И свидетельствует, на мой взгляд, о том, что столетие канонизации воспринимается не только как внутрицерковное событие, но имеет огромное значение для общества в целом.

Празднование будет сопровождаться не только церковными богослужениями и крестными ходами, но и конференциями, выставками, открытыми уроками в учебных заведениях. Посвященные этой годовщине мероприятия пройдут в разных областях России и в Украине, где также будут очень широко отмечать день памяти Серафима Саровского.

Поэтому, как мне кажется, называть празднование столетия прославления Серафима Саровского чисто церковным празднику неверно. В Дивеево собираются прибыть многие иностранные знатные гости: как официальные представители различных Церквей и государств, так и простые паломники.

- Известно, что в традициях русского старчества - духовное руководство не только монахами, но и мирянами. К преподобному Серафиму Саровскому приходили сотни, тысячи простых людей. Как Вы думаете, почему такая традиция сложилась?

- Традиция русского старчества складывалась на протяжении столетий. Истоками этой традиции стали как дух пустынножительного монашества, так и стремление к служению всем людям.

дям. Отсюда и та уникальность русской монашеской традиции, о которой вы сказали. Думаю, причин здесь множество и кратко на этот вопрос ответить не получится. Поэтому я бы сейчас хотел подчеркнуть вот что. Во-первых, преподобный Сергий Радонежский и преподобный Серафим Саровский являются типичным проявлением святости и подвижничества первых веков христианства - той силы духа, силы молитвы, которая была присуща раннехристианской общине. Во-вторых, они являются воплощением того внутреннего мира русского человека, того потерянного "града Китежа", о котором мы все сегодня тоскуем. Преподобный Серафим - это мы, только очищенные от грязи, от греха, от беззакония. Он такой же добрый, милосердный, сострадательный, неунывающий... Хотя по житию мы знаем, сколько всего ему пришлось перенести. Это и есть сила русского духа...

- Владыка, Вы общаетесь со многими людьми, разными и по духовному развитию, и по социальному положению. Как Вы думаете, насколько все они - мы - действительно понимают важность происходящих сейчас событий, связанных с этим замечательным празднованием?

- Конечно, не стоит ни впадать в эйфорию и рисовать все в таком розовом свете всеобщего глубокого понимания и радости, ни жаловаться на то, что все плохо и никто ничего не понимает. Мне приходится встречать разное отношение к празднованию столетия канонизации Серафима Саровского, разные мотивации участия людей в этом грандиозном событии. Думаю, что это тоже естественный процесс, если угодно, становления жизни - у многих людей идет внутренняя борьба: куда пойти, зачем это нужно и т.д. Приходится много трудиться, чтобы разъяснить, показать, а самое главное, дать людям почувствовать, что это им нужно, что наше возрождение возможно - через преподобного Серафима, через возрождение храмов в Сарове, через воссоздание обители в Дивеево, восстановление Богородичной канавки. И кроме пользы, кроме блага, кроме чистоты и радости это ничего не принесет. Нам очень нужно, чтобы преподобный Серафим был с нами, чтобы он обратился бы к нам со словами пасхального приветствия "Христос Воскресе, радость моя!" В наше жесткое, а порой и жестокое время, очень важно, чтобы кто-то мог сказать человеку именно эти слова.

- Но ведь не все готовы сразу почувствовать, понять и принять даже эту любовь.

- Любовь вообще бывает сложно понять... Конечно, не всегда встречается чувство привержен-

ности корням, традициям, древности. Семидесятилетний пожар оставил свой след. Но и здесь тоже важно не осуждать наших родителей, близких. Хотя и принимать все их поступки тоже не следует. И все же главное понимать, что грустные страницы нашего прошлого - это наша общая беда.

Как лечить эти раны? Мне кажется, что подчас стоит даже не говорить и убеждать - словесно, интеллектуально, - а просто дать возможность человеку пережить какие-то чувства, познакомиться со святыми местами, хранящими память о преподобном. От многословия не бывает пользы. Лучше просто приехать сюда, в Дивеево, помолиться, побывать, поучаствовать в Таинстве. И сама атмосфера, само присутствие преподобного Серафима, которое, на мой взгляд, живо ощущается и переживается здесь, - все это гораздо убедительнее и действеннее любых дискуссий.

- Образ преподобного Серафима действительно чрезвычайно привлекателен для людей. Может быть, поэтому существует множество рассказов, передающихся из уст в уста, кочующих из одного издания в другое, при этом их источник не всегда понятен, часто попросту неизвестен. Как относиться к таким текстам?

- Всему верить нельзя. Сегодня нередко от имени Церкви выступают люди, не имеющие к ней никакого отношения. Иной раз можно встретить просто психически неуравновешенных людей, которые начинают что-то вещать от имени монастыря и т.д. Даже здесь, в Дивеево, кто-то издает книги, которые не благословлены ни Святым Патриархом, ни епископом, ни монастырем. В таких книжках всегда много невероятных чудес и всевозможных пророчеств, которые, кроме смущения или недоверия, никаких иных чувств вызвать не могут. Поэтому, как мне кажется, нужно быть очень осторожным, очень внимательным. Многие хотят "пристроиться" к имени преподобного Серафима, к Дивеевскому монастырю. Мы, конечно, выступаем против этого и очень надеемся на звездность и трезвость нашего народа.

- Владыка, даже сегодня еще многие считают, что православие - удел людей пожилого и старшего возраста...

- ... И это тоже некий миф, который, я надеюсь, будет развеян - и не без участия преподобного Серафима. С самого начала подготовки к встрече столетия прославления в епархию обращаются различные организации, которые хотят провести свои мероприятия, связанные с празднованием. В числе этих организаций много молодежных. Кто-то хочет потрудиться в мо-

настыре, кто-то - часовенку поставить, кто-то просто приехать и участвовать в торжествах. Многие просят помочь в организации школьных конкурсов, связанных с празднованием. Я мог бы привести еще множество подобных примеров. Но все они свидетельствуют об очень активном участии именно молодежи в православной жизни современной России.

- Мне бы еще очень хотелось - если позвольте - задать Вам личный вопрос: Вы провели много лет в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, а теперь оказались на святой саровской земле. Какие чувства вызвал подобный "переезд"?

- Знаете, когда я узнал о решении Святейшего Патриарха, о решении Синода, сначала мое сердце посетила такая легкая грусть. Чисто по-человечески это вызывало некоторое смущение: в молодом возрасте я переступил порог Сергиевой Лавры, и сердце мое навсегда в ней осталось. Но есть церковные традиции, церковное благословение, то есть благословение Божие. И сегодня в моем сердце нет грусти, нет печали, я по-прежнему люблю Сергиеву обитель, она мне как мать, как родина. Но нижегородская земля - это земля

со своими древними традициями, богатейшим духовным и культурным наследием. Преподобный Серафим Саровский и преподобный Сергий Радонежский, на мой взгляд, чрезвычайно духовно близки. Поэтому я не чувствую себя оторванным от корней, не ощущаю потери. Наоборот, здесь я очень многое приобрел. И верю, что получу здесь силы жить, трудиться, радоваться.

- Владыка, конечно, на торжества приедут многие. Но далеко не все желающие. С какими словами Вы бы обратились к тем, кто по разным причинам не сможет оказаться здесь этим летом?

- Дорогие братья и сестры! Праздник столетия прославления Серафима Саровского является лишь одной из вех нашего духовного возрождения. У кого не будет возможности в этом году прибыть в обитель помолиться, обратитесь с молитвой к преподобному Серафиму. И он обязательно вас услышит и вам поможет. Христос Воскресе, дорогие мои!

Беседовал Владимир ЛЕГОЙДА
Дивеево, апрель 2003 года

Фото Вячеслава Лагуткина

Николай Лисовой

ВЕК СЕРАФИМА: ЖИТИЕ И ВРЕМЯ

Николай Николаевич Лисовой - кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, вице-председатель Императорского Православного Палестинского Общества.

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Говорить, писать о святых, снимать о них фильмы - очень сложно. Сложно, во-первых, потому что давно разрушена традиция, в которой святость была - могла быть! - непосредственным опытом жизни русского человека. Причем разрыв этот произошел отнюдь не семьдесят или восемьдесят лет назад, во времена советского атеизма, а намного раньше. Уже в эпоху преп. Серафима далеко не все понимали и принимали тех людей, которые сейчас прославлены как святые.

Во-вторых, в нашей Церкви почти не существует богословского учения о святости. Как говорил Василий Васильевич Болотов, великий церковный историк, в Православной Церкви хорошо разработано учение о Святой Троице, о Христе, и мало - антропология, то есть учение о человеке. А учение о святости непосредственно связано с христианской антропологией, так как святость является наиболее высоким состоянием человека в его возможном приближении к обожению.

Есть и еще одна тонкость. Внутри самой Церкви к святым всегда относились в известной мере настороженно. По очень понятной причине: потому что она - по лезвию ножа с прелестью, то есть лжедуховным состоянием, псеводуховным опытом. Иногда очень трудно различить, где и как состояние святости переходит в состояние прелести. Как сказал один поэт: "...дни мои бегут лукавы, завиваются кружка, я живу на грани славы, как на лезвии ножа". Так вот, на грани славы - славы не в обыденном смысле, а в смысле цер-

ковного прославления, сияния иконного нимба - это всегда на лезвии ножа. Потому не будем считать странным тот факт, что и к преп. Серафиму, к его подвигам и чудесам иные из его современников и его монастырского начальства относились настороженно.

ЭПОХА

Время, когда жил преп. Серафим (1759-1833) - весьма непростой период в истории русской духовности и русского монашества. Преп. Серафим является ровесником, сверстником монастырской реформы Екатерины Великой - введения монастырских "штатов", конфискации церковных земель. Реформа была проведена в 1764 году. Преп. Серафиму - впрочем, в то время он еще всего лишь мальчик Проша, Прохор Мошнин - было тогда 5 лет. Он растет на фоне этих событий.

Екатерина не была каким-то злонравным врагом, пытавшимся все разрушить в Церкви. Это была действительно великая императрица. Современники Петра I и Екатерины II не были далеки от истины, когда критиковали современное им состояние монашества. Положа руку на сердце, что мы можем вспомнить выдающегося из истории русского монашества и русской святости, скажем, второй половины XVII века, в предпетровское время? Практически ничего. Самые яркие события связаны с расколом, с противостоянием Никона и Аввакума. То есть вся энергия народная, весь духовный потенциал ушел в раскол, негатив, в поэзию раскольнических скитов, воспетых позже

Мельниковым-Печерским и Лесковым. А что осталось “в позитиве”? Огромное число недостатков, погрешностей и просто безобразий, которые на протяжении всей второй половины XVII века и первой половины XVIII века и церковные, и светские власти пытались искоренить.

Посмотрите Деяния Соборов 1667 года, 1682 года, многочисленные указы царя Алексея Михайловича, царя Петра Великого, направленные на то, чтобы искоренить в монашестве пьянство, тунеядство, бродяжничество, привить общегосударственную дисциплину. Появился контроль - да, контроль излишний, чрезмерный - но, тем не менее, контроль со стороны государства. От епископов требовали, чтобы они следили за порядком в монастырской жизни, те требовали порядка от настоятелей, и что-то менялось.

Несколько слов о секуляризации, фактически национализации монастырских владений. Государство не могло уже терпеть, чтобы целый миллион его подданных находился в крепостной зависимости от монастырей и чтобы у монастырей ос-

тавался столь большой процент земель. Екатерининской реформой монашество было освобождено от необходимости вести огромное хозяйство: Троице-Сергиева Лавра, например, имела сто тысяч крепостных, а ее владения находились в семи или восьми губерниях! От этого всего вдруг освободились. И куда должна деваться энергия? Во внутреннее монашеское возрождение! Отныне (хотя это вовсе не “открытие” XVIII века, а изначальная суть иночества) “передний край” монашества - святость - проходит уже через сердце каждого монаха.

Да, конечно, не все оказались к этому способны, не все были готовы. Но все-таки потихоньку начиналось возрождение. Возрождение на новых условиях. В чем эти новые условия? В чем новизна ситуации? Практически впервые петровская и екатерининская эпоха вводит монашество в сферу богословской мысли.

Русское духовенство (если не считать нескольких деятелей малороссийского происхождения), русская Церковь приняла со смирением эту мона-

Петр I перевозит мощи Александра Невского. Литография с картины профессора П.В.Басина (1793-1877)

стырскую реформу. Она всегда все от государства принимала со смирением. Русская Церковь иначе не может, потому что так себя мыслит: внутри государства, внутри Империи, в "симфонии" с ней. И с этой точки зрения, единственный способ внутреннего протеста со стороны русского духовенства и русского монашества заключается... в подвижничестве. И при Екатерине, и после, в Советское время: чем жестче было давление и сильнее гнет, чем жестче становился антицерковный террор, тем больше подвижников, тем больше святых появлялось на русской земле...

ДОБРОТОЛЮБИЕ: МЕЖДУ ЦЕРКОВЬЮ И КУЛЬТУРОЙ

XVIII век, с одной стороны, открыл окно в Европу, и Россию буквально заполонило и задавило европейское просвещение. В данном процессе нередко видят - и справедливо! - много негативного. На самом деле, было и много хорошего. Была нужна наука, - и наш великий Ломоносов сумел претворить и синтезировать науку европейскую в русскую науку. И создать с Шуваловым первый русский Университет. Княгиня Дашкова с благословения Екатерины создает Российскую академию словесности и Словарь Академии Российской. В просвещении как таковом - пока оно не становится затмением - ничего плохого нет, оно было нужно. Даже для монашества: без этого в русской духовной культуре не появилось бы Добротолюбие. Что это такое? Преп. Серафим был младшим современником преподобного Паисия (Величковского), младшим современником митрополита Гавриила (Петрова), которые делают очень большое дело. Первый - сначала на Афоне, потом в своих молдавских монастырях собирает и переводит на русский язык древние святоотеческие поучения, создает так называемое Добротолюбие - большой сборник трудов подвижников-монахов прошлого, являющихся духовной классикой. Второй благословляет это издание и возглавляет его. Таким образом, монахи получают учебную книгу, своеобразную аскетическую энциклопедию. Все Добротолюбие - это ступеньки к молитве. А что такое молитва? Для чего вообще молитва нужна? Преп. Серафим не только в известной беседе со своим учеником Мотовиловым, но и примером всей своей жизни ответил на это вопрос: молитва, так же, как и чтение Священного Писания, так же, как и размышление богословское, как и участие в Литургии - все это только СРЕДСТВА для стяжания благодати Святого Духа. То есть молитва и Добротолюбие открывают человеку новый путь...

Так вот, Добротолюбие возникает тогда, когда монах становится - может при необходимости стать! - ученым-филологом, текстологом, знает языки и может переводить с греческого и, если в греческом что-то не сохранилось, взять в латинских переводах, сопоставить с текстами на других языках. Если открыть Словарь Академии Российской, мы увидим, что главные его авторы были духовными лицами. А благословлял и возглавлял издание вышеупомянутый митрополит Гавриил (Петров).

На самом деле, монашество и вообще Церковь - без культуры не могут. Это вечное противоречие между Империей и Пустыней, между Церковью и Культурой. Нужна ли Церкви культура? Инокуисихасту, который совершает безмолвную, самодвижную Иисусову молитву ничего не нужно: ни Москва, ни Петербург, ни гора Афон, ни Иерусалим с его святынями. Ему даже книги не нужны. Но, с другой стороны, если все мы скажем, что нам ничего не нужно, тогда не будет у нас ни Троице-Сергиевой лавры, ни Саровского монастыря, ни храма Христа Спасителя. В отношении Церкви и культуры диалектика намного тоньше, чем иногда кажется некоторым. Добротолюбие невозможно без высокой культуры, а без Добротолюбия, так же, как и без преп. Серафима, невозможна подлинная духовность. Более того: без Добротолюбия невозможен и сам преподобный Серафим.

Итак, что же произошло во второй половине XVIII века? Две линии развития - линия духовного, богословского просвещения и линия аскетического подвига встретились, столкнулись, потом как-то синтезировались и что-то получилось. Что это за линии и что получилось? С одной стороны - путь европейского просвещения. Оно, как я уже сказал, было нужно со всех точек зрения: и монахам, и для того, чтобы возникла великолепная наша богословская наука, и система четырех академий, семинарий в каждой епархии и т.д. С другой стороны, существовал и другой заповедный путь - внутреннего духовного устройства.

В ФАВОРСКОМ СВЕТЕ

Что такое исихазм? Это другая духовная культура, другая система жизнеустройства, отличная от интеллектуализма просвещения. Граница Запада и Востока (духовного "Запада" и духовного "Востока") прошла по горе Фавор.

Что произошло на горе Фавор? Господь преобразился пред своими учениками: апостолы увидели Христа не обычным человеком, а в сиянии славы, в свете уже здесь, на земле, открывающегося обожения.

Но ведь Господь со всеми своими энергиями, осияниями всегда был такой, с Ним ничего нового не случилось. Преображение произошло с учениками. На какой-то краткий миг у них открылись глаза, чтобы увидеть сияние, увидеть прославленного Спасителя, увидеть, как сказал Сам Христос, "Царство Небесное, пришедшее в силе". (Лишь на короткий момент. Эта сила тут же их сбила с ног, они пали ниц и ничего не видели.) У них открылся слух: они услышали, как Спаситель разговаривает с Ильей и Моисеем. То есть произошло отвержение чувств, открылись новые чувства.

Ведь нам кажется - да, человек слышит, да, человек видит. На самом деле он ничего не видит и не слышит; только какие-то шумы и какие-то светы. А вот когда ему от Бога дано увидеть и услышать, вот тогда он преображается и видит и слышит по-настоящему.

Фаворский свет - это видение, которое возможно только в молитве, на высоком уровне подвига духовного, зрительное восприятие тех самых божественных энергий, божественного присутствия. Мы знаем, что Бог есть всё во всем, мы знаем, что мир пронизан божественной благодатью, но мы это знаем умом, а в молитве и в аскетическом делании мы получаем возможность это

увидеть, прикоснуться. И этими энергиями воспользоваться для своего преображения. В богословие есть такое понятие синергия. Об этом состоянии апостол Павел сказал: "уже не я живу, но живет во мне Христос". И появляется возможность для совсем другого поведения и отношения ко всему. Вроде бы ничего особенного нет, вроде бы преп. Серафим - обыкновенный старичок, в балахончике холщовом, согбенный... И вдруг - небеса отверзаются. И вдруг оказывается, что он видит Россию в новом ее качестве, в новом ее предназначении и в новом способе устройства. Он увидел новый образ России, новый путь России. Поэтому иногда говорят, что он первый в русской истории преподобный пророческого типа. Не потому только, что он кому-то что-то открыл или сказал. А прежде всего по самому типу отношения к жизни. Вот в чем была его "пророчественность".

Преп. Серафим мог сидеть в своей дальней пустынке и молиться в лесу или на камне, и никто его при этом не видел, но не зря он сказал: "Стяжи дух мирен и вокруг тебя спасутся тысячи". Этот дух изливается из каждого молитвенника и начинает преображать и благоустраивать жизнь окружающую. И не только человека, но и бессловесных тварей: и мишка косолапый, и зайцы, и лисы... То, что сейчас называется экология. И на этой новой, духовной экологии прежде всего, основан, между прочим, и иной, иноческий способ хозяйствования. В результате может быть так, что на

"И при Екатерине, и после, в Советское время: чем жестче было давление и сильнее гнет, чем жестче становился антицерковный террор, тем больше подвижников, тем больше святых появлялось на русской земле..."

Иллюстрации
с официального сайта
храма Христа Спасителя
www.xsc.ru

Соловках, на севере, куда в советское время только ссылали и сажали, виноград рос! Монахи своим не только физическим, но и молитвенным, духовным, исихастским трудом так возделывали окружающий мир, что климат менялся. Это совсем другая культура, иной способ устроения и, кстати сказать, способ государствования другой, даже державное строительство, иное, духовное...

Еще в России этого нет, еще снег лежит на полях перед ближней пустынькой, а преподобный Серафим на этом снегу показывает Мотовилову, что значит быть в Духе Святом. Вот это очень четкий образ. Ничего не изменилось: за снеженная поляна, обрубок дерева, пенек, на который он посадил Мотовилова, а сам на корточки перед ним присел.

И вдруг - отверзаются небеса. И вдруг Мотовилова пронизывает фаворский свет, который не жжет, который греет. И преподобный спрашивает: "Как, Ваше Боголюбие, чувствуешь, греет тебя? - Греет. - А смотри, снег-то вокруг тебя не тает, - говорит старичок. - Снег-то не тает, значит, это другое тепло, другой свет, чем тот, о котором ты думал". Вот эта готовность и способность русского человека зажечься этим новым светом, новой энергией, и устроить в будущем всю жизнь свою в фаворском свете подвига и молитвы, возможность строительства иной - фаворской, на открытости к божественным энергиям созидающей - культуры, - об этом пророчество (не в буквальном, писанном, слове) преподобного Серафима.

ВЕХИ ЖИТИЯ

Введение

20 ноября 1778 года в канун праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы Прохор Мошнин приходит в Саровский монастырь.

Праздник Введения в храм Пресвятой Богородицы связан с историей рождения и детства Девы Марии. У Иоакима и Анны долгое время не было детей, и когда, после долгих молитв, было им Божие откровение о рождении ребенка, Анна сказала: "Если будет у нас дитя, отдадим его в дар Господу". Родилась девочка, Мария, и во исполнение обета, когда Марии было три года, родители привели Ее в Иерусалимский храм. И маленькая девочка, к удивлению многих, не раздумывая и не оглядываясь, легко взбежала по пятнадцати огромным ступеням в храм - как будто к себе домой.

По преданию, Ее встретил первосвященник и, прозрев духом, кто входит в храм, ввел Марию во Святая святых, и она жила в храме, питаясь пищей, которую приносили ангелы.

Божия Матерь прообразовывала своей жизнью в храме весь будущий монашеский подвиг: целомудрие, послушание, молитву, пост. Преподобный Серафим к тому же был осенен особой духовной связью с Божией Матерью: Она 12 раз являлась ему в течение жизни, исцеляла от болезней и говорила о нем "Сей - нашего рода". Думаю, что приход в монастырь на Введение не был специально подгадан. Наверное, Прохор спешил, чтобы к празднику успеть в монастырь, но он не имел в виду того, о чем мы с вами сейчас говорим. Искать в этом совпадении какую-то символику, очевидную для нас, ему в голову бы не пришло, это так Бог устроил все.

Имя

Следующий важный момент: при пострижении в монашество послушник Прохор получает новое имя - Серафим. Мы не знаем точно, в честь какого святого получил имя Прохор Мошнин.

Серафимы, как и херувимы, ангелы, архангелы - это один из девяти ангельских чинов, это чин ближайший по своему огневидному, светоносному служению к Самому Богу. В монашестве известны имена - и Серафим, и Херувим.

Главное, что Прохор действительно становится Серафимом - не по имени только, а по сущности: в древнееврейском языке "Серафим" значит "огненный, пламенный".

Билет в пустыню

Преп. Серафим уходит из Саровской обители для подвигов пустынножительства по благословению строителя монастыря Исаии 20 ноября 1794 года - снова в канун Введения, спустя ровно шестнадцать лет после прихода в Саров. Ушел по "билету": в синодальное "дисциплинированное" время и для отшельничества требовался "билет". В документе, цитируемом в Житии, так и сказано: "Уволен для пребывания в пустыне, в своей (то есть монастырской) даче, по неспособности его в обществе, за болезнью и по усердию... единствен-но для спокойствия духа".

Может быть, отец Серафим уходит в пустыню вместе с книгой Добротолюбия, вышедшей в 1793 году. То, что Добротолюбие им активно изучалось, свидетельствуют его поучения. А сравнительно недавно в отделе рукописей Российской государственной библиотеки был найден автограф, где рукой самого преподобного Серафима написано: "А прежде всего читай книгу Добротолюбие".

...Зачем люди уходят в пустыню, в затвор, в молчальничество? И затвор, и пустынножительство внешними средствами максимально способствуют сосредоточению, концентрации. И всё это бы-

ло для преподобного Серафима не самоцелью, а средством. Пройдя жизнь в пустыне, в затворе, в подвиге молчальничества - он очистился настолько, что Дух Святой в него входил беспрепятственно. Помните, как он взял Мотовилова за руку - вот, смотри, мы в духе, а я ведь ничего не сделал, даже не перекрестился, только внутри, в сердце, безмолвно помолился. Вот что такое исихазм...

Подвиг послушания

Итак, жил себе наш подвижник в пустынке, в монастыре даже к службе не ходил - сам молился. Почему же его заставили вернуться в обитель? С точки зрения строгой церковной дисциплины, был действительно в этом некий соблазн для братии: в церковь не ходит. Какой пример и монахам и мирянам окружающим? Возникает новая духовная опасность: на определенной стадии исихастского делания внутреннее совершенство инока, внутренний подвиг может стать соблазном для окружающих.

Пришлось его под белы ручки - и в монастырь проводить. Вот тонкий момент, когда исихастское делание приходит в противоречие с общечерковным деланием. И не потому, что настоятель Нифонт был "плохой человек", возвращает он Серафима в монастырь. На его месте любой бы так поступил. Более того, если бы Нифонт не сказал, то приехал бы архиерей и сказал: а что у тебя Серафим несколько лет в церковь не ходит?

Здесь очень важен следующий шаг. Многие проходившие подвиг на этом спотыкались: вступали в противостояние. А это - потеря всего. Как Симеон Столпник доказал свою святость, свое истинное подвижничество? К нему приехал архиерей и сказал: сойди со столпа. А он перед этим несколько лет не сходил, и даже когда его мать к нему приходила, он не сошел. А тут он взял и сошел. Архиерей развел руками и сказал: вот это действительно святость!

Восьмого мая 1810 года отец Серафим возвращается в Саровскую обитель по настоянию монастырского начальства. Смирение - это и есть критерий православной святости. Готовность в порядке послушания сложить всю свою святость и всю высоту своего подвига к ногам самого невысокого по духу игумена или архиерея. Это очень важно. И в подвижнике при этом ничего не ломается. Да, великолепно - жить в лесу, с медведями, петь псалмы, молиться Богу и питаться травой сниткой. Дали билет в пустыню - спасибо. А теперь потребовали, чтобы он вернулся в монастырь, - и он вернулся. Потом уже, когда на старчество вышел, в 1827 году, ему построили близнюю пустынку, батюшка Серафим

стал туда ходить для уединения. Там и состоялась знаменитая беседа с Мотовиловым...

Разбойники

Важный момент в жизни преп. Серафима - это нападение на него разбойников. Это случилось еще до возвращения в монастырь, в сентябре 1804 года. Троє неизвестных (потом оказалось, что это крепостные крестьяне одного из соседних помещиков) явились к преподобному с требованием денег. Отец Серафим работал тогда на огороде. Он отвечал, что денег у него нет, поскольку он никогда ни от кого не берет. Тогда разбойники набросились на него, повалили, связали, стали избивать.

Серафим не сопротивлялся. Ему было тогда около пятидесяти лет, он был высокий, сильный мужчина, и всегда, по лесному своему жительству ходил с топором. Но когда озлобленные грабители обступили его, он опустил на землю топор и сказал: "Делайте, что вам нужно"...

В своем непротивлении разбойникам преподобный Серафим уподобился Христу, молившемуся за своих мучителей в то время, когда Его распинали на кресте. Преп. Серафим так же простили тех крестьян, и не только простили, но и ходатайствовал потом, чтобы их не судили.

Моление на камне

Вскоре после этого, исцелившись в монастырской больнице от ран и вернувшись, согбенный (он с тех пор всегда ходил опираясь на топор или палку) в свою дальнюю пустынку, преподобный Серафим принял на себя еще один подвиг. Подражая древним христианским столпникам, он решился тысячу дней и ночей молиться на камне. "На этом камне созижду церковь Мою, - сказал Господь, - на камне исповедания веры в Сына Божия". На камне того же исповедания возносил святой Серафим свою молитву о России - святой и грешной, праведной и разбойной, призванной - в будущем - к такому мученичеству и к такой всенародной Голгофе, каких не знали времена жесточайших гонений.

Претерпевший до конца спасется. Претерпев добровольно избиение и поругание, преподобный Серафим еще острее и пламеннее принял в свое сердце боль о богооставленности и радость о воскресении распятой России. "Христос воскресе, радость моя!" - таким пасхальным приветствием встречал он с тех пор всякого, приходившего к нему.

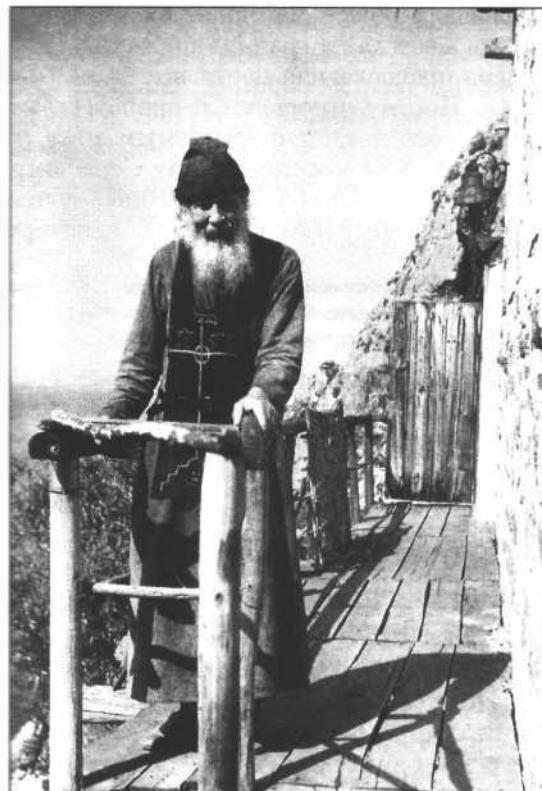
Выход на старчество

И, наконец, последнее, что бы я выделил*из его жизни - это выход на старчество. Это очень важный момент, потому что старчество у нас как-

то принято ассоциировать с Оптиной пустынью. Но старец Леонид (Наголкин) выходит на старчество в конце 30-х - начале 40-х годов XIX века, а старец Амвросий - это 50-ые - 60-ые годы. Преп. Серафим уже в 1825 году выходит на старчество. Конечно, преимущественный интерес к Оптиной пустыни вполне понятен: у нас вся интеллигенция ездила в Оптину. Она была наиболее приспособлена если не для сомневающихся, то во всяком случае для интеллигентов в вере. Гоголь здесь был, Достоевский на три дня приезжал. И Владимир Соловьев посещал. Даже Лев Николаевич несколько раз быть изволил и своею рукою расписался в книге посещений: "Граф Толстой Лев благодарит за гостеприимство".

В Сарове и ближней пустынке никто из них не был. Но сотни и тысячи простого (и непростого) народа - были.

Русский исихаст на террасе своей кельи, построенной им самим на обрыве южной стороны Афона - Карулии.
Иллюстрация из журнала "Русский поломник"

Духовная экономика

Мало того, что преп. Серафим явил в своей святости, в своем преподобническом служении новый тип исихастского жизнеустройства: если Паисий Величковский дал нам Добротолюбие как руководство писаное, то преп. Серафим своим примером явил руководство неписанное. Пояснял же все на очень простых, живых примерах. Скажем, когда обратился к Мотовилову: "Вот, как мы, курские купцы, торговали - мы ж старались как повыгодней. Так и в духовной жизни - старайся в стяжании Духа Святого как повыгоднее, что тебе больше благодати дает".

Все на обыкновенном уровне: "как курские купцы". Многом это не нравится, кто-то видит в этом "приземление", отталкивает само слово "стяжение". Но почему преподобный использует именно эти образы?

Давайте вернемся на две тысячи лет назад, к апостолу Павлу, который говорит: вооружись, как доблестный воин, во всеоружие Божие. Возьми щит, возьми копье и т. д. Означает ли это, что он призывает нас всех идти в атаку? Конечно, нет.

Первое издание "Добротолюбия" в переводе преподобного Паисия Величковского. Москва, синодальная тип., май 1793 г.

"Нужна ли Церкви культура? Иноку-исихасту, который совершает безмолвную, самодвижную Иисусову молитву ничего не нужно: ни Москва,

ни Петербург, ни гора Афон, ни Иерусалим с его святынями. Ему даже книги не нужны. Но, с другой стороны, если все мы скажем, что нам ничего не нужно, тогда не будет у нас ни Троице-Сергиевой лавры, ни Саровского монастыря, ни храма Христа Спасителя".

Но, с другой стороны, эти образы неслучайны, ведь он мог и другие метафоры употребить. Почему же апостол Павел сравнил христианина именно с воином? Как и Христос в своих притчах и учениях, ап. Павел брал метафоры из конкретной окружающей жизни. А в конкретной окружающей жизни что было тогда, да и до сегодняшнего дня что может быть выше воинского служения, когда человек в любой момент должен быть готов пожертвовать собой, своей жизнью? Обратите внимание, что в Евангелии как минимум три воина прославляются, три сотника, центуриона: Лонгин, Корнилий и кипрский сотник. Мне кажется, апостол Павел имел в виду очень простую вещь: ничего сверхъестественного в христианском подвиге нет. Христианский подвиг - это такое служение, которое совершается по подобию различных земных служений.

Точно так же преп. Серафим говорит: с точки зрения духовной экономики, духовного хозяйствования - подражайте хорошим купцам, которые знают, от какого товара больше прибыли. Если у

вас лучше получается молиться - вы молитесь и получайте больше благодати; если вы больше расположены к тому, чтобы милостыню подавать - раздавайте; если вам больше нравится и больше дает благодати для души, когда вы Священное Писание читаете - читайте. Всё во славу Божию...

О ПРОРОЧЕСТВАХ ПОДЛИННЫХ И МНИМЫХ

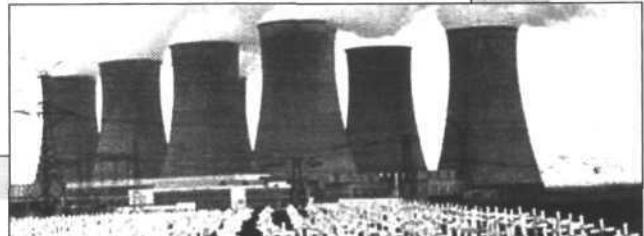
Много сегодня говорят о пророчествах преподобного Серафима. Даже если бы он не оставил никаких словесных пророчеств - в буквальном, обыденном смысле слова, сам его подвиг, его служение для России оказались пророческими. Россия увидела в нем новый путь, возможность жизни в Духе Святом.

Что касается непосредственно слов и текстов, которые с большей или меньшей достоверностью приписываются преподобному Серафиму, позволю себе сначала общее методическое замечание. Как святость - всегда на грани с прелестью, точно также и вера православная почти всегда на грани с суеверием. Потому отношение к пророчествам и к каким-либо текстам, приписываемым тому или иному лицу, не только преподобному Серафиму, - это каждый раз очень тонкий и серьезный вопрос. Здесь уже мы сами легко впадаем в некоторую

**Преподобный Серафим Саровский кормит медведя.
1860-1880 гг. Неизвестный литограф.
Иллюстрация из сборника "Духовные светочи России"**

“Преп. Серафим мог сидеть в своей дальней пустынке и молиться в лесу или на камне, и никто его при этом не видел, но не зря он сказал: “Стяжи дух мирен и вокруг

тебя спасутся тысячи”. Этот дух изливается из каждого молитвенника и начинает преображать и благоустраивать жизнь окружающую. И не только человека, но и бессловесных тварей: и мишка косолапый, и зайцы, и лисы... То, что сейчас называется экология. И на этой новой, духовной экологии прежде всего, основан, между прочим, и иной, иноческий способ хозяйствования”.

прелесть, ища и желая во что бы то ни стало каких-то пророчеств.

Я уже сказал, что существует автограф преподобного Серафима: он рекомендует всем читать Добротолюбие. Каких-либо других автографов преподобного Серафима, например, с текстами пророчеств, о которых часто говорят, не существует. Все основные тексты, которые связаны с так называемыми пророчествами, появились откуда-то из каких-то бабушкиных сундуков, каких-то архивов. Появилось все это в начале двадцатого века. С одной стороны, ярко вспыхнуло сияние личности и значения преподобного Серафима. И сразу вокруг него заклубились, как обычно бывает, земные сияния, отсветы, всполохи, тоже огневые по-своему, с апокалиптикой, пророчествами. Не всегда эти пророчества, во всяком случае те, которые мне приходилось читать, похожи на преподобного Серафима. Для пророчеств, для настоящих пророчеств как для типа духовного видения, не характерны конкретные указания - о "дворянских заговорах", "революциях", - тем более о будущем монархии. В пророчествах, которые приписаны преподобному Серафиму, слишком явственна иная эпоха.

Все они прошли через руки и цензуру Николая Александровича Мотовилова, Сергея Александровича Нилуса и Павла Александровича Флоренского. Все ссылаются на то, что это якобы из архивов Мотовилова, все ссылаются на то, что первым их нашел и переписал Нилус, и очень многие ссылаются на то, что они существуют, переписанные рукой Павла Флоренского. При всем моем уважении к тому, и другому, и третьему, - они все - люди более позднего времени.

Оставьте мне преподобного Серафима с его Добротолюбием в котомке, с его ближней и дальней пустынью, с его травой сниткой, с его настоящим пророчественным служением. Потому что он указал путь как жить и как совершать духовное делание. А никаких путей к революции или контрреволюции, или осмысления того, что будет потом - раскол обновленчества, отступление иерархии и проч. - ничего этого не указал.

...Допустим, что я не прав и среди этих пророчеств есть несколько, которые происходят прямо от преподобного Серафима. А много ли они прибавляют к его величию? Давайте такой простой вопрос зададим, церковно-литургический. Ничего не прибавляют, только муть какую-то вносят. К совершенноциальному образу преподобного Серафима вдруг примешиваются какие-то рассуждения о французской революции, о нашей русской революции и о судьбах монархии, и о судьбах ие-

пархии, о великом отступлении и потом о возвращении России в лоно православия. Не нужно этого преподобному Серафиму.

СВЯТОЙ "СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА"

Прославление преп. Серафима происходит в момент смены эпох. В девяностых годах XIX века начинается религиозное возрождение. Оно происходит и в духовной, и в светской жизни. К 1903-му году соединились все нити народной жизни: и собственно народное почитание, которое жило в народе в скрытом виде, и интеллигентское духовное исследование, и, в том числе, повышающийся впервые интерес опять к монашеской жизни и к умной молитве и иноческому деланию и вообще ко всему духовному. Народная инициатива, дошедшая до самого царского престола. Святейший Синод, по-прежнему пребывавший во многом на путях более рационалистического отношения к святыни, еще долго бы проколебался, если бы не было прямого царского указания к канонизации...

Так совпало, что преподобный Серафим стал самым почитаемым на Руси святым с 1903 года. Он как бы замкнул собой всех остальных русских святых. Д. С. Мережковский пишет большую серьеznую статью "Последний святой". Менялся век, менялась духовная ситуация.

Не случайно сам себя этот век обозначил как серебряный. Серафим стал святым серебряного века. Он в этом смысле очень точно лег на души, оказался ко времени. Естественно, преподобный Серафим есть святой на все времена. Но в это время особенно.

Русский двадцатый век вообще начинается необычными вещами. Например, на протяжении многих веков после Андрея Рублева, Дионисия, великих иконописцев русская икона пребывала в состоянии, которое наш современник В. А. Соловухин назвал "черные доски". В XX веке русская икона вдруг открывается. Причем именно где-то в 1903-1905 гг. открывают рублевскую "Троицу", в 1918-м - Владимирскую Божию Матерь. Значит, в XVIII и XIX веке Господь "не считал нужным" предъявить эту форму святыни народу. А вот где-то на рубеже двадцатого века - в предчувствии общей гибели, в предчувствии общей катастрофы - это происходит. В ощущении вдруг приближающейся гибели вдруг "отверзлись веши зеницы, как у испуганной орлицы", и русские - русские православные прежде всего, а за ними и весь мир - вдруг что-то увидели. Мир увидел уникальное явление русской иконы и почти одновременно - уникальность подвига русских святых, среди которых первым оказался преподобный Серафим.

...У моей бабушки на столике возле постели всегда стояли две маленьких иконки: преподобный Серафим и преподобный Сергий. Они действительно друг друга дополняют. И они совпадают... по времени. В 1892 году в России торжественно праздновалось пятидесятилетие преподобного Сергия. Вы думаете, так вот постоянно помнили все о преподобном Сергии и читали о нем, и писали? Нет, тоже нет. И юбилеев раньше не праздновали... Снова, как мы уже видели, по "совпадениям" из жизни Серафима так всё подгадалось, что и юбилей преподобного Сергия, и канонизация преподобного Серафима пришлись на одно деся-

тилетие. Все это с чрезвычайной силой всколыхнуло все русское общество, дало мощный духовный всплеск, который явил действительно миру, помимо феномена русской чудотворной иконы, еще и феномен русской духовности, русской святости в самых высоких образцах. Обратим внимание - к этому времени и русская литература, и русская религиозная мысль, и русская богословская наука, преодолев путы западного просвещения, сумела осознать свой православный путь. В этом контексте преподобные Сергий и Серафим оказались "оптимальными" фигурами для диалога Церкви с миром, а позже в русской эмиграции для творческого, богословского диалога с латинским Западом...

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Этот момент пришелся на время весьма не благополучное для России. Русско-японская война, первая мировая война, революции - одна, другая, третья... Но именно в этот период упадка, в трагический

Паломничество царской семьи к преподобному Серафиму, 1903 год.

"Прославление преп. Серафима происходит в момент смены эпох. В девяностых годах XIX века начинается религиозное возрождение. Оно происходит и в духовной, и в светской жизни. К 1903-му году соединились все нити народной жизни: и собственно народное почитание, которое жило в народе в скрытом виде, и интеллигентское духовное исследование, и, в том числе, повышающийся интерес к монашеской жизни и к умной молитве и иноческому деланию и вообще ко всему духовному. Народная инициатива, дошедшая до самого царского престола".

Богомольцы возвращаются из Дивеевского монастыря.
Фото конца XIX - начала XX века.

период русской истории преподобный Серафим дал средства жить дальше.

У государства золотого запаса не стало, а у нас свой золотой запас остался - преподобный Серафим. Он дал средства утверждаться духовно. Начиная с себя и потихоньку вокруг себя все обустраивая. К преподобному Серафиму, к его источнику, на протяжении всего XX века мы прибегали.

Преподобный Серафим - первый святой, канонизированный в XX веке. Вообще, XX век - это не только век мировых войн, атомных бомб, Вьетнама, Косова и Ирака. Это век рублевской Троицы, это век преподобного Серафима, явленного России в 1903 году. Очень важно, что в новый век Россия пришла, вооруженная новыми духовными образами и свершениями. Скажем, война с Наполеоном 1812 года тоже очень много дала для русской жизни. И русское возрождение, и славянофилов, отчасти и Оптину пустынь, и Пушкина, и Глинку... Но - никакого святого, который бы ассоциировался с началом XIX века, хотя преподобный Серафим в это время жил. Он как бы не вос требован на уровне всего общества: нет прямого влияния, есть, напротив, некоторая закрытость, сохранность до поры до времени. Благодаря тому, конечно, что весь вот этот подготовительный период, в который жил и работал преподобный Серафим, все это готовилось. Россия, как купец, и не только купец, но и всякий разумный человек, при берегла главное на черный день.

В XVIII веке - полная слава. Петр Великий, Северная война, завоевание Балтийского моря. Екатерина Великая присоединяет Черное море, Крым и так далее. Суворов, Потемкин - полная слава и триумф. XIX век: русские войска в Париже: "он взял Париж, он основал лицей". Освобождение Болгарии, мы у стен Константинополя, полная слава. И как бы "не надо" преподобного Серафима. И даже рублевскую Троицу видеть не обязательно, пусть она будет пока в серебряном окладе и за семью записями. И только в 1903-м году он начинает жить для всей России. И Россия им жить только начинает именно в это время.

Век начинается очень тяжело, с поражений, а не побед. Но Россия получает новое тайное оружие. Это секретное оружие на наш двадцатый и двадцать первый век - в лице преподобного Серафима, в лице рублевской Троицы. Внешность исчезает, суть обнажается. Россия открывается для свершения подвига. И обнажаются иконы, спадают позднейшие наслаждения, проявляется духовный смысл. И обнажается святость русская.

...Интересно, что позже, после победы в Великой Отечественной именно в Сарове создается

центр по созданию нашей атомной бомбы. Преподобный Серафим благословляет таинственным образом создание ядерного щита над Россией.

БУДУЩЕЕ

Я не знаю, есть ли у России будущее. И преподобный Серафим не сказал. В конечном счете это все равно зависит от нас. Бог все нам дал! Дал великую Россию, дал наших родителей, бабушек и дедушек, которые сохранили для нас эту Россию, дал великого угодника Божия Серафима и тысячи святых подвижников, исповедников и новомучеников, которые в разных типах служения явили нам, как надо жить и какими быть. У нас всё есть. Остальное зависит только от нас самих.

И поэтому сегодня мы обращаемся вновь к образу преподобного Серафима...

Записала Вероника Богданова

Фото Вячеслава Лагуткина

**Протоиерей Артемий ВЛАДИМИРОВ,
настоятель храма Всех Святых в Красном селе (Москва)**

ПОТЕРЯННЫЙ КРЕСТИК

Фото Вячеслава Лагуткина

Некоторые называют Дивеево духовным центром мира, по сравнению с которым Париж - просто большая деревня. Такая исключительная значимость Серафимо-Дивеевской обители объясняется, конечно же, пророчествами Саровского угодника о том, что сам антихрист не сумеет перейти канавку Божией Матери, опоясывающую Ее четвертый и последний удел на земле.

Когда приезжаешь сюда и видишь два собора великаны, осененных чудо-колокольней, невольно начинаешь помышлять о Небесном Иерусалиме: действительно, Дивеево можно назвать проекцией горного града. Множество плодовых деревьев, самых разнообразных цветов - и среди них люди всех возрастов, званий и состояний, стекшиеся в это благословенное место, дабы очиститься, обновиться и освятиться душой.

Удивительно близок к каждому паломнику хозяин Дивеево - преподобный Серафим, смиренно именовавший себя "служкой Божией Матери". Он невидим, но везде чувствуется его благодатное присутствие. К концу дня первого пребывания в обители у посетившего ее создается впечатление, что преподобный вникнул во все мелочи твоей жизни, проявил трогательную предупредительность и заботу о твоих бытовых нуждах, не говоря о духовном утешении. Велик у Бога святой Серафим! Расскажу лишь об одном маленьком чуде, бывшем со мною и навсегда согревшем сердце благоговейным почитанием Саровского угодника.

С юных лет я никогда не расставался с золотым крестиком, завещанным мне одной старинной знакомой, давно перешедшей в мир иной. Дониконовской печати, на обратной стороне он содержит начальные слова всем знакомой молитвы, переданной в старопечатном варианте: "Да воскреснет Бог, и разыдется врази Его". Нужно же было такому случиться, что, готовясь искупаться в знаменитом саровском источнике у речки Сатис, я не нашел на груди любимого креста! Велико было мое огорчение! Нигде я не терял святыни, и вот, уже будучи иереем, расстался с ней, да еще в Дивеево! Рано утром, перед Божественной Литургией, я обыскал всю свою келью в гостинице монастыря, перетряс вещи и одежду - крестика не было. Облазил все дорожки, ведущие к храму, - безуспешно! Несколько утешившись богослужением и смирившись с потерей, решил для себя более не смущаться - видимо, самому Преподобному понадобился для неведомых целей мой золотой крестик. После службы я уже был готов уйти из храма, как вдруг ко мне подошел худенький юноша, очевидно, студент, один из многих, приезжающих ныне на богомолье.

Студент: Батюшка, разрешите задать Вам вопрос?

Священник: Да, пожалуйста.

Студент: Дело в том, что я вчера нашел золотой крестик. (При этих словах я вздохнул и весь обратился в слух.) А теперь душа мучится от недоумения. Мне представляются три возможных варианта, как с ним распорядиться...

Священник: Вы, наверное, с механико-математического факультета МГУ?

Студент: Да. Откуда, батюшка, Вы знаете?

Священник: Нам "по профессии" положено.

Студент: Так вот: во-первых, мне думалось положить крестик там, где я его нашел.

Священник: А где же, если не секрет?

Студент: Перед храмом Рождества Христова, на дорожке, в пыли, где проходит крестный ход, возвращающийся с канавки Божией Матери.

Священник: Однако положить святыню в грязь - по меньшей мере, неблагочестиво...

Студент: И я думаю, что это решение неправильное. Можно было бы передать крестик сестрам обители.

Священник: А третий вариант?

Студент: Ко мне пришла мысль: а не взять ли мне его себе?

Священник: А нельзя ли взглянуть на находку? Дело в том, что я как раз вчера потерял очень дорогой моему сердцу нательный крест.

Юноша раскрыл ладонь, и я увидел свой старинный крестик, сверкающий золотыми лучами в трепетных перстах студента.

Священник: Вариант четвертый и единственный! - радостно воскликнул я и взял драгоценную для меня находку, заключив своего благодетеля в крепкие иерейские объятия. В этот же самый миг я увидел изображенного на огромной ростовой иконе преподобного Серафима Саровского. Он смотрел на меня своим проникновенным взором, одновременно и строгим и радостным, прижимая правую руку к сердцу. Душа моя непроизвольно обратилась к служке Божией Матери с теплой молитвой: "Преподобне отче Серафиме! Благодарю тебя! Ибо ты сам востребовал мой крестик для известных тебе святых целей и сам вернул мне его, ибо никогда никто не отходит от тебя "тощ и неутешен" во твоей святой обители".

Священная тишина сердца и наполняющая его радость свидетельствовали мне, что преподобный услышал голос моей души.

P.S. Много позже я стал вычислять, рассуждая уже по-земному, какова же была вероятность обретения крестика студентом, с его вариативным мышлением, и особенно вероятность его обращения именно ко мне, одному из сотен скромных паломников в Дивеево, вотчину преподобного Серафима Саровского и всей России Чудотворца.

"ФИЗИКИ БЕЗ СВЯЩЕННИКОВ - СОВРЕМЕННЫЕ ПАПУАСЫ"

**Беседа с сотрудниками Российского
федерального ядерного центра, г. Саров**

Существует в России уникальное, святое место, которому совсем недавно было возвращено его историческое название - Саров. А до того, в течение десятилетий, специалисты знали его как Арзамас-16, основной научный центр по разработке отечественного ядерного оружия.

Для большинства россиян, никогда не бывавших в Сарове, такое "соседство" - святыни и ядерного оружия - кажется необычным и даже противоестественным. А что по этому поводу думают сами сотрудники Российского федерального ядерного центра?

Игорь Георгиевич ЖИДОВ - физик-теоретик, окончил МФТИ. С 1969 года работает во ВНИИЭФ. Старший научный сотрудник. Один из создателей общественной организации "Сарово-Дивеевский Собор". Автор многочисленных научных работ, публицист.

Дмитрий Владимирович СЛАДКОВ, помощник директора ВНИИЭФ по связям с общественностью. В Сарове живет 11 лет. По образованию и "досаровскому" стажу работы - архитектор-проектировщик, кандидат архитектуры, окончил МАрхИ в 1978 году.

- Этот номер "Фомы" посвящен преподобному Серафиму и столетию его канонизации. Поэтому мой первый вопрос будет традиционным: что лично для каждого из вас означает эта дата? Игорь Георгиевич, можно с Вами начнем?

И. Жидов: У меня сложное ощущение от всего происходящего. Одна моя знакомая сказала так: "Если бы у нас все было тихо, спокойно, благостно, я бы решила, что святость из наших мест ушла, а поскольку здесь происходят всевозможные приключения, всякие нехорошие споры и сложности, значит, это все осталось". Наверное, неслучайно мы отмечаем - впервые - годовщину канонизации. Даже для православного человека это новое явление: в опыте Церкви есть круглые даты, например, основания монастырей. Но годовщина канонизации - случай беспрецедентный. Наверное, потому, что сегодня очень нужен праздник, который символизировал бы какую-то надежду. А ведь к батюшке Серафиму обращаются в случае беды. Может быть поэтому, как мне кажется, это праздник непростой, напряженный. К тому же, если вспомнить канонизацию в 1903 году, а также последовавшие за ней события, то не исключено, что празднование это - праздник перед неким испытанием. Так мне кажется.

- Дмитрий Владимирович, а Вы согласны с этим?

Д. Сладков: И да, и нет. С одной стороны, и нужда в таком празднике, и готовность к возможным испытаниям ощущимы. Сто лет назад прославление было инициировано царской семьей и самим Николаем II. Похоже, эти люди интуитивно чувствовали грядущие беды и пытались найти опору в живой традиции, живой святыни. Наша связь с тем време-

нем, на мой взгляд, очевидна. Например, первого августа здесь будут проходить торжества по случаю столетия прославления, а чуть раньше - в середине июля - в Екатеринбурге ожидается освящение храма на месте гибели царственных мучеников. Пролитая кровь мучеников еще раз призывает к осмыслинию того, что со всеми нами произошло.

И здесь мне кажется, что все эти сложности вокруг праздника, необыкновенный интерес к нему разных людей и разных структур, какие-то на первый взгляд непонятные и неприятные вещи - быть может, все это есть некая возможность для нового удивительного синтеза. И даже если мы не сможем полностью реализовать эту возможность, надежда имеет самостоятельное значение.

- Конечно, "надежда не постыжает" (Рим. 5:5). И все же не могли бы Вы чуть подробнее сказать, что имеется в виду?

Д. Сладков: У нас давно и много говорят о стратегии буду-

Страницы "атомной истории"

1945

В пустыне Алмагордо (штат Нью-Мексико) США испытали первую атомную бомбу.

06.08.1945

Бомбардировщик ВВС США сбросил ядерный заряд над Хирошимой. В 8 часов 15 минут после визуального прицеливания с высоты 10000 метров на Хирошиму была сброшена атомная бомба, названная "Малыш", взорвавшаяся на высоте 600 метров. В результате нанесенного удара были убиты и пропали без вести около 200 тысяч человек, ранены и подверглись радиоактивному облучению около 160 тысяч человек.

Американский пилот, совершивший первую в мировой истории атомную бомбардировку, на фоне своего самолета

Страницы "атомной истории"

09.08.1945

Произведена американская атомная бомбардировка Нагасаки. В результате взрыва были убиты 73 тысячи человек, позднее от облучения и ранений умерли еще 35 тысяч человек. Атомные удары по Хиросиме и Нагасаки не были вызваны военной необходимости: всем ходом Второй мировой войны и вступлением СССР в войну против Японии ее разгром был предрешен. Жертвы этой бомбардировки продолжают умирать от лучевой болезни до сих пор, ежегодно увеличивая список жертв на 5 тысяч имен.

Руины Нагасаки

1946

Принято закрытое постановление Совета Министров СССР о создании конструкторского бюро КБ-11 при Лаборатории №2 АН СССР. На границе Нижегородской области и Мордовии в саровских лесах появляется организация по разработке ядерного оружия (Арзамас-16 - ВНИИЭФ).

щего, о национальной идее, жонглируют различными терминами и теориями. А тут вдруг - "всего лишь" празднование столетия прославления святого. Но это есть такое удивительное нововведение, такой удивительно новый для всех нас праздник, что он сам по себе становится грандиозным событием. Это практический жест, смысл которого не в умных текстах, не в глубокой интеллектуальной содержательности, а просто в самом факте, что есть крупнейший в стране научный институт, связанный с оборонкой, и есть святое для православных россиян место. И они - вместе, именно здесь, на этой земле, где происходит такое всеобщее празднество, в котором примут участие самые

глядно показывали бы его духовный образ, то есть то, что вряд ли возможно объяснить логически. Но душа способна сама внезапно увидеть и узнать - надо только дать ей эту возможность. Увидеть преподобного Серафима разные люди могут по-разному и через разное. Оборонщики, например, в последнее время новыми глазами увидели строчку из акафиста преподобному Серафиму, где есть следующее обращение к батюшке: "Земли российской щит и ограждение".

- То есть, в Вашей оценке событий все же оптимизма много больше, чем опасений?

Д.Сладков: Конечно, в контексте предстоящего празднования годовщины прославления Серафима Саровского возникает множество разных событий, у которых смыслы нередко совершенно мирские. Может быть, от чего-то повеет холодом. Но это та ситуация, в которой внезапно каждый отдельный человек может вот эту таинственность, не таинственность, а именно таинственность - таинство его жизни - внезапно ощутить.

Я из поколения книжечеев, которые лет двадцать назад приходили в Церковь через чтение большей частью запрещенных тогда книг. Сегодня же мы имеем совершенно удивительный шанс: вера может выйти на улицы, выйти на площади. Конечно, есть риск профанации. Но с другой стороны, именно сейчас у нас должна быть готовность к свободе, готовность к тому, что мы можем батюшку Серафима встретить в самых неожиданных местах. Поэтому и нет смысла и желания считать-пересчитывать старые грехи разных людей: политиков, чиновников и т.д. Мы все можем сейчас оказаться в каком-то очень неожиданном месте. Другое дело, что такая неожиданность, как правило, всегда двояка: можно не воспарить, а

разные люди: от Патриарха и Президента до простых людей.

Это соположение церковного и мирского, в том числе самого современного мирского, дает повод, чтобы сейчас предпринимать с внешней стороны церковной ограды некие действия, которые показывали бы людям смысл праздника, передавали бы им живой и теплый духовный опыт батюшки. На-

провалиться. И здесь опять же важна внутренняя готовность к какому-то новому уровню свободы.

Что еще важно, на мой взгляд? Быть может, это событие обозначит какой-то новый серьезный шаг за церковную ограду. Сегодня перед православными стоит задача не обороны, а стратегического наступления. Нам необходим оптимизм: катакомбное сознание сейчас недопустимо. В этом смысле нужна и важна готовность, сохраняя абсолютную верность своему Преданию, приветить даже и совсем, казалось бы, чужого, не русского, не православного, или облеченного властью, которая нам так не нравится... И так далее.

В начале нашего разговора прозвучала, на мой взгляд, одна чрезвычайно важная мысль: опора на живую святость. Но в этой связи у меня возникает опять же достаточно традиционный вопрос: а насколько мы сегодня готовы принимать и воспринимать эту святость. Приведу пример. Сегодня мы (группа экспертов III Международных Детских Харитоновских чтений - ред.) были на экскурсии в монастырских катакомбах Сарова. Рассказывая об образе жизни затворников, экскурсовод пыталась, на мой взгляд, весьма интересно и убедительно показать, как мировоззрение человека того времени отличалось от современного. Особенно мировоззрение монаха. Отсюда и не всегда понятный аскетизм и невообразимые с позиции сегодняшнего дня подвиги. Когда она стала говорить, что Великим Постом многие монахи лишь раз в неделю пили теплую воду и питались в основном травой снытью, реакцией большинства присутствующих было недоверчивое молчание. А когда мы уже уходили из подземелья, я случайно услышал несколько фраз, которы-

ми обменялись "паломники". Один спросил, как, мол, они могли так жить, практически не принимая пищу. На что второй уверенно заметил, что, конечно, их кормили - как же иначе. Что бы вы сказали на это?

И.Жидов: Я отвечу вам одной историей, которая произошла не так давно. В самом конце третьего крестного хода из Сарова в Дивеево и обратно (стало быть, лет пять назад, поскольку этот крестный ход на 1 августа ходит уже лет семь), у поворота с дороги Дивеево - Первомайск на Саров замироточила икона батюшки Серафима. Миро течет, запах источает поразительный, возбуждение у всех очевидцев очень большое и радостное. Мальчишки выскакивают на шоссе, останавливают машины и кричат: "Икона замироточила!" Люди верующие, неверующие - все останавливаются, выходят из машин и бегут к иконе. А один человек, сотрудник нашего Института, физик по образованию, побегает к нам со словами: "Ребята, ну давайте протокол составим, ну давайте у всех, кто чудо видел, фамилии-имена-отчества запишем, потом паспорта впишем... Чтобы люди верили!" Очень чистый, искренний и такой по-человечески понятный порыв... Знаете, что ему

Страницы "атомной истории"

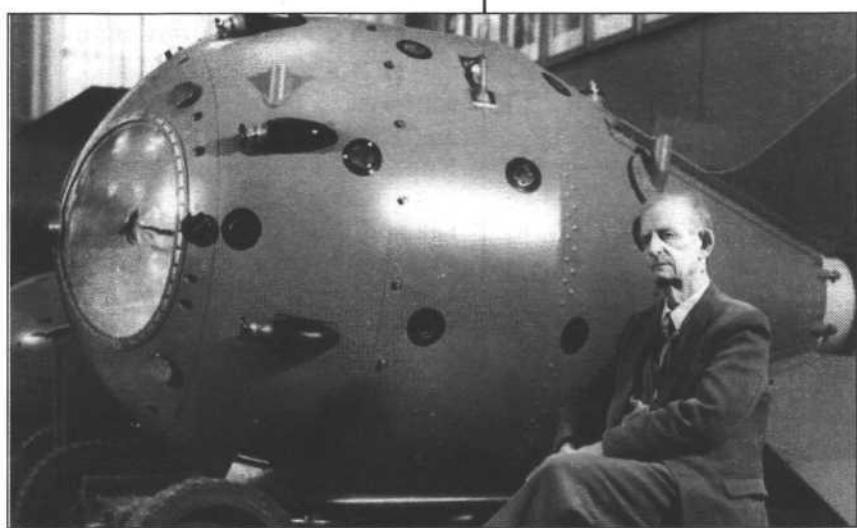
1946

В Лаборатории №2 впервые в СССР и Европе осуществлена управляемая цепная реакция деления урана на первом советском ядерном реакторе.

1949

На полигоне под Семипалатинском испытано первое советское атомное устройство. Мощность заряда составляла до 20 килотонн тротила. Этот ядерный заряд был испытан на 4 года позже аналогичного американского, отняв у США монополию на атомное оружие. Однако советский ядерный арсенал никогда не использовался в военных действиях: миру хватило трагедии Хиросимы и Нагасаки.

Академик Ю.Б.Харитон у первой советской атомной бомбы РДС-4

Страницы "атомной истории"

1952

Свое первое ядерное устройство испытала Великобритания.

1953

В СССР произведено испытание первой в мире водородной бомбы.

Первая в мире водородная бомба

"Отец" водородной бомбы
академик А.Сахаров

практически все отвечали почти дословно? Тому, кто верит, ему протокол не нужен, а кто не верит - тому никакой протокол не доказательство! Понимаете? Он исследователь, прекрасный человек, не так давно пришедший к вере, его переполняло одно желание: чтоб все знали, чтоб все поверили. Очень, повторяю, искреннее и очень понятное желание. Но прозвучавший ответ, на мой взгляд, единственно возможный.

же - но выиграть нельзя. Мне в этом видится некая загадка, некая тайна. Ведь это оружие, которое надо делать, испытывать, оно должно быть взведено на боевой взвод и проч. - но им нельзя выиграть. Поэтому, кстати, военные очень не любят атомную бомбу: они же профессионалы, которые должны воевать и выигрывать, а ей выиграть нельзя. Поэтому у многих существуют желание "отделаться" от атомной бомбы...

Но атомная бомба - очень странное оружие. Она сделала равными и главу правительства, и последнего нищего. Она уничтожила искушение пожертвовать частью своего населения. Она в каком-то смысле уравняла сверхбогатые страны и относительно бедные. Ядерное оружие фантастически дешевое: впервые за многие столетия стоимость убийства человека стало равной стоимости убийства во времена Цезаря. Испытание одного атомного заряда стоит столько, сколько испытание одного современного танка. Поэтому есть искушение нищим странам защищать свои интересы и иметь свою атомную бомбу. Но парадокс в том, что сейчас девяносто пять процентов населения земного шара имеют атомное оружие. Какой договор нераспространения? Уже представители всех мировых религий имеют ядерное оружие. Православные, католики, мусульмане, иудеи, буддисты.

- Тогда получается, что взаимодействие Церкви и вашего института - вполне естественное. Может быть, в этом есть даже какой-то символизм?

И.Жидов: Я думаю, не надо на этой символике паразитировать. Все это некая тайна.

Ядерное оружие есть. Оно изобретено и создано людьми, которые давно умерли. Нашему поколению это оружие досталось в наследство. И это такое наследст-

ПРО БОМБУ, ФИЗИКОВ И СВЯЩЕННИКОВ

- Церковь, святость, добро, любовь... Как-то все это не очень вяжется с ядерным оружием...

И.Жидов: Естественно, мы много думали об этом, размышляли, спорили. И вот к чему пришли: когда мир сошел с ума - первая мировая война, вторая мировая война - многие стали мечтать о том, что, наконец, появится оружие, которым нельзя будет воевать. (Это, кстати, была мечта Нобеля.) Но для того, чтобы им нельзя было воевать, нужно, чтобы это оружие было хотя бы у двоих. И вот появилось оружие - страшное, которым выиграть нельзя. Убить можно - и себя то-

во, которое так просто не уничтожишь, не ликвидируешь. В этом смысле связывать его с якобы аморальностью людей, которым досталось этим заниматься, культивировать это в общественном сознании - это значит просто из небытия вызывать каких-то темных духов. Главной же является совсем другая проблема - каким образом в условиях кризиса прежних представлений о профессионализме, перейти сейчас к созиданию современной нравственности профессионала, который это оружие держит в руках. Это огромная проблема.

Мы были как-то в Нижнем Новгороде, встречались со студентами. И нам задали такой вопрос: лично вы нажмете ли на кнопку в ответ на ядерное нападение, сможете ли вы использовать атомную бомбу? Я сказал, что отвечать не готов. Я не военный, я физик-теоретик. Кто-то уверенно заявил, что обязательно отомстил бы. А Алексей Кондрашенко, кандидат наук, первый староста нашего православного прихода говорит: "А я не скажу!". И это был самый правильный ответ. Он будет сдерживать сильнее, чем заявление: "Я нажму!" А я не скажу! И здесь тоже есть какая-то тайна...

- И все-таки мой вопрос касался немного других вещей. Получается, что в современных условиях, в ситуации нравственного выбора, нравственного самоопределения, Церковь может и, наверное, должна сыграть какую-то свою роль?

Д.Сладков: А ведь Церковь так и не сказала: ядерное оружие - хорошо это или плохо. Церковь всего лишь призвала к сдержанности и ответственности. Она начала смотреть за людьми, которые занимаются ядерным оружием, стала свидетельствовать о них. Церковь стала заниматься духовным здоровьем этих людей. Чем она, в принципе, должна заниматься всегда и с любыми людьми.

В этом смысле ядерное оружие - лишь малая часть огромного моря смертельно опасных технологий: химических, биологических, информационных. Они все взывают о том, чтобы быть освоенными церковным сознанием. Исторически современная наука и технологии - детище протестантского сознания. И в ходе своего развития они как бы окончательно "расцерковились". Но теперь, как мне кажется, если не начать собирать их заново под церковный омофор, если Церковь не попробует их творчески переработать, заново усвоить и в меру этого усвоения оправдать и благословить, тогда это означает, что эти науки и технологии останутся под властью князя мира сего.

Так вот, если все эти технологии не подберет Церковь, это обязательно сделает кто-то другой. Это, кстати, и происходит на наших гла-

Страницы "атомной истории"

1953

Первое оперативное ядерное оружие поступило на вооружение Советской Армии.

1954

На атолле Бикини в Тихом океане США испытали свою водородную бомбу.

1955

Первое ядерное испытание проведено на Северном полигоне архипелага Новая Земля.

Подводный взрыв на Новой Земле

зах. В этом смысле огромная проблема - православная миссия среди ученых. В том числе - среди физиков. Конечно, вряд ли стоит готовить священников специально для физиков, но - если миссионер идет проповедовать папуасам, он, как минимум, должен знать их язык. Похожая ситуация и здесь...

1955

Представитель СССР выступил на 10-й сессии ООН за прекращение ядерных испытаний.

Страницы "атомной истории"

1960

Франция провела в Алжире свое первое ядерное испытание.

1961

Советский Союз произвел на Семипалатинском полигоне свое первое подземное ядерное испытание.

1961

На Новой Земле произведено атмосферное испытание самой мощной в истории (58 мегатонн) термоядерной бомбы. Ударная волна от взрыва трижды обогнула земной шар, первый раз - за 36 ч. 27 мин. Световая вспышка была настолько яркой, что, несмотря на сплошную облачность, была видна даже с командного пункта в поселке Белушья Губа (отдаленном от эпицентра взрыва почти на 200 км). Грибовидное облако выросло до высоты 67 км.

1963

СССР, США и Великобритания подписали Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах - в атмосфере, открытом космосе и под водой.

1964

Китай испытал свое первое ядерное устройство.

1966

Произошла катастрофа американского военного самолета в Паломаресе (Испания), в результате которой было "потеряно" четыре водородные бомбы.

1974

Индия произвела свое первое и пока единственное испытание ядерного оружия.

И.Жидов: Да, физики без священников - современные папуасы. В чем особенность физика? В чем его, так сказать, профессиональная болезнь? Я полагаю, что профессиональная болезнь физика-теоретика - гонор, гордыня ума. Если у него не будет гордыни ума, он не состоится как специалист. Если он не будет уверен, что он умом дойдет, решит любую новую задачу, которую никто до него не решал, он не состоится профессионально. А гордыня ума, как известно, самое тяжелое искушение.

Поэтому нужны люди, которые понимают эти и другие проблемы, понимают специфику деятельности. И такие люди - слава Богу - есть. На одной из исповедей батюшка меня остановил и говорит: "Ты исповедуешься, как пожилая прихожанка. Тебе Господь талант дал, родители - образование, а ты исповедуешься, как старенькая прихожанка. Что у тебя за грехи, подумай!" Пришлось напрягаться...

- С одной стороны, сегодня много говорят о том, что большинство ученых - были и есть - люди верующие. С другой, существуют данные социологических опросов, которые свидетельствуют, что это не совсем так в среде современных ученых. Что в этой связи можно сказать о вашем институте? Какова ситуация?

И.Жидов: Не путайте ученых, которые получают принципиально новое знание, занимаются высокой теорией и тех, кто (утрирую) из формулы создает конкретные предложения. Первых не так много и они, как правило, были и остаются людьми верующими. Но, повторяю, речь идет о людях, формирующих принципиально новое знание: Коперник, по-своему верующий Эйнштейн и многие другие. Сейчас настолько размылось понятие "ученый", что даже просто ремесленник от на-

уки, сродни средневековому ремесленнику, просто открывающий книжку или вызывающий формулу из компьютера и подставляющий туда цифры, тоже считается ученым. Ученый - создатель принципиально нового знания. Такие люди в подавляющем большинстве - верующие, как ни странно. Я не знаю атеиста, создавшего какую-нибудь физическую теорию.

Что касается нашего института - не стоит идеализировать Саров. По-настоящему верующих людей среди сотрудников института не так много.

БАТЮШКА СЕРАФИМ

- И все же вернемся к основной теме нашего разговора: преподобный Серафим. Наверное, у вас, живущих в Сарове, есть какое-то свое, особенное ощущение Серафима Саровского, свои истории, связанные с Саровом и с Преподобным. Можете поделиться?

И.Жидов: У меня в жизни был весьма примечательный случай, связанный с моим переездом в Саров. Моя тетушка прожила девяносто пять лет, умерла от простуды. Необыкновенно здравомыслящая, прекрасный почерк, гимназию кончила, замужем была за настоящим лейб-гусаром. Когда я приехал работать в Саров, она мне писала. Естественно, куда - никто не знал - просто был адрес почтового ящика и все. Никто не знал, где я работаю. И вот в одном из первых писем от нее я читал: "Игорь, ты в Сарове что ли?" Представьте: это все в ситуации полной секретности, когда никто ничего не знал, и когда самые близкие родственники понятия не имели, где я...

Еще как-то раз была любопытная беседа с американскими учеными, которые к нам приезжали. Они меня спросили: а чем для вас, физика, интересен Серафим Саровский? Я ответил примерно следующим образом. Ученого

должно отличать любопытство. В частности, любопытство к различным методикам: чего и как достигают люди. И вот нам, ученым, батюшка Серафим интересен... методикой.

Первое. Он показал, что прежде, чем приступать к делу, надо сформулировать вопрос. И какой вопрос он сформулировал? Он подумал-подумал и сформулировал вопрос так: а в чем смысл жизни христианской? Неплохо. А что дальше? А дальше пошло следующее. Он стал подбирать методологию: с помощью какого метода он ответ получит. Он уходил в затвор, молился. Пробовал и так, и сяк. Следующим этапом - когда он нашел метод, с помощью которого можно ответить, - стало размышление о том, как полученный им ответ сделать доступным для всех. И это тоже долг настоящего ученого: популяризовать тот результат, который он получил. Так, чтобы любой человек понял, что он получил, и оценил это. Поэтому он говорил с каждым на его языке: с купцом - по-одному, с военным - по-другому и т.д. Есть ученые, которые добиваются высоких результатов, но не способны объяснить, зачем они это делают. Есть ученые, которые ищут ответы на оплаченные вопросы, а не на те, которые действительно требуют ответа...

- Я вот заметил, что когда вы и многие другие в Сарове и Дивеево говорят о разных святых, то называет их по именам: святой такой-то, преподобный такой-то. Но когда речь заходит о Серафиме Саровском, почти все говорят просто "Батюшка". То есть, говорят о преподобном, как о своем близком знакомом, о своем приходском священнике. Так можно говорить только о чем-то очень личном, очень близком твоей душе...

И. Жидов: Конечно. Хотя говорить об этом трудно. Вы, навер-

ное, сталкивались с ситуацией, когда даже два знакомых, близких по духу человека не могут друг с другом поделиться переживаниями, которые у них происходят на самом деле. Проблемы, которые Батюшка помог решить, они не столько тайные, но просто они будут не понятны другому человеку...

Я вот зато о своей внучке могу рассказать. Она как-то проснулась - а всего-то ей пять лет было - проснулась, потому что ей что-то плохое приснилось. Я ей иконку Батюшки даю, она хватает, засовывает под подушку и мгновенно засыпает. Утром за завтраком я ее спрашиваю: "Машенька, а что ты так быстро заснула, что тебе Батюшка сказал?" Она отвечает: "А он мне песенку спел!..."

В. Л.

Преподобный Серафим Саровский, идущий в храм. Фрагмент литографии мастерской Серафимо-Дивеевского монастыря, 1880 год. Иллюстрация из сборника "Духовные светочи России"

Страницы "атомной истории"

1992

Президент России Б. Ельцин посещает ВНИИЭФ. В ходе визита подписывается распоряжение Президента о преобразовании ВНИИЭФ и ВНИИТФ в Российские федеральные Ядерные Центры.

1992

На полигоне в Неваде США произвели подземное ядерное испытание мощностью до 150 килотонн.

1992

Китай произвел ядерное испытание, по мощности в несколько раз превышающее пороговый уровень в 150 килотонн, установленный советско-американским Договором для подземных испытаний.

При подготовке "Страниц "атомной истории" были использованы иллюстрации из книги "Саров: прошлое, настоящее" (сост. А.А. Агалов), а также информация с официального сайта ВНИИЭФ.

РАДОСТЬ МОЯ

“Захотелось сесть в машину и ехать, ехать, любоваться... Видеть купола с крестами, в которых отражается небо, чувствовать, как природа поет... И главное, я видела, как люди, которые, в общем-то, довольно далеки от церкви, как они сопреживают все происходящее, соучаствуют, как гармонично они ощущают себя в святых местах. Мне бы очень хотелось привести своих родителей сюда, чтобы они тоже так сопрежили.

И конечно, мне хотелось бы вернуться сюда еще раз в том же составе...”

Мария Зонова, МГИМО,
факультет международной журналистики, 2 курс

Поездка в Саров. Начало

Студенты МГИМО в Саров ехали впервые организованно, с трехдневной программой и серьезными намерениями. Хотя Саров и МГИМО друг о друге наслышаны. В этот город на ежегодные Школьные Харитоновские чтения - международную научную конференцию для умных старшеклассников - приезжают эксперты из московских вузов, вдохновляются уникальностью мест (доброе соседство ядерной физики и православных святынь) и возвращаются переживать полученный опыт.

Среди экспертов на Харитоновских чтениях дважды был Владимир Легойда, доцент кафедры Мировой литературы и культуры МГИМО, редактор журнала "Фома". Спустя три года после начала этой доброй традиции в Саров вместе с ним - не на конференцию, а в гости - приехали двенадцать студентов МГИМО.

Владимир Легойда: Я хочу рассказать, как возникла идея нашей поездки. В Сарове первый раз я был в 2000-м году. Меня тогда потрясла здешняя атмосфера: уникальное, для меня совершенно неожиданное соседство Ядерного Центра и святого места. Если о преподобном Серафиме я что-то знал - Житие читал, по крайней мере, то ни о Ядерном Центре, ни о наших великих физиках не слышал ничего, кроме общих фраз. Мысль о том, чтобы приехать сюда с нашими студентами, возникла лишь спустя три года. Были третьи Харитоновские чтения, в культурную программу у нас входило посещение Серафимо-Дивеевского монастыря... Когда я покидал это место, у меня не то чтобы, как говорят, промелькнула мысль, - я всем своим существом вдруг ощутил, что сюда нужно привезти наших ребят. Я даже над этим особенно не размышлял. Просто понял, что надо приехать, и все. Не люблю выискивать какие-то совпадения, но интересно то, что за три года моего знакомства с Саровом именно в год столетия прославления преподобного Серафима эта идея вызрела и наша поездка состоялась. Не знаю, как повлияют святые места на ребят: в нашей группе подобрались очень разные люди. Не хочу загадывать, да это и бессмысленно - для каждого такой опыт сугубо индивидуален. Но мне кажется, что частичку саров-

ского духа мы с собой обязательно увезем, потому что... я не знаю человека, на которого бы не повлияла эта атмосфера.

Двенадцать "очень разных" студентов

Предложение ехать в Саров на майские праздники стало - абсолютно для всех - подарком. От предвкушения радостных минут щекотало в животе. Дележка по вагонным купе казалась чистой формальностью: а что, разве кто-то спать собирается? Так выехали из Москвы в Нижегородском направлении. Впереди - ночь в поезде, турниры остроумия (студенты-журналисты слов по карманам не прячут), а дальше - территория за колючей проволокой. Для верующих - святая земля.

За исключением Егора, будущего политолога, "sarовской командой" стали студенты факультета международной журналистики, разных курсов. Нам предложили написать, почему мы хотим поехать. Заявки были от одной строчки до полстраницы - очень разные. И что любопытно: быть может, отчасти потому, что мы студенты МГИМО, несколько человек признались: нигде, кроме Москвы, в России они не были. Хотели посмотреть, что такое провинциальный русский город, точнее, город-не-столица. Многие исконали Европу, видели обе Америки, но своей страны не знают. Кто-то написал, что хочет познакомиться с федеральным Ядерным Центром, кто-то упомянул про Серафима Саровского. О чем открыто не говорили, но что, наверное, важно было для всех -

Катя Забродина, факультет международной журналистики, 2 курс:

Главная цель для меня в нашей поездке - это все же монастыри, Дивеевский и Санаксарский. Но, кроме того, мне интересно побеседовать с учеными-ядерщиками, преимущественно верующими, и посмотреть, как религиозное и научное сознание могут совмещаться в одном человеке. Понятно, конечно, что одно другому не противоречит, но таковы уж наши стереотипы - что если ученый, а физик тем более, то обязательно скептик. И мне интересно, как человек, который хочет все проверить опытным путем, измерить, выверить - как он определяет для себя веру, как смотрит на невозможность постижения Божьего Бытия.

это наше неформальное общение. В институте мы ежедневно видимся и по-светски хорошо знакомы. Иными словами, ничего друг о друге не знаем. ...Кто-то из уже великих современников очень точно охарактеризовал наше время: главная наша болезнь - дефицит человеческого общения. И добрых отношений.

Родники за колючей проволокой

1-е мая. Проход через КПП. Уныло, пограничники в защитной форме, очередь, ветер и пять тридцать утра. Это первое впечатление рассеялось быстро: в городе нас ждали. Маршрутка, гостиница, завтрак... И что сразу потрясло: "Воду можете пить прямо из-под крана. Она у нас вся из источников", - объяснила Елена Адольфовна, сотрудник РФЯЦ, саровский организатор нашей поездки. "А что, их тут несколько, источников?" - "Они повсюду!"

Буквальное значение этих слов мы поняли, когда пришли к родникам на берег Сатиса. Деревянные ступени, помост. По желобам, двумя щедрыми струями к людям стекают родники. Невысокие бетонные колодцы - для тех, кто хочет зачерпнуть и облизаться. Говорят, желающих много не только летом.

Дно колодцев, под стать желтоводному Сатису, устлано мелким, мягким и "кипучим" песком. Такое вот природное чудо: на участке дна размером с ладонь бьет дюжина маленьких ключей. Бурлящими фонтанчиками усеяно и речное дно (это видно по узкой береговой полоске): неусыпными песочными часами отмеряет Сатис свои века.

...Территория за колючей проволокой составляет 232 квадратных километра. Чуть меньшедважды окольцованный Москвы. Это не только Саров. Это еще и мордовский заповедный парк, муромские леса, и искусственные, вырытые когда-то саровскими монахами озера, и полигоны Института ядерной физики, и огороды. Кто бы мог подумать, что по весне сотрудники ВНИИЭФ РФЯЦ тоже вспальвают грядки! "Мы еще и за грибами ездим, и в байдарочные походы ходим, так что все у нас как у людей, - смеется Елена Адольфовна. - Еще у нас бизнесом люди занимаются, и репетиторством... А вообще, лучше всех в городе живут ведущие ученые и таксисты: первые делают историю, а вторые их катают!"

В городе пять КПП - во все стороны света, плюс один на аэродроме. Закрытыми от мира саровчане себя не считают. Считают защищенными. В этом, не сговариваясь, признавались все наши новые знакомые. Удивительные они все-таки люди...

Сложно представить, что многие ради Сарова оставили Москву. Потому, может быть, и не назовешь Саров провинциальным городом. Скорее - филиалом столичного исторического центра. В старой его части, где стояла наша гостиница, улицы дышат тополиной смолой и покоем. Здесь больше деревянных домов - невысоких, не по-русски опрятных. Бродишь ночью: кроме тебя - только таксисты и фонари. И стражники-тополя. Интересно, а милиция в городе вообще есть?.. "Конечно, есть, и частенько бывает нужна. У нас же все как у людей", - объясняет Елена Адольфовна.

"Просто бродить" по улицам расписанное по минутам время нам не позволяло. Не осталось его и на прославившиеся у горожан саровские бани, и на Ледовый дворец. Неэкскурсионное общение с Саровом свелось к редким паузам между встречами и поездками. С загородом повезло чуть больше.

Здешний лес - Муромский заповедник. На подъезде к Сарову, около пяти утра, мимо окон проплывали густо укрытые лишайниками ели. Говорят, лишайники - индикаторы чистоты воздуха. Еще здесь живности полно: "Медведей, например, в малинниках часто видят, а рысь, лоси - те даже в город выходят", - рассказывает Марина Евгеньевна, наш бессменный гид. От нее многое нам предстоит узнать - было бы время...

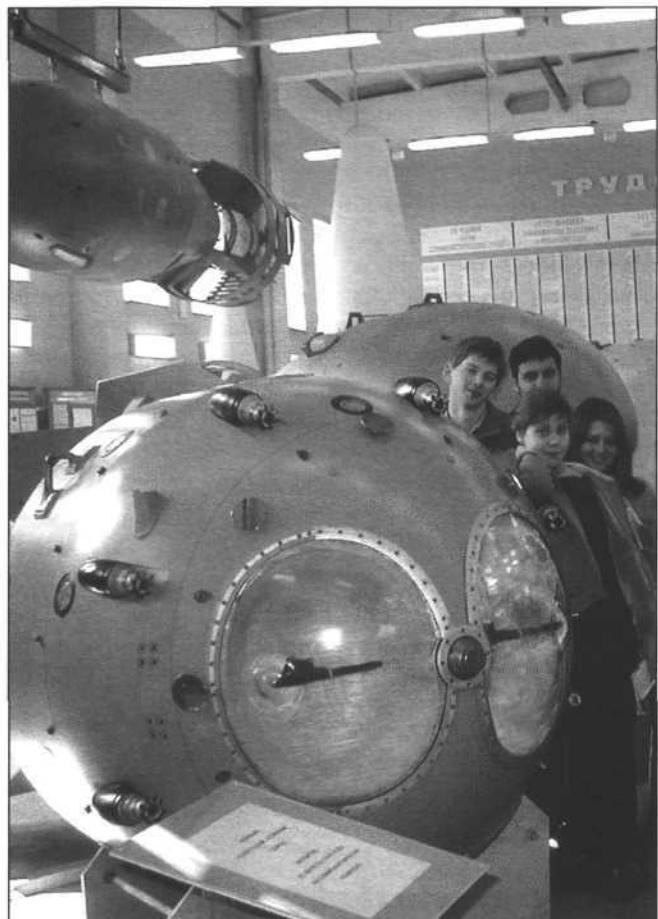
Но времени не хватало. Особенно чтобы осознавать происходящее. К вечеру первого дня ощущение было такое, что приехали мы дней шесть как.

Бомбы как средство выживания

В Музее ядерного оружия нас ждала эксклюзивная утренняя экскурсия: первого мая в Сарове все-таки отдохдают. Только экскурсоводы всегда на посту. Встретили нас гостеприимно, но строго, и предупредили: "Вопросы - потом".

Наша экскурсовод будто вела разговор о своих детях: о том, как наотрез не ели кашу, в каких рубашках пошли в первый класс, что пишут ей теперь о заслугах перед Родиной. На самом-то деле экспонаты в музее - конечно, бомбы. И рассказывали нам именно о них. Но "экспонатами" после такого жизнеописания эти изделия не назовешь: слишком действующие они лица в истории.

У первой советской атомной бомбы огромные, как у муhi, круглые глаза. Именно это большеголовое изделие "РДС-4" (реактивный двигатель специальный, или "Россия делает сама") - уравновесило чаши весов биполярного

У первой советской атомной бомбы огромные, как у муhi, круглые глаза.

мира. За ним - длинные списки имен - Героев, дважды Героев. От разведчиков, благодаря которым советские ученые на полтора года раньше обеспечили миру ядерный щит, до Курчатова и Харитона, трижды Героя Труда - руководителя и главного конструктора первого Ядерного Центра соответственно.

Про "Ю.Б." нам не было известно ничего. "Ю.Б." - так Юлия Борисовича Харитона, создателя - вместе с Курчатовым - первой советской атомной бомбы, называли соратники и друзья, те современники ученого, от которых его имя не было засекречено. Сегодня гриф государственной тайны с биографии патриарха атомных дел снят. Как и со многих других имен и документов, имевших отношение к "РДС". Теперь они представлены в Музее. Но имя Харитона, автора основополагающих работ по теории горения и взрыва, известнее миру до сих пор не стало. Может, потому наша экскурсовод с немалой долей ревности рассказывала об ученом.

Первая в мире водородная бомба имеет вид неуклюжей ракеты. Ее не собирались запускать - изготовили для демонстрационных испытаний. Чтобы Хрущеву было что показать мировой общественности. У бомбы маленькая дверца в металлическом боку. Теперь за нею пустота: в Музее представлены только корпуса, а смертоносное содержимое почило в недрах захоронений или научных лабораторий. Наш обывательский стереотип о водородной бомбе (как и об атомных ее предшественницах) диктует зачастую однозначную оценку: всеразрушающее зло. В Сарове на это иная точка зрения: ученые создавали не пушку, без промаха бьющую по миру, но именно - ядерный щит, средство усмирить агрессивность США. Не было бы "РДС-4" - кто знает, были бы сейчас мы...

Ослепленные

Марина Евгеньевна, наш городской гид, ждала нас у выхода из музея. С нею, перейдя Саровку - речку, давшую название городу, мы ступили на былую территорию Саровского монастыря. Ис-

торический центр теперь исчерчен маршрутами городского транспорта. Широкая красивая улица, площадь перед Успенским собором, почти уже восстановленным, но сначала - колокольня.

Чем только не переслужили эти высотные часовье России за минувший век...

Телевизионных антенн на колокольне не пе-речесть. Мы видели ее до полудня, солнце играло слепыми стрелками исправных ее часов. К вечеру от былых привратников Саровского монастыря - колокольни и двух башен, симметрично стоящих по сторонам, на площадь, должно быть, ложатся ровные тени - без крестов.

У Марины Евгеньевны есть волшебные картички. Это виды зданий до революции. Эффект зеркала эпохи: на бумаге - как было раньше, черно-белая гармония, перед глазами - то, как теперь, "черный в цвете" оригинал. Мрачное наследие, необратимость, морщина, глубокая, словно детский сон. Мне кажется, снести крест - это тоже, что выколоть глаза.

"Первая саровская церковь была построена в течение пятидесяти дней, из дерева", - рассказывает Марина Евгеньевна.

Теперь в городе восстанавливают Успенский собор, некогда лучший в Тамбовской епархии, куда административно относилась эта земля. Трешина в стенах собора образовалась за век до революции - после землетрясения 1811 года. В советское время решили не вести реставрационных работ: здания все равно не спаси. На могиле прежнего собора осталось несколько больших камней. Печальные обелиски наблюдают теперь спешные и масштабные воскресительные работы. Раньше в Успенском соборе находились мощи преподобного Серафима. Теперь - пока лишь образ святого в простом окладе. К столетию прославления преподобного Серафима мощи привезут сюда на несколько дней (маленькая "келья" для них внутри собора уже готова). Накануне празднования - даст Бог - храм будет освящен Патриархом.

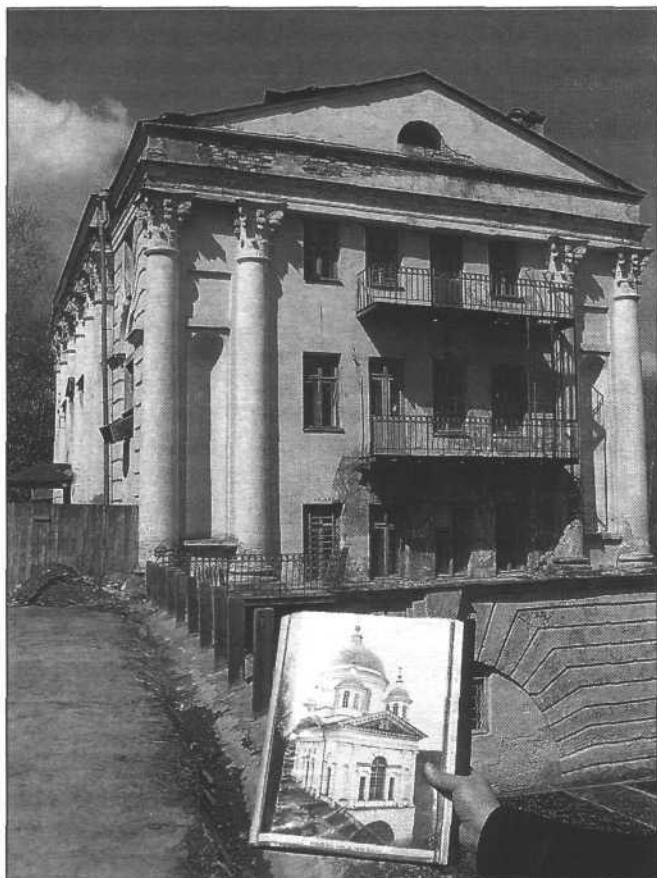
Оля, Света и Ростик фотографируют. Сюжеты снимков мы узнаем позже и сравним летопись поездки в трех авторствах. На самом-то деле авторство одно - сила Святой земли, преображающая природу человека.

Опусы монастырской жизни

Краеведческий музей хранит документальную историю Саровской пустыни, позже - Саровского мужского монастыря. Он слыл "колыбелью и академией российского монашества": земля сия дала настоятелей и наместников пятидесяти четырем монастырским обителям. Устав Саровского монастыря был образцом для обителей по всей России. Известна даже такая история. Митрополит Санкт-Петербургский Гавриил лично запрашивал саровского монаха, старца Назария, для Валаамского монастыря. В Сарове стали отнекиваться: "Он у нас... умом слабоват". Но мудрого владыку ответ не смутил: "Присылайте вашего "дурачка". Умников мне и своих хватает!"

Записи о монахах Саровского монастыря велись аккуратно. Графа о грамотности стояла непременно против имени. Чаще всего монах был "грамоте обучен", но некоторые числились "шибко грамотными".

В краеведческом музее мы были недолго: через полчаса информационной атаки и оживленных комментариев Марина Евгеньевна уже вела нас к машине, и по дороге сквозь овражистый сосновый перелесок просветившиеся студенты прибыли к местам трудов саровских археологов.

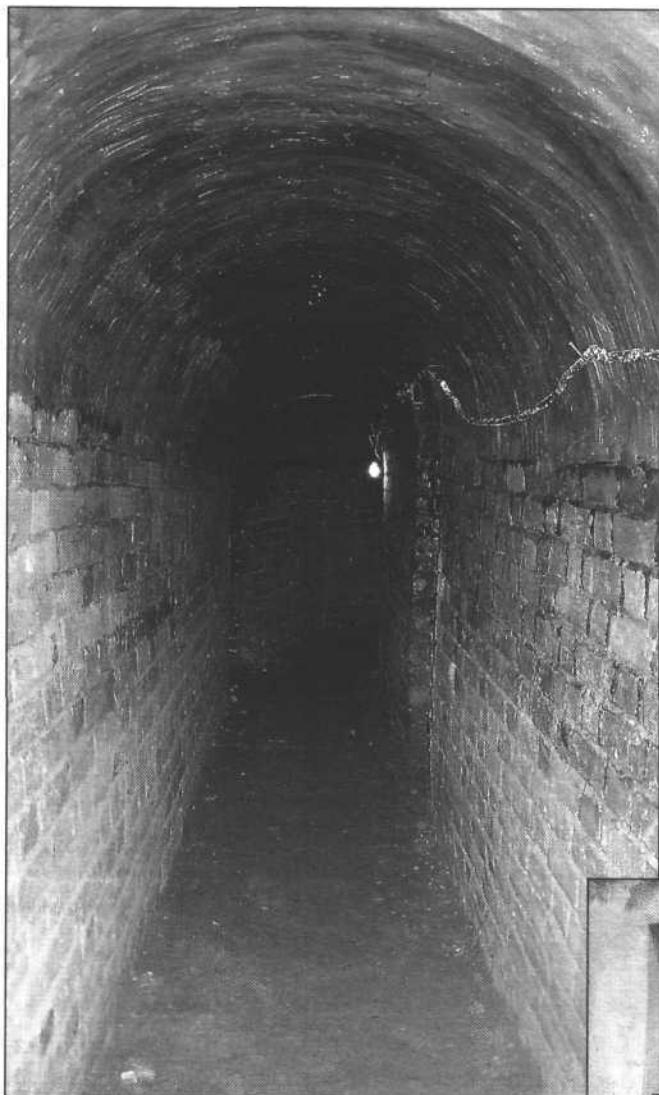
Никто не поверит, что это - одно и то же здание

Намоленная пещера

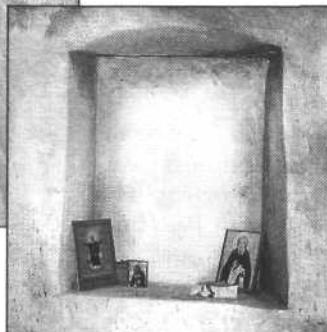
Мы рядом с храмом Иоанна Предтечи: обезглавленный, он претерпевал внутри себя то ли рай-, то ли гор-, то ли иной структурно значимый "ком". Обшарпаные стены - словно рваная рана. Марина Евгеньевна достает волшебные картинки: церковь с большим правильным куполом, точно смеющаяся невеста из бабушкиного альбома. "Но это невозможно! - говорит Оля. - Никто не поверит, что это - одно и то же здание!". Приходится верить.

Про то, что предстоит спуск в катакомбы, заранее нам не сказали. В обход опущенного шлагбаума Марина Евгеньевна подводит нас ближе к храму Иоанна Предтечи. Против него - высокий земляной порог, в нем дверь в подземелье. За нею катакомбные коридоры - сводчатые, рельефные и влажные. Понимаем ли мы, входя сюда, что века назад лопатой и киркой здесь у земли просили разрешения уединиться для молитвы?

"Вообще подземная церковь, кельи и жоды вместе составляют культурный комплекс Саров-

Алтарь подземной церкви

ближе к своду. Наверное, от лампадки? Здесь еще выруб - что-то вроде скамьи. Это каменная постель. Монахи спали "не приложивши ребер", то есть - сидя.

В подземном затворе пребывали годами. Братья приносили отшельнику скучную пищу, может быть, масло для лампады - вот и все общение с миром. Умом осознаешь, что оно так и было. Но сказать, что это постижимо... - вряд ли кто-то из нас решился бы.

А между тем, затвор для монаха был не просто добровольным - к этому стремились, просили благословения, чтобы молиться и жить в этих пещерах, и не всякий монах это благословение получал. Уход в подземелье - то, что сегодня может показаться тюремным заключением, - означал для монаха возможность познания Бога, богообщения. В затворе забывали о красоте земной - ради красоты горней.

И эта красота преображала людей. Даже для окружающих такая перемена была очевидна. Бывавшие на Афоне подвижники рассказывают: "Один афонский старец после того, как видел Бога и Его сияние, вышел днем из своей пещеры и стал спрашивать, почему никак не рассветет. Ему все остальное уже казалось темно". Возможно, такое бывало и здесь...

Холод и влага постепенно пробираются под одежду. Закаленные в боях остросторожия, мы отступаем перед физическим дискомфортом, кутаемся друг другу в свитера и жилетки. "А я долго могу здесь находиться, - говорит Марина Евгеньевна, - в темноте по-другому воспринимаешь эти кельи. Они все... разного цвета".

Катаомбные коридоры узки - мы идем друг за другом - и непривычно строги. Здесь не хочется шуметь.

Мария Зонова, факультет международной журналистики, 2-й курс: Когда нам рассказывали о духовных подвигах саровских монахов-затворников, о том, как дух человеческий может все на свете верой своей превозмочь, меня это потрясло. Раньше, конечно, приходилось слышать абстрактное: где-то отшельник просидел в келье столько-то лет. Думаешь себе: "Ну просидел, и слава Богу". Никаких особенных эмоций. Теперь же, услышав такое, я мысленно "увижу" образ этой кельи. Как там жили?.. Там, где по моим понятиям невозможно не получить хронический бронхит? Па-

ских пещер, - объясняет Марина Евгеньевна. - Мы знали, что где-то здесь они должны быть, но уже отчаялись найти... Когда по удару лопаты мы различили пустоту, шел последний день наших поисковых работ. ...Первые двое, кто вошел в подземелье, пробыли там сорок минут. Мы ужасно волновались. А им показалось - мгновение! Под землей время течет по-другому".

Ходы освещены электрическими лампами. Их ровно столько, чтобы можно было разглядеть неровную поверхность каменно-землистых стен. Для остального лампы не нужны. Нужна тишина.

Келья. Выступы в каменной стене. Один - на уровне глаз человека тогдашнего среднего роста. Может быть, для иконы. Вот копоть на камне,

ра дней - и у тебя уж точно пневмония, а что через две недели?.. Монахи жили там годами. Это удивительно. Конечно, кто сегодня не слышал про самовнушение, про концентрацию энергии и прочие штуки, но... Дело-то в другом - ради чего эти люди уходили в затвор. Когда ты с этим соприкасаешься, воочию видишь места их молитв, - то ты это чувствуешь, и это очень сильное переживание.

Катя Забродина, факультет международной журналистики, 2-й курс: Когда там находишься, думаешь о подвижничестве тех людей, то невольно смотришь и на себя. И понимаешь, насколько ты существо несовершенное, сколько в тебе всякой гадости, насколько ты, лично ты, слаб. Еще понимаешь, что духовные глубины природы человеческой не изведаны нами до конца, и слаб человек лишь потому, что считает себя таковым, и ему удобно так считать. Достоевский сказал, что грех свой человек очень любит. И ведь действительно - любит!.. Я восхищаюсь эти-

ми монахами, смиренными, отважными. Больно, что их времена прошли.

После катакомб солнечное тепло принимаешь как особый дар. Сорок минут мы пробыли под землей - не больше, и так уже стремимся обратно. Какова же та "жертва во спасение", что по силам современному человеку?.. Вот он, личный опыт того, что есть духовная мощь и духовная немощь.

Живая вода

Сосновый бал. Воздух пропитан ароматом смолы, чуть влажной земли и хвои, вот-вот закапает изумрудными и янтарными каплями на ладонь. Говорят, нам удивительно повезло с погодой: днем раньше не унимался дождь. Это видно: лес умыт и ясен.

Сиреневых подснежников видеть прежде мне не доводилось. И честно говоря, не очень-то взялось название этих цветов с первыми майскими днями. Но чуть глубже в лесу мы обнаружили и снег. Радовались ему, как дети: давно не виделись... По правде сказочный лес.

**Даша Затулина, факультет международной журналистики,
1 курс:**

Удивительный, нетронутый уголок природы, который редко где найдешь на нашей земле. Мы были в музее, где представлены ядерные бомбы, там чувствуешь себя человеком-разрушителем. А здесь ты становишься человеком, который близок к Творцу.

век, благодаря которому очаг в доме "Ю.Б." не угас и пульс меж перекрытиями стен не перестал биться. Она росла соседкой Харитона и дочкой его коллеги - ученого Евгения Негина. Вехи и подробности биографии светил советской науки для нее лишь повод, чтобы покинематографически ловко запустить занимательную ленту жизни рассеянного, гениального и остроумного ученого мира. Наверно, ее экскурсии никогда не повторяются: истинный виртуоз не сыграет дважды одинаково "Лунную сонату".

В гостях у Харитона, среди простой функциональной мебели, множества наград и фотографий, мы увидели подстекольные - размером с игрушечный автомобиль - копии жительниц Музея ядерного оружия. "За один такой "сувенир" американцы почем зря сулили нам золотые горы", - замечает Ольга Евгеньевна.

Сосновые стволы идеально прямые: даром ли здесь Муромский заповедник! Древесина эта шла на отделку кремлевских палат. А корнями сосны уходят прямо к родникам. Может, потому и лес здесь такой живой, что сама вода - живая.

По дороге к родникам встречаются скамейки. "Это для наших бабулек, - поясняет Елена Адольфовна. - Все-таки путь за водой для них неблизкий - четыре километра". Однако не только стаrushкам кажется "неблизким" этот путь. Отважные московские студенты немного не подрассчитали сил и с удовольствием рухнули бы на первом же привале.

У родников нас ждала беседка, рядом с нею - высокий крест. Фотографируемся, кидаемся за водой - пить, умываться. Маленькая из-под-земельная "лунка", через которую поднимается ключ, напоминает чем-то кроличий лаз. Опустишь в него руку - и чувствуешь себя Алисой на пороге Страны Чудес.

В гостях у Харитона

Вечером нас ждали в доме-музее Харитона. Рассказчица, Ольга Евгеньевна Негина - чело-

**Маша Китаева,
факультет международной
журналистики, 3 курс:**

Хочется рассказать про посещение музея Харитона, хотя бы потому, что у нас была потрясающий экскурсовод Ольга Евгеньевна. Особенность ее в том, что она имела отношение ко всем событиям, о которых рассказывает, о которых теперь пишутся книги, так как она - дочка ученого Негина, соратника Харитона. То есть ей не просто известны факты, о которых обычно говорят экскурсоводы. Она знает что-то большее - дух времени, атмосферу, жизненные взгляды этих людей, смены их настроений, она рассказывает такие вещи, которые никогда и нигде не услышишь. Это безумно интересно. Мы просидели в музее Харитона довольно долго для трех комнат - четыре часа, но время пролетело как три минуты.

В доме Харитона нас ждал и свой человек - Владимир Васильевич Еманов, муж Ольги Евгеньевны - выпускник МГИМО. Сюрприз что надо: то ли мир и впрямь тесен, то ли МГИМО - по всему миру.

Дивеево: паломники и туристы

2-е мая. Серафимо-Дивеевский монастырь встретил нас сорвавшимся ветром и ослепитель-

Дружеский шарж на
академика Харитона

ным солнцем. Близ Троицкого собора - гомон и суета в ожидании крестного хода. Паломники, дети, нищие, кликуши... Скоро рассеянная толпа сольется и сплошным потоком потечет вслед за сестрами, батюшкой в красно-золотом пасхальном облачении и хором.

В Дивееве белым-белу. Листвы еще нет, сквозь ветви просвечивает строгость и чистота соборов. Тонкие высокие ветви словно прочерчены неуверенной рукой начинающего художника: там, где вышли кляксы, галки свили свои гнезда.

Колокольня реставрируется и стоит в лесах - за нею, кстати, можно спрятаться от ветра. Мы с Дашей забираемся вглубь дощатых перекрытий. Снова пахнет стружкой. А перед глазами - взмывающий ввысь Преображенский собор. Словно парит над землей.

Ветер подкрадывается исподтишка, поднимается, хочет сорвать платок. Так в больничной палате распахивают окна и двери - на санитарный час.

Экскурсия по монастырю была беглой. Рассказали о прославившихся здесь святых Александре, Марфе и Елене, повели в храм Рождества Богородицы - приложиться к мощам. Никто из нас не смутился, хотя людей, знакомых с православной церковной традицией, в нашей группе меньше половины.

Над могилами праведных и блаженных тишина. Белоснежно опоясанные яблони кланяются сестрам и паломникам. И нам. Мы ведь не просто туристы... За одну из яблоневых веток зацепились маленькие четки. Черные, в прозрачном воздухе.

Знаменитая дивеевская береза на могиле Мотовилова. Волокна корневой древесины, выступающие сквозь расщелину в коре, описали контур Образа Божией Матери "Умиление".

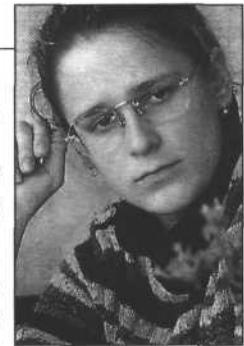
Егор Гаврилов, факультет политологии, 2 курс:

В Дивееве мне очень запомнилась трапеза. Для меня, как для человека, к церкви не привыкшего, именно такие подробности - бытовые, человеческие - кажутся ближе и понятней. Представление о церкви как о чем-то пафосном куда-то отступает: вот и в монастыре тоже люди живут... В принципе, я ехал в Дивеево именно на экскурсию. Думал, будет как обычно: носишься за экскурсоводом, ни присесть, ни отдохнуть. А тут - пауза такая нестандартная получилась... И поесть можно!

Такая чистота...

На могиле блаженной Паши экскурсовод остановила рассказ и жестом велела нам развернуться. Шел крестный ход - монахини, батюшка, хор: "Христос воскресе из мертвых!...". И следом - бурлящая толпа. Остановились, читают Евангелие. Ветер донес нам лишь некоторые его слова.

**Светла Артемьева,
факультет международной
журналистики, 3 курс:**

Крестный ход я видела второй раз в жизни, я как-то на него не попадала. Первый раз это было у бабушки на Украине. Тогда осталось жуткое впечатление. Очень красивая польская часть города, все спокойно. Вдруг появляется огромная толпа людей с очень странными взглядами, которые целеустремленно движутся в одном направлении. Мне стало просто страшно, я отошла в сторону и переждала. А здесь было совсем другое чувство. Особенно когда запели девушки - мороз по коже, восхищение, может быть, - не знаю, но я понимала, что это что-то неземное и что в силу разных причин я не могу быть такой, как они. У них голоса потрясающие - такая чистота...

Но все как-то поняли, что слушать нужно молча. И многие откликнулись потом: "Воистину воскресе!" Водой кропили далеко от нас, и не всем досталось даже по капле. Но позже, на ступенях храма, когда крестный ход завершал свой путь, нас щедро умыли святой водой.

Несколько человек признались потом, что это был первый крестный ход в их жизни. Действие их поразило. Пение поразило - у сестер высокие, чистые голоса. А ведь мы могли приехать часом раньше, или часом позже, или вообще быть в этот момент не у Пашиной могилки...

Егору в Дивееве запомнилась трапеза: "Обычно ведь носишься за экскурсоводом, ни присесть, ни отдохнуть. А тут - пауза такая нестандартная получилась, очень необычно, интересно, и поесть можно!" Была Светлая седмица, так что среди прочего нас угостили яйцами насыщенного лукового цвета и куличом. Монастырская трапезная довольно большая, но и ее недостаточно, чтобы насытить всех страждущих и голодных. Поэтому обед организуют, кроме того, на воздухе: гора пластиковых тарелок, сестры на раздаче и очередь за хлебом насыщенным. Всем хватит.

Очередь к мощам преподобного Серафима. "Вы за кем?" - "И мы за ними. Мы раньше!" Как бы вовремя вспомнить: не судите, да не судимы будете...

За свечным ящиком объясняем друг другу, как писать записки и вкушать просфоры. Обошлось без обид и раздражения. Церковный быт и терпимость - это тоже целая школа.

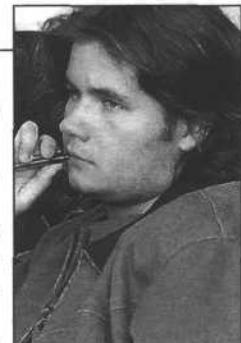
Катя Забродина, факультет международной журналистики, 2 курс: Если говорить о том, где бы я хотела задержаться, то я задержалась бы в Дивеево, поскольку место это на меня произвело очень сильное впечатление, хотя и не однозначное. Кто-то сказал, что это воспринимается не как живое место. У меня же ощущение некой благодати осталось именно после посещения Дивеева. Не только благодаря мощам преподобного Серафима. Это очень светлое место, и белоснежно чистое. И вместе с тем, запомнилась строгость этой земли, строгость во всем - в лицах людей, в очертаниях соборов, даже в обилии гнезд на деревьях, высоко в ветвях, что-то очень сильное. Это чувство сохранилось до сих пор.

Встреча с Серафимом

Наш путь в Дивеево лежал через пустынки - места, где преподобный Серафим прославился стоянием на камне - тысяча дней и ночей, проведенных в молитве. Ближняя пустынька - на берегу одного из искусственных озер. Здесь преподобный принимал приходящих к нему людей, каждого встречая словами: "Здравствуй, радость моя!" Здесь состоялась его знаменитая беседа с Мотовиловым.

У креста, приблизительно указывающего место этой встречи, Марина Евгеньевна впервые заговорила именно о батюшке Серафиме - пока о нем упоминалось лишь в связи с историей города и Саровского монастыря.

Ветер нам благоволил: бушевал, растрепывал волосы. Ветер был ненужным нашим оправданием - это ведь, правда, он выбил слезы из глаз.

**Саша Брянцев,
факультет международной
журналистики, 5 курс:**

Кажется, это место называется Ближняя пустынька, оно связано с Серафимом. Одно из самых сильных моих впечатлений из поездки - когда Марина Евгеньевна рассказывала, что любого, кто приходил на эту пустыньку, Серафим встречал словами: "Здравствуй, радость моя!" На фоне всего этого пейзажа и моего в целом не самого позитивного на тот момент состояния вот эти слова - "радость моя" - меня потрясли. У меня просто мороз по коже пошел, потому что я подумал, и мне стало очень приятно, что какой-то человек мог бы меня, со всеми моими пороками, недостатками и слабостями встретить словами: "Здравствуй, радость моя!". То есть принять меня полностью таким, какой я есть, и признать меня.

Важно для меня, что я не представил себе, как Серафим говорил: "Здравствуй, радость моя", но, как мне кажется, это было именно мистическое переживание встречи с Серафимом. Я думаю, что так было, на внутреннем уровне я ощущал его присутствие.

До Дальней пустыньки едем в нашей маршрутке. "Из Сарова сюда идет крестный ход", - рассказывает Марина Евгеньевна. Но пеших много и теперь: старушки, дяденька, женщины в платках... Несут батюшке каменную тяжесть своих невзгод, реже рассказывают о радости. А он, как прежде, стоит на камне, молится о нас.

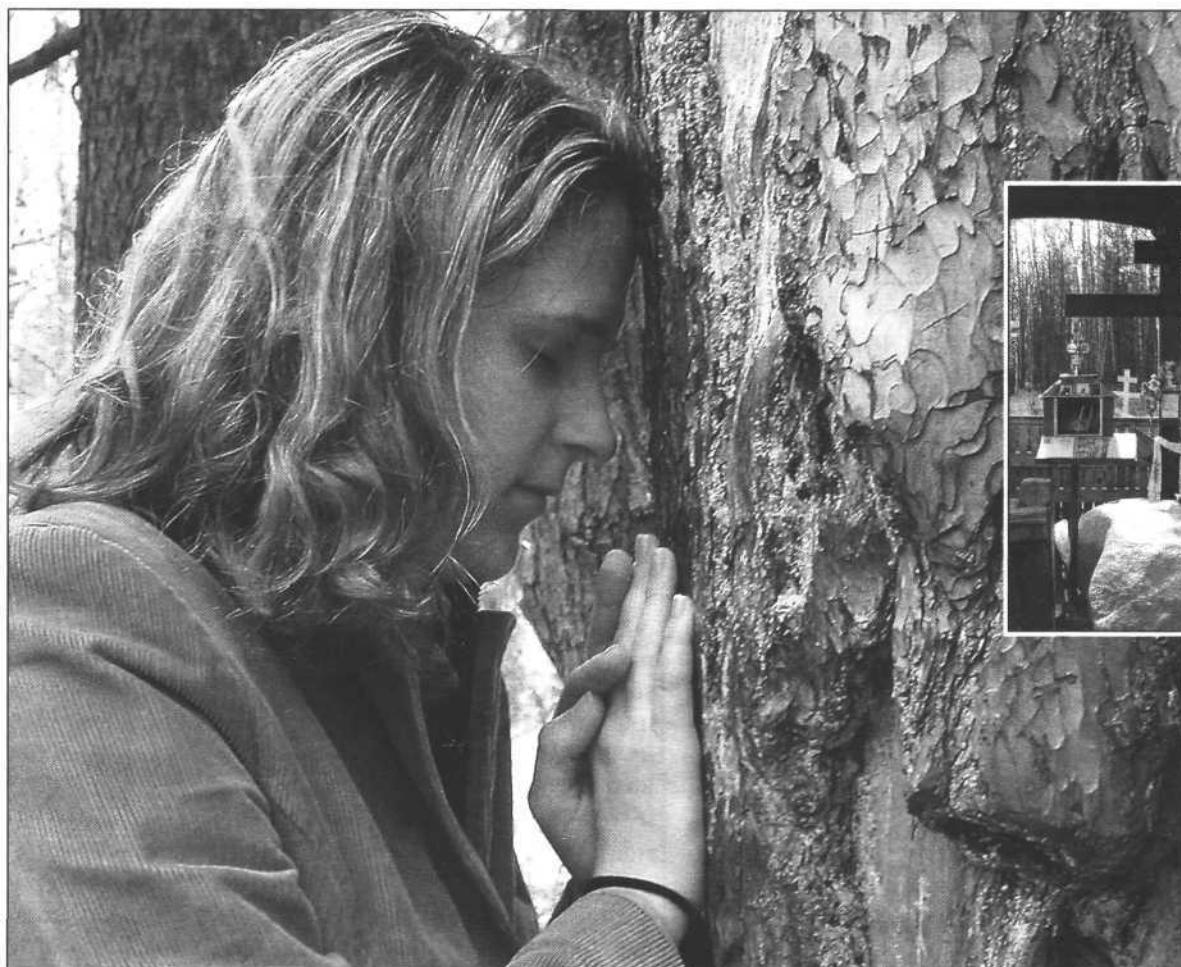
Марина Евгеньевна рассказывает, что камень, указывающий теперь место ночного стояния преподобного - не "тот самый" камень Серафима. Но он был взят из тех мест глухого леса, где батюшка, по преданию, часто бывал, когда

Памятник, привезенный на Дальнюю пустынку краеведами и поставленный здесь, имел лишь символическое значение - "для наглядности". Но паломники и его стали читать как неотъемлемую часть святого места. Теперь у памятника неизменно стоят несколько свечей, и кто-то из посетителей обращает взор к погруженному в молитву лицу Серафима.

Камень, указывающий теперь место ночного стояния преподобного - не "тот самый" камень Серафима. Но он был взят из тех мест глухого леса, где батюшка, по преданию, часто бывал, когда жил в затворе.

жил в затворе. Более того. Когда краеведы нашли этот камень и приподняли от земли, под ним лежал еще один, поменьше - его-то и перенесли потом в Ближнюю пустынку, где преподобный Серафим совершил дневную молитву. С точностью до метра Ближнюю и Дальнюю пустынки указать нельзя: сам преподобный никак их не обозначил, а сведения "очевидцев" вполне достоверно опровергают друг друга. Но нужна ли здесь такая аптекарская щепетильность? Преподобный Серафим ходил повсюду в этом лесу и повсюду - непрестанно молился.

Памятник, привезенный на Дальнюю пустынку краеведами и поставленный здесь, имел лишь символическое значение - "для наглядности". Но паломники и его стали чтить как неотъемлемую часть святого места. Теперь у памятника неизменно стоят несколько свечей, и кто-то из посетителей обращает взор к погруженному в молитву лицу Серафима.

Света Артемьева, факультет международной журналистики, 3 курс: Пожалуй, уютнее всего я себя почувствовала на месте, где стояло дерево с крестами, это Дальняя пустынка. На меня нашло такое умиротворение, спокойствие... Даже не могу сказать, о чем я думала. Я просто подошла к этому дереву, посмотрела на верх, увидела пронзительно синее небо, листву, которая шумела на фоне этого неба, стволы, озаренные солнцем, крестики, подвешенные на коре, было хорошо и спокойно. Такая абсолютная концентрация я не знаю, на чем.

Владимир Легойда: Для меня важна была еще такая вещь. Когда ты пытаешься заниматься чем-то вроде миссионерства, то в какой-то момент у тебя возникает целый набор стереотипов: об этом человеку так нужно говорить, этого он пока не поймет, тут лучше сделать так-то и проч. Так вот, на самом деле эти стереотипы часто оказываются ложными. Люди намного сложнее, богаче, глубже - и при этом проще, но главное - намного более христиане, чем о них иногда думают некоторые миссионеры...

"Впервые храм Божий меня тронул"

3-е мая. О Санаксарском монастыре мало что нам было известно. Где-то на территории Мордовии, на берегу Мокши, как-то связан с Федором Ушаковым... Мы плохо представляли себе, куда едем, потому ничего конкретного не ждали. Но это было именно то место, где ребята наши плали - искренне и не безнадежно.

Святых Феодоров в Санаксарском мужском монастыре прославлено два: дядя и племянник, святой преподобный Феодор Санаксарский и святой праведный воин Феодор, знаменитый русский адмирал.

Молодой и богатый дворянин Иоанн Ушаков, впоследствии преподобный Феодор Санаксарский, резко переменил жизнь, когда во время гуляния с товарищами-гвардейцами стал свидетелем внезапной смерти своего приятеля. Он отказался от славы и богатств, странником ушел в поморские леса, жил в отшельничестве...

Именно преподобному Феодору Санаксарскому монастырь обязан своим "вторым рождением". Монах Феодор пришел на берега Мокши в 1759 году, когда санаксарское хозяйство находилось в страшном запустении. Он наладил быт монастыря и на протяжении пятнадцати лет был его настоятелем.

Племянник преподобного, праведный Феодор Ушаков - легендарный флотоводец, не проигравший ни одного сражения и не потерявший ни одного корабля. Навсегда он остался верен своей присяге - "верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя жизни своего, до последней капли крови...".

Монастырское хозяйство с колокольни

Сложно передать, что чувствуешь в Санакаре. Как будто всякую минуту внутри тебя ведется интенсивный труд - генеральная уборка. Каждую твою клеточку промывают, протирают, аккуратно возвращают на прежнее место. Потому, может быть, приехавшие сюда начинают сиять изнутри.

По пути на колокольню заходим в свечную мастерскую. Насыщенный, медовый, славный запах.

С колокольни видны заливные луга. "Весной вода подступает к самой ограде монастыря, - говорит отец Долмат, - монастырь кажется кораблем посреди моря. Хотя, почему только кажется?..."

Наши фотографы во всеоружии. С колокольни удивительный вид - на все монастырское хозяйство. Такая маленькая земля, такая бескрайняя...

В храме Казанской Божией Матери - белым-белого. Слезы, восторг, умиление... Господи, как пережить такую - потоком влившуюся внутрь - радость: белым-бело!..

Владимир Легойда:

Сам факт существования такого места снимает необходимость и смысл каких либо споров, сомнений. Потому что это соприкосновение с живым опытом христианской жизни, с присутствием Божиим во всем и есть то самое "уверение Фомы", которое все расставляет на свои места.

Это земля, где спорить не хочется, где человека даже не эмоции захлестывают, а какие-то более глубокие переживания. Ведь эмоциональная сфера довольно поверхностна. А здесь ты чувствуешь как - через эмоции, через твою душу - в самые глубины твоего естества, твоего духа проникает что-то, что тебя очень сильно трогает и меняет.

Оля Волкова, факультет международной журналистики, 3 курс:

Хочется вернуться в тот монастырский храм, с двумя иконами Божией Матери, Казанской и Федоровской. Наверно, все это копилось, копилось во мне (я имею в виду мое восприятие и осознание того, что происходит вокруг, ощущение чего-то светлого) и вот... вырвалось, наконец. Был момент, я стояла перед иконой Федоровской Божией Матери, и у меня просто подкосились ноги. Состояние, близкое к истерике, слезы лились ручьями. Но не было и мысли о том, что кто-то на меня смотрит, кто-то это увидит. Потом, когда первый порыв прошел, появилось осознание, что я здесь не одна и надо взять себя в руки. Момент истины отступил, а его хотелось бы пережить вновь, от начала до конца... То, что там происходило - как говорят, из человека зло выходит. Со мной такое в первый раз, и я была откровенно этим потрясена.

С отцом Венедиктом мы разговорились случайно и надолго. Ему бы аудиторию на пару часов - человек двести удержал бы. Мы и не заметили, что он нас... поучает. Истинный миссионер. "Супер-батюшка!" - было решено после обмена мнениями в машине, на обратном пути.

Мария Зонова, факультет международной журналистики, 2 курс:

Неотделима по силе впечатления от Санаксарского монастыря сама дорога в это место. Мы ехали назад: солнце, будто взбитые ласковой любящей рукой облака, изумрудное поле - потрясающие цвета... Я первый раз в жизни ощущала физически, как этот лес, поля, небо - все это та земля, над которой действительно Богородица расправила Свой плат. Было радостно - без видимой на то причины. Это нежность, умиление и неземная доброта, которая находит свое отражение в этой чистоте, в этом свете, в этом покое.

Маша Китаева, факультет международной журналистики, 3 курс: Больше всего мне запомнилось посещение Санаксарского монастыря, потому что, как правило, в таких местах я себя чувствую очень неуютно. Здесь же... Мне было очень хорошо, очень комфортно, такое расслабленное состояние. Впервые в моей жизни храм Божий меня тронул. В какой-то момент у меня почему-то вдруг навернулись слезы. Потом я заметила - то же самое случилось у многих.

Мне кажется, что именно в Санаксарский монастырь я повела бы любого человека, который так же, как и я, никогда не испытывал подобных чувств. Чтобы показать ему, что это возможно.

Вместе с другими, и все же в стороне, Маша, красивая, яркая светская девушка, долго стояла в приделе, перед образом Казанской Божией Матери. Потом, когда мы разговорились с отцом Венедиктом и он по-родительски шутливо и ласково "поругал" нас за кольца и крашеные ногти, она первая одернула возмущившихся и сильнее натянула свой платок - уши спрятать.

Владимир Легойда: Самое главное, что меня порадовало и удивило - это то, как естественно все ребята реагировали на те места, в которых мы были. По крайней мере, так мне показалось. Ведь в нашей группе были очень разные ребята, далеко не все из них - люди церковные и даже, наверное, сознательно верующие - это не совсем правильная характеристика... Честно говоря, у меня были серьезные сомнения и опасения, как они себя поведут: в храме, перед мощами и т.д. Оказалось, что все мои сомнения были плодом малодушного неверия - так я сейчас думаю. Поведение ребят для меня лишний раз стало подтверждением древней мысли о том, что человеческая душа по природе христианка.

Меня все это очень сильно порадовало и вдохновило. Именно вдохновило. Ведь у большинства ребят ранее не было подобного опыта. И они так естественно, так глубоко все это пережили. Откуда это? Конечно, это есть в самом человеке. Это та его подлинная и глубинная суть, которая обязательно откликается, если ее, именно ее касается Бог.

Post Scriptum

К поезду мы успевали ровно. Катя все не хотела возвращаться. И не только она. Ехали ночь, спать - почти не ложились. На Казанском вокзале почему-то почувствовали, будто в Москве нас не было неделю...

Владимир Легойда: Еще одним ощущением я хотел бы поделиться. За три дня до поездки в Саров я вернулся из почти недельного путешествия на Святую Землю - в Иерусалим, где мне посчастливилось быть свидетелем схождения Благодатного Огня и паломником к разным святым местам, находящимся там. По возвращении из Иерусалима у меня было такое чувство, что сильнее и глубже того, что мне Господь дал там пережить, наверное, быть не может. Иерусалим, Голгофа, крестный путь Спасителя, Благодатный Огонь... Так вот одним из самых сильных впечатлений от Сарова стало то, что мои переживания на земле Преподобного оказались ничтоже не слабее, чем в Иерусалиме. Конечно, они были другими. По многим причинам - в том числе и потому, что в Иерусалиме я был на Страстной седмице, а в Сарове - на Светлой.

**Ростислав Вылегжанин,
3 курс МЖ**

С удовольствием поработал бы над восстановлением монастыря, то есть пожил бы при монастыре трудником. Меня всегда увлекала эта идея, пока она не реализована, но думаю, что все еще впереди. Может, это будет Санаксарский монастырь, может быть, какой-нибудь другой, а может - заброшенная церквушка на берегу Белого моря. Я знаю, что это будет в моей жизни, просто я еще к этому не пришел. Пока не пришел.

И все же в каком-то смысле они были одинаково сильными. И осознал я это, когда на дальней пустынке преподобного экскурсовод напомнила нам о том, что Серафим называл те места - Голгофа, Фавор и проч. И я понял, что можно всю полноту присутствия Бога, Его любви и Радости ощутить и здесь. И, наверное, в любом месте, потому что Бог везде. Потому что "Царствие Божие внутрь вас есть". Конечно, это не значит, что святые места не нужны. Просто в

них мы чувствуем то, что в принципе святые ощущают всегда - единство с Богом. Это и есть те заряды будущих благ, тот опыт, который мы получаем как уверение в будущем спасении.

**Сергей Коняшин,
3 курс МЖ**

Больше всего мне запомнился Музей ядерного оружия, по одной простой причине. Раньше я толком не представлял себе, что такое атомная и водородная бомбы, но стереотипов имел массу, в числе прочего, о том, что ядерное оружие призвано уничтожить земной шар. В Сарове практически все эти стереотипы были разрушены. Я для себя многое объяснил в международных отношениях, например, пересмотрел свой взгляд на события Карибского кризиса.

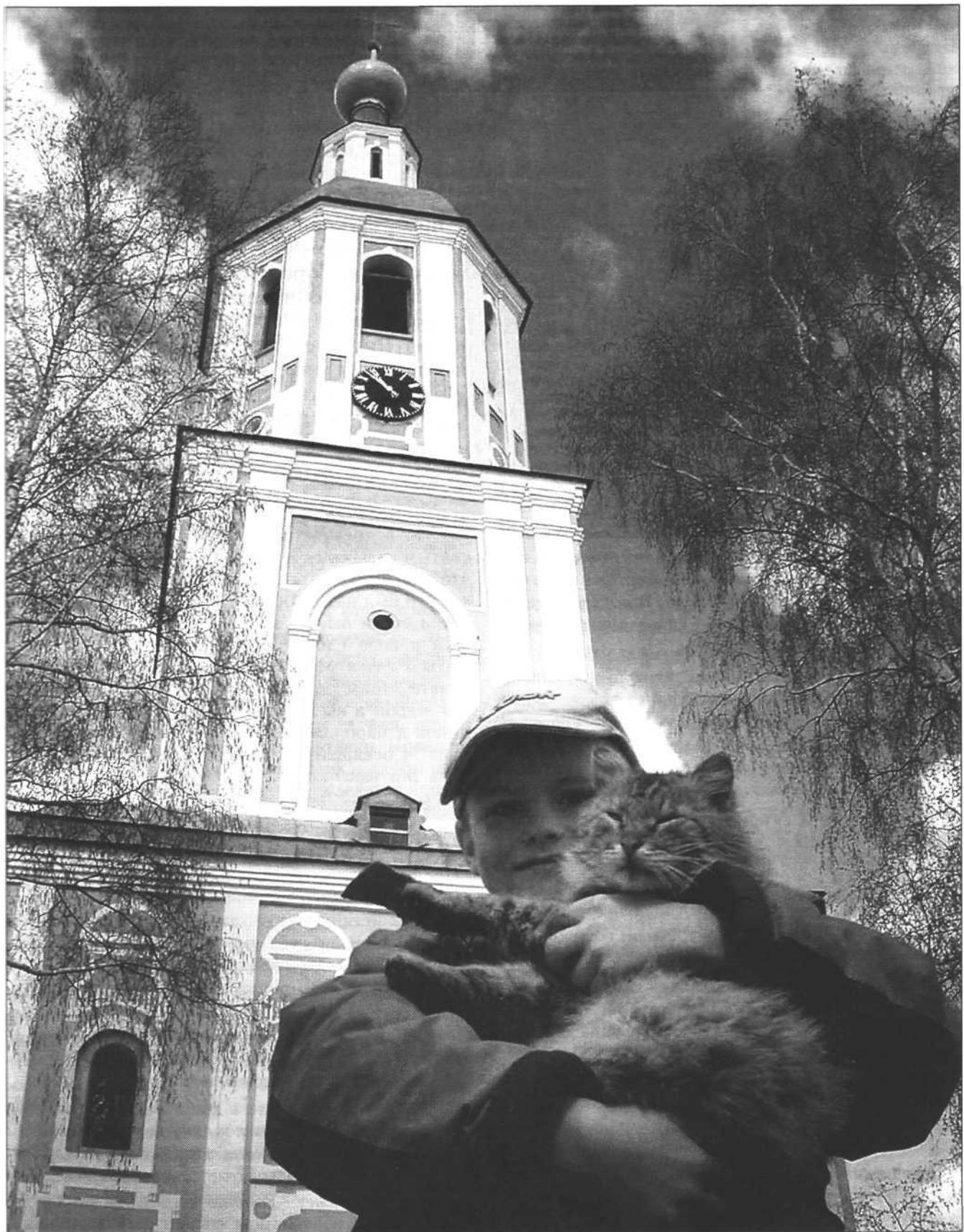
**Алексей Жигунов,
3 курс МЖ**

Мне очень хотелось бы побольше задержаться в самом Сарове. Дело в том, что мне пришлось довольно долго жить в тихом польском городе Krakow. И хотя после переезда в Москву прошло уже больше двенадцати лет, я понимаю, что большой город не для меня. Я не люблю суету, не люблю, когда твои ближайшие соседи проходят мимо тебя - и не здороваются, потому что вы просто-напросто не знакомы. Наверно, близкое человеческое общение - это все же прерогатива маленьких городов. И именно поэтому мне очень понравилось в Сарове.

**Аlya Митрофанова,
5 курс МЖ,
участник поездки
и автор текста**

Использованы фото
Ростислава Вылегжанина,
Ольги Волковой,
Сергея Коняшина

СВЯТЫЕ - КТО ОНИ?

Откуда берутся святые? Как они помогают людям? Действительно ли это возможно, и зачем нам нужны такие Божьи "проводники", – обо всем этом я расспрашиваю священника Константина ПАРХОМЕНКО, клирика Санкт-Петербургской епархии, автора нескольких книг, выходящих сейчас в издательстве "Олма-пресс" и "Издательский дом "Нева".

- Отец Константин, давайте поговорим о том, кого вообще православная церковь именует святыми. Например, протестанты считают святыми всех, кто стал учеником Христа. В подтверждение этому приводят слова из Евангелия, например: "... а теперь вы святы", и т.д.

- В русском языке слово "святой" (по-славянски "святый") можно расшифровать как свыше-ятый, то есть взятый свыше, с неба. Греческое "агиос" переводится как неземной, древнееврейское "кодеш" можно перевести как отделенный, отрезанный, иной.

Собственно, Святым всегда называли лишь Бога. Древний пророк, восхищенный на небо, видит на небесах Престол Божий, вокруг летают Ангелы и взывают: "Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф..." Человек или какой-то религиозный предмет могут быть святыми, лишь если святость им сообщит Бог, если Бог приобщит к Своей Святости.

Итак, святой - значит Божий. Это тот, в ком действует, производит Свою работу Бог. В высшем смысле это тот, в ком, как говорят Священное Писание и Предание, "изобразился" Бог.

В последнем смысле и понимают сегодня это слово православные. Едва ли вы найдете православного человека, который скажет, что он - святой. Это, по крайней мере, нескромно. Напротив, чем праведнее человек, тем очевидней для него, что его от Бога, от Божьей чистоты, праведности, святости отделяет огромная дистанция.

Но в древности, например в Ветхом Завете, святым назывался израильский народ. Не потому, что иудеи были праведными и чистыми, а потому, что это был народ Божий. Как сказал народу Бог, когда евреи вышли из египетского плена и подошли к горе Синай: "итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников и народом святым". И чуть позже повеление: "...освящайтесь и будьте святы, ибо Я (Господь Бог ваш) свят".

Вот то, что Израиль был народом Божиим, как бы отделенным, отрезанным от числа иных народов, позволяло ему называться Святым народом.

Позже такое именование усвоили себе и христиане. Они, как преемники Ветхого Израиля, более того, как истинные почитатели Бога, узнавшие Его Сына, называли себя народом святым, святыми. Святыми называет своих учеников и ап. Павел в своих посланиях.

И когда в Символе Веры мы называем Церковь Святой, это означает не то, что Церковь состоит из святых людей, но что это Церковь Божия. Святость Церкви и ее членам дает Бог.

- **Отец Константин, а какое значение на небе может иметь причисление к лицу святых на земле? Неужели тут, на земле, можно решить что-то на-верняка и не ошибиться?**

- Конечно нет. Именно для того чтобы "не ошибиться", Церковь и не спешит канонизировать,

то есть официально прославлять в лице святых каких-то подвижников.

Церковная канонизация есть лишь подтверждение того, что давно свершилось на небесах.

Для канонизации человека необходимо, чтобы он... уже умер. Только проследив за его жизнью, за его подвигом до самой смерти и увидев, как он умирал, можно понять - действительно ли этот человек был праведником.

А после смерти необходимо, чтобы святость этого подвижника была подтверждена... Богом. Как это возможно? Это чудеса, исходящие от могилы или останков святого, или происходящие в ответ на молитву к нему.

Мало народного почитания. Нужно, чтобы целим рядом чудес был подтвержден факт - святой рядом с Господом, он молится о нас!

После смерти преподобного Серафима таких сообщений было очень много. То же самое можно сказать о жизни св. праведного Иоанна Кронштадского, блаженной Ксении Петербургской и других святых.

Я знаю множество людей, которые рассказывали об удивительных чудесах в их жизни, совершившихся по молитвам к св. Иоанну Кронштадскому, блаженной Ксении, преподобному Серафиму Вырицкому, блаженной старице Матроне и другим святым задолго до официальной их канонизации.

В Семинарии наша преподавательница Татьяна Марковна Ковалева рассказывала такой случай из своего детства. Ее мама во время блокады очень почитала блаженную Ксению. Был страшный голод, маме поручили забирать карточки за весь дом, и как-то раз она потеряла все эти карточки. Представляете! Потерять карточки всего дома - да это саботаж по тем временам, расстрел! Что делать? Она оставила дочку и побежала на Смоленское кладбище - помолиться блаженной Ксении. Татьяне Марковне было тогда 10 лет. Сидит она дома - и вдруг стучат. Кто там? - Открой, деточка. На пороге женщина в вязаной кофте и зеленой юбке, без верхней одежды, хоть и мороз на улице. "Это не вы потеряли?", - и отдает Тане карточки... Да и сколько еще таких случаев было в годы войны! А к лицу святых блаженная Ксения причислена лишь в 1988 году.

Возникает вопрос: зачем, в таком случае, нужна церковная канонизация? Она нужна не святому, но нам! Это как подтверждение, что путь жизни святого есть путь настоящего сына православной Церкви, это верный путь!

Святых канонизируют не для того, чтобы что-то прибавить в их небесном статусе, это не некая церковная награда, от Бога они получили уже все. Святых канонизируют как пример для других христиан.

- Часто можно услышать: зачем молиться Богу через посредников, через святых? Неужели милосердный Господь и так меня не услышит? И действительно, с трудом можно представить, как "строгого" Бога уговаривает, умоляет какой-то особо приближенный к Нему святой, и Господь меняет Свое решение по этим молитвам.

- Лучшим ответом на этот вопрос будет мнение Самого Господа, которое мы находим в Священном Писании.

Вот Ветхий Завет. История про страдальца Иова. Все, что с ним приключилось, было проверкой его душевной крепости и доверия Богу. Но к Иову приходят друзья и обвиняют его в безнравственности, навлекшей на него скорби. И тогда Господь гневается на друзей. Их слова лживы и притворны. Эти люди своим умом пытаются измерить замыслы Божии, пытаются просчитать действия Божии. Господь, прекрасно знающий чистоту жизни Иова, гневно говорит одному из товарищей, Елифазу: "Горит гнев Мой на тебя и на двух друзей твоих за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов". И далее Господь повелевает друзьям покаяться, принести жертву и... просить молитв Иова: "И раб мой Иов помолится за вас, ибо только лицо его Я приму, дабы не отторгнуть вас" (Иов 42, 8).

Здесь Сам Господь повелевает просить молитв праведника.

В 20-й главе книги Бытия Господь увещевает Авимелеха, царя Герарского, просить молитв Авраама: "...ибо он пророк и помолится о тебе и ты будешь жив..." (Быт. 20, 7).

О молитве праведников недвусмысленно говорит и псалмопевец Давид: "Очи Господни обращены на праведников, и уши Его - к воплю их" (Пс. 33, 16). А в книге пророка Иеремии мы читаем такое горькое свидетельство: "И сказал мне Господь: хотя бы предстали перед лицом Мое Моисей и Самуил, душа Моя не приклонится к народу сему; отгони их (нечестивых иудеев) от лица Моего" (Иер. 15, 1).

Да и разве есть какое сомнение, что Бог слушает Своих праведников, если Он Сам утверждает: "Я прославлю прославляющих Меня" (1 Цар. 2, 30)?..

В Новом Завете тоже есть немало указаний на силу молитвы праведников. Апостол Петр: "Очи Господни обращены к праведным и уши Его к молитве их" (1 Петр. 3, 12). Апостол Иаков: "Много может усиленная молитва праведного" (5, 16). И далее - примеры: "Илия был человек, подобный нам (т.е. такой же обычный человек, как и мы), и молитвою помолился, чтобы не было дождя: и не было дождя на землю три года и шесть месяцев. И

опять помолился: и небо дало дождь, и земля прорастила плод свой" (Иак. 5, 17-18). Для ап. Иакова совершенно очевидно, несомненно, что праведность жизни, скажем - святость жизни, позволяет человеку совершать чудеса.

Может ли Бог отменить приговор над людьми, народом по молитвам святых? Многие факты священного Писания и Предания свидетельствуют об этом. Помните, Авраам умолял Господа, явившегося в виде трех странников, пощадить Содом и Гоморру.

Почему так? У святых отцов находим такую мысль: Христос обещает, что Его последователям будет сообщена божественная благодать: "Отче, славу, которую Ты дал Мне, Я дам им" (Ин. 17, 22). Если человек трудится вместе с Богом, чтобы преобразить мир, очистить от греха, привести к Богу, можно сказать, что человек становится другом Божиим, сотрудником. Разве можно предположить, что Господь глух к человеку, который всю жизнь отдал Ему, посвятил себя Господу?.. Такой человек имеет право просить за других, причем просить настойчиво, не как раб или неверный, постоянно предающий хозяина слуга, но как сын.

Мы верим, что смерти, как исчезновения души, нет; что после физической смерти душа человека продолжает жить еще более активной в духовном отношении жизнью. А значит, что мешает и после отшествия из сего мира, по переселении на небеса, помогать почившему праведнику людям?

В книге Откровение Иоанна Богослова мы читаем о замечательном видении тайногозрителя: "Двадцать четыре старца пали перед Агнцем [то есть Христом], имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых" (Апок. 5, 8), и, чуть позже: "И вознесся дым кадильный с молитвами святых от руки Ангела пред Богом" (Апок. 8, 3-4).

- Странным и несколько языческим кажется, на первый взгляд, обычай православной церкви молиться в каких-то особых случаях особым святым. Понятно, например, почему в семейных неурядицах прибегаешь к помощи св. Ксении Блаженной. Но почему, например, при болящей голове - к Иоанну Предтече?

- В этом, несомненно, бывают перегибы. Мы можем сказать, что некоторые святые, еще при земной своей жизни помогали людям в определенных ситуациях. Это святые целители, например, великомученик Пантелеимон, бессребреники Косьма и Дамиан, мученицы Зинаида и Филонилла и др. По преставлении от земной жизни к небесной эти подвижники будут помогать больным людям. Им от Бога был дан дар, он не отнимается и по смерти. Так считает Церковь, и в древнем чинопоследова-

нии Таинства Соборования (иначе Елеосвящения, Таинства церковного исцеления) стоят имена этих святых врачей.

Есть и иные святые, которые помогают в определенных нуждах. Воин - воину, миссионер-мореплаватель - моряку, путешественнику и др.

Но есть примеры надуманные, которые никакой здравой логике не отвечают. Считается, что Иоанн Креститель, которому отрубили голову, помогает от головной боли. Другой святой помогает от гусениц, мышей, колорадских жуков и иных гадов полей и огородов... В некоторых благочестивых брошюрах приводятся длинные списки таких узко-специальных небесных помощников. Но ни православной вере, ни опыту Церкви это не отвечает, это благочестивая самодеятельность.

Хотя, знаете, лет десять назад со мной произошел такой интересный случай. Тогда я был начинающим семинаристом, где-то усердным, в чем-то наивным. Я ехал в поезде вместе с человеком, у которого страшно болели зубы. У него было какое-то нагноение в десне, все опухло, он не спал несколько ночей. А ехал он на операцию. Вот он сидит с перевязанной щекой, раскачиваясь, и что-то мычит. Мне его так жалко стало! Я говорю: "Может, вам водички принести?" Он кивает. Пощел я к титану воды набрать, а потом вспомнил, что при зубной боли молятся св. Антипе. И помолился ему. К стыду своему скажу, что даже не особо верил в эту затею, просто очень жалко было человека, и я помолился со всей силой этой жалости. Перекрестил воду, дал ему попить... А потом - ну просто чудо произошло. Минут через пять он говорит: "Странно. Я совсем не чувствую боли". А потом лег и спокойно уснул. На следующий день опухоль спала. Не знаю, что с ним было дальше, он утром сошел... Вот так.

- У каждого человека есть несколько любимых святых. К ним чаще обращаешься в молитве, им ставишь свечи. Но в храме много других икон, разных святых - еще больше. Не "обижаем" ли мы своим невниманием других? Существует мнение, что все святые вместе с Богородицей составляют на небе как бы единое тело, которое воспевает Бога и молится Ему. Какой смысл подходить именно к "своим" иконкам? Какой смысл, вообще, кроме собственной привычки, несет обычай прикладываться к иконам и зажигать перед ними свечу? Часто можно услышать: "Вот, сходила в церковь перед экзаменом, поставила свечку, и хорошо сдала".

- Начну с последнего. В отношении к Богу не должно быть никакого магизма. Не поставила этому святому свечу, не сделала поклона, не поцеловала икону - накажет, перестанет помогать. Подобное отношение недостойно христианина.

Мы должны понимать, что прежде всего Богу нужно наше горячее желание быть подлинными христианами. Господь знает наши жизненные обстоятельства, кто какую имеет нагрузку, кто какую имеет возможность молиться и прочее. Поэтому мы должны искренне не лениться посещать богослужения, стараться молиться, учиться этому... Но если не смогли, опоздали по не зависящей от нас причине, Господь никогда не прогневается.

Однако в нас все-таки очень живуче магическое отношение к Церкви. Если студенту раз помогла свечка, он будет думать, что стоит не поставить свечку, сразу завалит экзамен.

Расскажу один случай. У нас в храме Духовной Семинарии накануне каждого экзамена, для желающих служится молебен перед чудотворной иконой Божией Матери. Так мы просим Богородицу помочь нам успешно экзаменоваться. Один мой знакомый семинарист, мой однокурсник, както понял, что он стал внутренне зависеть от этих молебнов. Он боялся, что если пропустит такой молебен - сдаст плохо. И тогда он на какое-то время перестал ходить на молебен. Молился в своей комнате, просил о помощи, но на молебен не ходил. Через какое-то время, когда он понял, что внутренне освободился от страхов, опять сталходить на молебен.

Но мы отвлеклись. Вопрос в том, почему мы выделяем каких-то святых?.. В этом нет ничего плохого или странного. Многие святые близки нам своим душевным складом, характером, темпераментом, церковным служением, аскетическими подвигами. Конечно, к таким святым мы испытываем особенное влечение. Нам хочется знать о них, прочитать житие, молитвенно общаться с ними.

В моей жизни было много таких драгоценных для меня открытий. Это, конечно, св. праведный отец Иоанн Кронштадский, блаженная Ксения, преподобный Серафим Саровский, преп. Сергий Радонежский. Когда я поступил в Семинарию, я испытал большую помощь духовного покровителя нашей Семинарии и Академии апостола Иоанна Богослова. На втором курсе Духовной Семинарии я взял в руки книгу о преподобном Симеоне Новом Богослове и просто "влюбился" в этого человека. То же самое могу сказать о царе и псалмопевце Давиде, мученике Иустине Философе, свв. Иоанне Златоусте, Григории Богослове, Максиме Исповеднике, Григории Паламе, блаженной Матроне, многих других.

Своим "вниманием" к одним святым, мы, конечно, не обижаем других святых. Там, где пребывают святые, не бывает мелочных обид, уязвленной гордости и проч. Но, конечно, если мы как-то особенно выделяем одних святых, не следует забы-

вать, что каждый святой Церкви - уникальная и прекрасная, созревшая для Бога личность. Следует стремиться узнать и о других святых, изучить их жизнь, взглянуться в черты их подвига.

- Что значит "сильный" святой? То есть предполагается, что есть "не очень сильные"? У меня дома есть маслице от мощей преподобного Александра Свирского. Это маслице действительно обладает сильным, явно выраженным лечебным свойством. Но не с любым маслицем замечаешь такое действие. Почему так происходит?

- Такого понятия, как "сильный" святой, в православной Церкви нет. Всякий святой, если мы искренне обращаемся к нему за помощью - помогает. То же самое можно сказать и о святом елее (масле) от мощей или лампады святого, о каких-то святых предметах.

Тут тоже могу привести из своей семинаристской юности. Вдруг у меня началась экзema. Я не знал, что делать. Она распространялась все дальше и дальше, уже целые участки кожи забирала. А у моего друга было масло с Афоном, от какой-то чудотворной иконы Богородицы. Он его просто в банке стеклянной хранил. Я ему говорю: "Слушай, дай масло". Я сходил на акафист Богородице, помолился, потом дома так особенно, "духовно" поужинал, помазал этим маслом пораженные места и лег спать. А со следующего дня у меня началось явное улучшение. Тогда это меня очень потрясло...

Но, конечно, сейчас я стараюсь редко использовать святые предметы, только в крайних случаях.

Великую благодать может принести любая крошка, капля святыни. И напротив, можно иметь дома десятки частиц мощей, елей, святую воду, а никакой духовной пользы это не принесет, если мы не будем стремиться всем сердцем, всей душою, всей крепостью своей к Богу.

После революции в ГПУ был создан специальный отдел по борьбе с религией. Возглавлял его Е. Тучков. Этот человек причинил Церкви громадное зло, он осудил на смерть сотни ныне прославленных в лице святых новомучеников. Заметьте, - встречи с людьми, хоть одна из которых была для нас великой честью, духовным откровением, на Тучкова не оказали никакого влияния. Его сердце пылало ненавистью к Богу и Церкви и было закрытым для благодати.

В общем, любая святыня может принести нам духовную пользу, если мы принимаем ее с благоговением. И никакая святыня, даже самая величайшая, не сможет растопить лед, если человек этого не хочет, ведь Бог уважает нашу свободу...

Беседовала Анна ЕРШОВА

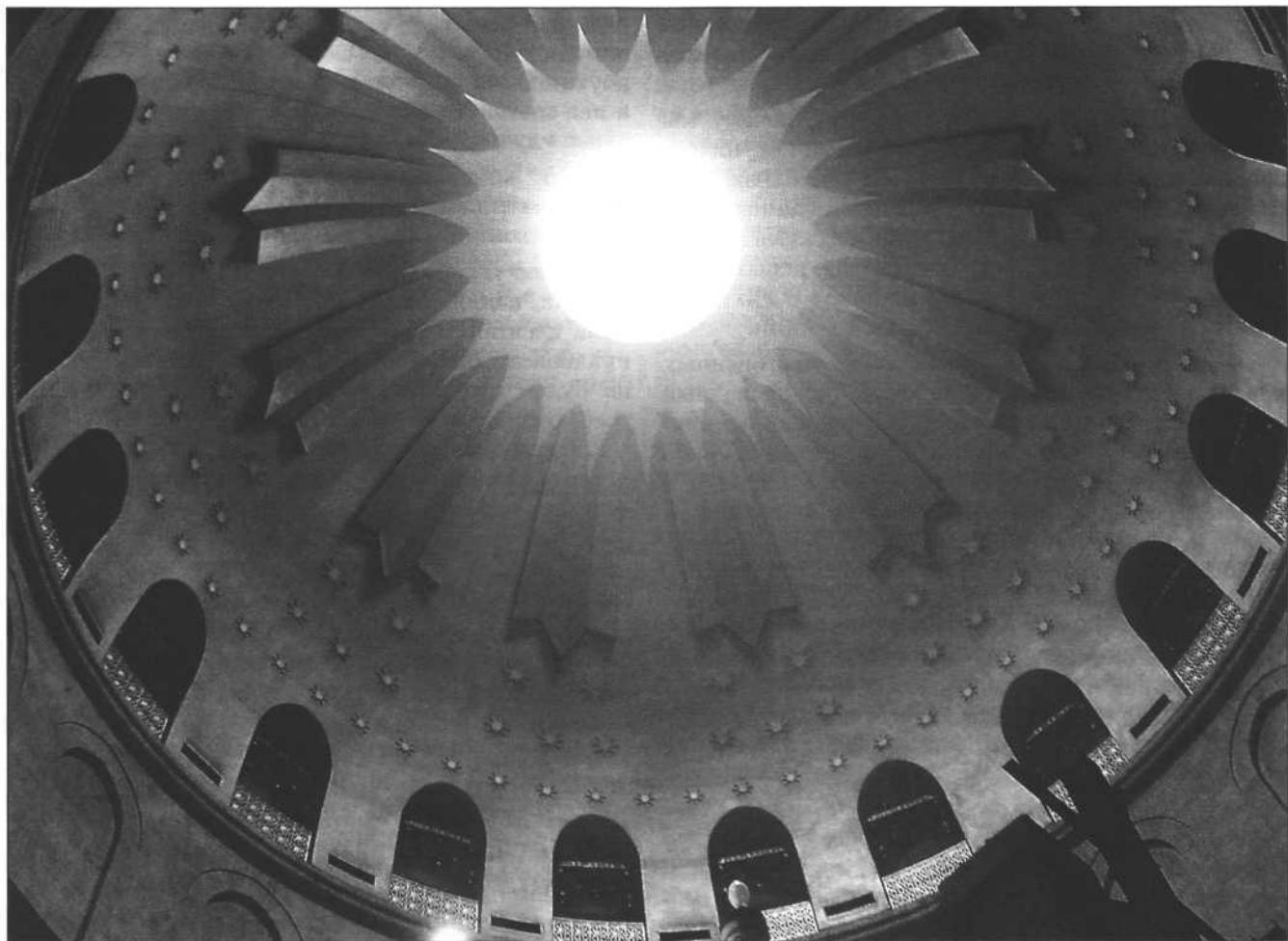

Благодатный Огонь

Свидетельство очевидца

В течение шестнадцати веков в иерусалимском храме Воскресения Христова перед каждой Пасхой происходит великое чудо. На месте, где после смерти на Кресте был погребен Иисус Христос, совершается схождение Благодатного Огня. Это событие привлекает к себе внимание всего мира: о нем снимают фильмы, пишут в газетах и даже показывают по телевизору.

Схождение Огня вызывает споры между верующими и скептиками: первые видят в этом явное чудо, вторые же просто не знают, как возможно это объяснить, ведь появление Огня не зависит от физических законов нашего мира. Человеку всегда остается право выбирать. Снова и снова люди возвращаются к этому событию, пытаясь осмыслить и понять его. Не вступая ни с кем в дискуссию, предлагаем вниманию читателей рассказ очевидца, наблюдавшего схождение Благодатного Огня на Пасху 2002 года.

Первые свидетельства о схождении Огня относятся к IV веку. С того времени Огонь исходит ежегодно в Великую Субботу по молитве православного патриарха. Литания (церковная церемония) Святого Огня начинается приблизительно за сутки до начала Православной Пасхи, которая празднуется в иной день, чем у других христиан. Около 10 000 человек разных конфессий и вероисповеданий собираются в ожидании сошествия Огня. Церемония происходит под строгим контролем еврейской полиции.

В храме гасят все свечи и лампады. На середине ложа Живоносного Гроба ставится лампада, наполненная маслом, но без огня. По всему ложу раскладываются кусочки ваты, а по краям - прокладывается лента.

После строжайшего осмотра еврейской полиции, Кувуклия (часовня над Гробом Господним) закрывается и опечатывается. Православный Патриарх входит в Кувуклию в одном полотняном подряснике, при этом видно, что он не проносит с собой в пещеру чего-либо, способного зажечь огонь.

Первое время после появления Огонь не жжет ни кожи, ни волос, хотя свеча от свечи загорается быстро. Через 10-15 минут после схождения Благодатный Огонь начинает жечь, как обычное пламя.

Чем больше проходит времени с того момента, когда я узнал, что поеду в Иерусалим за Благодатным Огнем, тем больше усиливается ощущение нереальности всего виденного и пережитого. Мысль, что это происходит не со мной, появилась почти одновременно со словами архимандрита Георгия, эконома Свято-Троицкой Сергиевой Лавры:

- А я ведь вас записал в паломническую поездку на Святую Землю, в Иерусалим.

Архимандрит Георгий, замечательной крепости духа и мощнейшей энергии человек, приложил поистине титанические усилия для того, чтобы Благодатный Огонь уже второй год подряд попал в Россию. Да не просто попал, а прибыл к пасхальной службе Святейшего Патриарха в храме Христа Спасителя, буквально через несколько часов после того, как сойдет на Гроб Господень.

Вылетали мы в Великую Пятницу из Внукова, утром, но не рано - около одиннадцати часов. С собой взяли самое необходимое, зная, что летим всего на сутки - как только Огонь сойдет, мы должны будем сразу вернуться в Русскую духовную миссию в Иерусалиме и выехать в аэропорт для вылета домой в Москву с Благодатным Огнем. Кроме главного организатора и вдохновителя нашей поездки эконома Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Георгия, в состав нашей маленькой группы вошел обладающий замечательным голосом иеродиакон Вениамин из лаврской братии; Василий Александрович Редин,

работник лавры; Игорь Владимирович Редькин - замечательный, удивительно целостный православный человек, юрист-профессионал высочайшего класса. Пятым и последним членом нашей маленькой команды был автор этих заметок.

В Храм мы попали уже после чина Погребения в Троицком соборе Русской Духовной миссии в Иерусалиме.

Выйдя из собора, в какой-то лихорадочной спешке мы буквально побежали по старому городу в сторону Храма Воскресения, вдвоем с Игорем Редькиным.

Мы бежали по ночному старому городу, было уже больше десяти вечера Великой Пятницы, которая практически закончилась. Глухие удары колокола подсказывали нам направление движения к Храму. Дул довольно прохладный ветер. Как объяснили нам "местные" жители, в Иерусалиме всегда холодно до православной Пасхи, причем ранняя или поздняя она - не имеет значения. Все равно холодно. В начале мая ночью 5-6 градусов тепла - это просто зимняя температура для Иерусалима.

Прямо у входа в Храм стоит та самая колонна, которая, по преданию, была расколота и опалена сошедшим Благодатным Огнем, когда несколько веков назад армяне не пустили процессию во главе с православным Патриархом Иерусалима к Гробу Господню. Патриарх остановился и начал молиться у входа, и тогда Огонь сошел в виде молнии, которая

ударила в каменную колонну, опалила и расколола ее. Примерно в половину одиннадцатого вечера, приложившись к колонне, мы вошли внутрь.

Прямо напротив входа находится Камень миропомазания. Именно на нем лежало Пречистое Тело Иисуса, которое готовили к погребению. Над камнем висит несколько огромных лампад, не гаснущих уже сотни лет. Какая-то женщина поливала пахучим лампадным маслом Камень, а люди стирали салфетками или чем придется с Камня масло и прятали их, чтобы забрать с собой.

Налево от Камня миропомазания - проход к Кувуклии, а направо - ступеньки ведущие на Голгофу.

Надо сказать, что внутри храм - это сплошной камень, как пол, так и стены. На потолок не обращаешь внимания, потому что он уходит куда-то вверх, а главный и единственный купол храма находится на огромной высоте над православным греческим приделом. Под самым куполом открыты окна и только оттуда попадает внутрь дневной свет. Только посмотрев вверх можно понять какое время дня на улице. Позднее, взглянув на эти окна под сводами купола, где живут голуби, мы увидели, что ночь закончилась и наступило утро Великой Субботы.

Около одиннадцати вечера начался чин погребения у греков. Доступ в Гроб Господень закрыли до завтра, до Великой Субботы, и откроют уже после сошествия Благодатного Огня. Закончился чин погребения около часа ночи - и полиция, дежурившая в храме, мгновенно активизировалась. Поначалу замысел их действий был совершенно непонятен для нас. Но, те, кто не впервые приехал на сошествие Благодатного Огня, совершенно четко ориентировались в происходящем. Казалось, что главная задача полиции - очистить храм от народа. Полицейские начали постепенно вытеснять в разные стороны паломников, поднимать с пола сидящих и лежащих (кое-кто уже успел и задремать на куске картона или в настоящем спальном мешке - были и такие). Вся Кувуклия в конечном итоге была обнесена заграждениями для прохода Патриарха, священнослужителей в его свите и приглашенных гостей. Остальные - останутся за барьерами.

Побегав немного от полиции (из храма, к счастью, нас не вытеснили), мы зашли в греческий при-

дел - он был полон народу. Еще около часа мы провели на ступеньке у патриаршего трона, где за несколько часов до этого патриарх благословлял народ и духовенство. Рядом с нами сидя подремывал какой-то батюшка-паломник и несколько женщин. Здесь было спокойно, но было слышно, как где-то полиция продолжает перемещать народ, и раздавались скрежещущие звуки металла по камню. Думаю, что мы бы так и досидели до самого утра, но чувство страха, что после наведения порядка в других приделах примутся и за наш, не дало нам спокойно усидеть на месте. Мы двинулись к католическому приделу справа от Кувуклии. К четырем утра там собралось большое количество паломников, оставшихся ночевать в храме. Входные двери храма были примерно с двух часов ночи закрыты.

Пытаясь занять место поближе к Кувуклии, мы с Игорем протиснулись почти к самому барьера. Народ стоял плотно, тесно прижавшись друг к другу. Никакой речи о том, чтобы выйти или присесть, уже не было. Уже с половины седьмого утра мы стояли по стойке смирно в толпе почти у барьера с правой стороны от Гроба Господня. Нам было сложно стоять и дышать, о времени совсем думать не хотелось. До сошествия Огня оставалось примерно семь часов.

После двенадцати время поползло настолько медленно, что стало ощущаться его неспешное проворачивание, как старого мельничного жернова. Последние полчаса, которые прошли с момента прихода последнего гостя у армян до появления православного Патриарха Иерусалима, мне показались, по меньшей мере, сутками. После четырнадцати часов ожидания - время исчезло, никаких ощущений не осталось, и только одна мысль билась в голове - скорее!

Наконец снова послышались удары турецких палиц о камень и появился Патриарх Ириней. У него было удивительно спокойное и радостное лицо. Он улыбался и спокойно шел, будто не замечая напряженно стиснувшегося со всех сторон народа, как будто не было барьера и "турков" с палицами, прокладывающих ему путь. Патриарх удался в алтарь переоблачаться перед сошествием Благодатного Огня.

Начался обход патриаршего "крестного хода" вокруг Кувуклии. Время прекратило ползти, а стало останавливаться. На третьем круге оно остановилось

окончательно. Казалось, что исчезнувшие с правой стороны от Гроба хоругви не появятся уже никогда. Исчезло пространство и время, я не чувствовал ни ног, ни рук, которые уже много часов оттягивала сумка со свечами, весь превратившись в один большой глаз, смотрящий на угол Кувуклии, откуда должны появиться хоругви. Они появились и застыли между входом и православным приделом.

Патриарх вошел в придел Ангела.

Я стоял абсолютно с пустой головой. Только вдруг мелькнула мысль или кто-то рядом выдохнул: "Господи, хоть бы сошел, а то..."

И вдруг удар! Так бывает, когда прилетаешь на юг, выходишь из холодного кондиционированного воздуха самолета на трап и тебя внезапно обдает жаром южного зноя. Фонтаном брызнули слезы из глаз. Одновременно я увидел отблеск огня у входа в Кувуклию, откуда появился Патриарх и услышал многотысячный выдох-крик толпы, приветствующей чудо Господне. И вот уже первый человек побежал к выходу с факелом из спаянных тридцати трех свечей по количеству земных лет Спасителя.

Мы невольно двинулись к Гробу, стараясь перехватить кого-нибудь, чтобы зажечь наши свечи. Лишь с четвертой или пятой попытки нам это удалось - какой-то юноша трясущимися руками держал пылающий пучок свечей, а наши свечи из десятка протянутых к нему зажглись.

Выходя на площадь перед храмом, заполненную народом, мы обернулись - от Гроба Господня текла огненная река. Чудо свершилось, отрицать это невозможно. Огонь сошел, значит, жизнь продолжается!

Улицы старого города были полностью забиты народом. Пробираясь через плотную толпу к зданию русской миссии, мы всюду видели людей с горящими свечами в руках, казалось, что горит весь Иерусалим. Говорят, что даже у арабов это называется "праздник огня".

Огонь сошел, Господь проявил видимым образом Свою силу, закончился покой Великой Субботы - и сразу почувствовалось приближение Воскресения Христова - Пасхи.

* * *

В Москве мы приземлились в половине десятого вечера. Огонь был в трех специальных негасимых фонариках, его встречала и лаврская братия, которая увезла свою частичку Огня из аэропорта в Лавру Преподобного Сергия на пасхальную службу.

Прямо у входа в Храм стоит та самая колонна, которая, по преданию, была расколота и опалена сошедшим Благодатным

Огнем, когда несколько веков назад процессию во главе с православным Патриархом Иерусалима не пустили к Гробу Господню. Патриарх остановился и начал молиться у входа, и тогда огонь сошел в виде молнии, которая ударила в каменную колонну, опалила и расколола ее.

Благодатный Огонь уже ждали к началу пасхальной службы и в храме Христа Спасителя.

Мы стояли с Игорем в храме, среди уже наших родных российских людей. Все ждали начала. Царские врата отворились, и к народу вышел Святейший Патриарх Алексий. Чуть позади шел наш отец Георгий с синей лампадой, в которой горел доставленный в сердце России Благодатный Огонь.

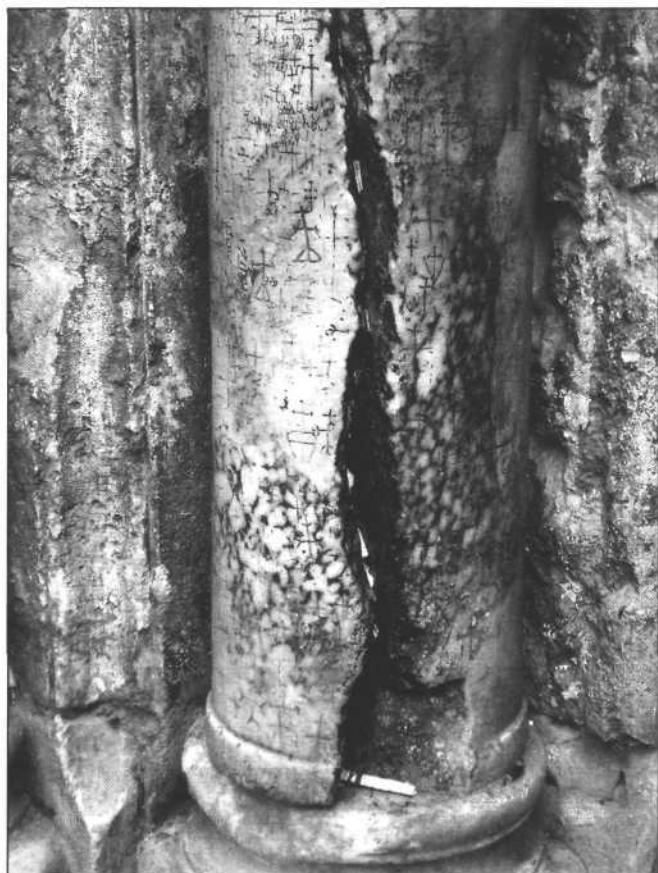
"Дорогие братья и сестры! Стало уже традицией начинать пасхальную службу с зажжения свечей от Благодатного Огня, который сошел сегодня на Гроб Господень в Иерусалиме", - сказал Патриарх и зажег огромный пучок из тридцати трех свечей от лампады с Благодатным Огнем у архимандрита Георгия. А от патриаршего факела через несколько мгновений заполыхали частички Огня у всех стоявших в храме.

И только мы с Игорем стояли без свечей, потому что не подготовились и не знали, как это будет потом, после сошествия Благодатного Огня, а просто молились, что он сошел, и Пасха Христова была близка, как никогда.

Так уже было, есть и будет "до скончания века"!

Игорь МЕЩАН

Фото Кирилла Мещана, 2003 г.

Александр Дворкин

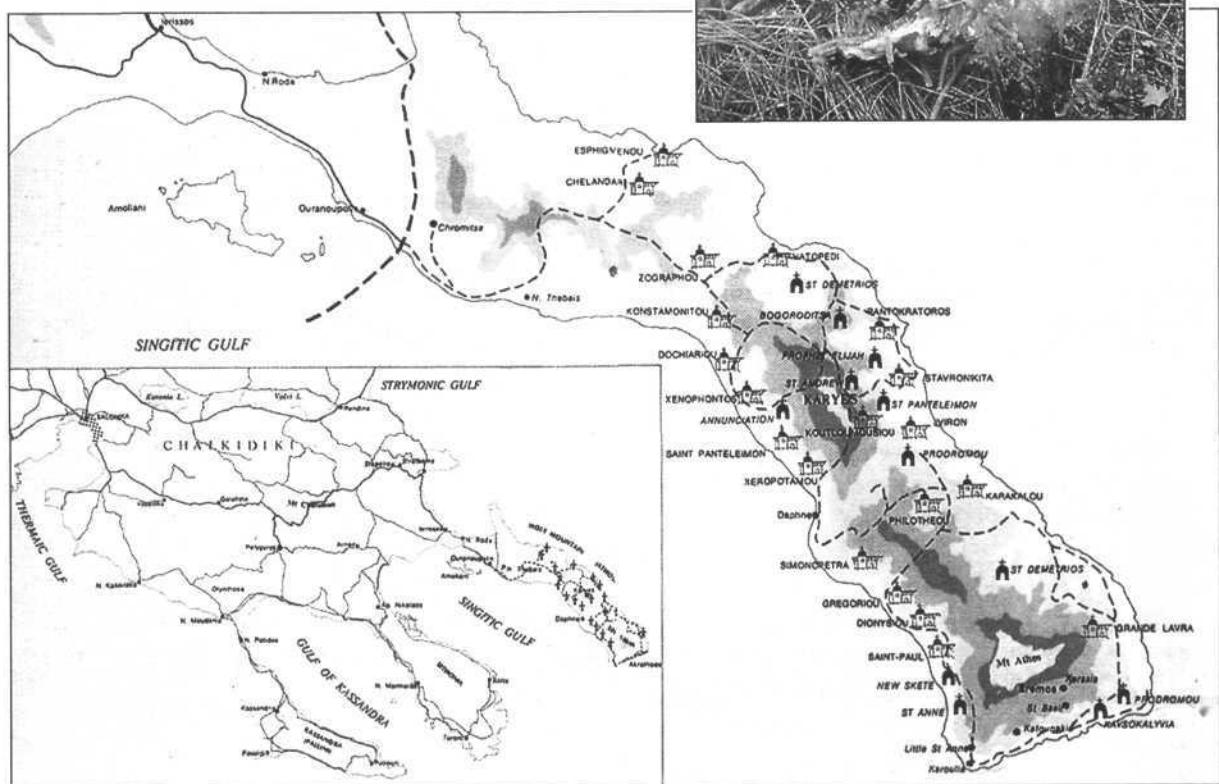
ВКУС ХЛЕБА С АЙВОЙ

Очерки об Афоне

Дворкин Александр Леонидович

Крещен в возрасте 24-х лет в храме Христа Спасителя в Нью-Йорке (Православная Церковь в Америке), в 1980 г. Образование: высшее гуманитарное, высшее богословское. Кандидат богословия (*Master of Divinity*); Доктор философии (*PhD*) по средневековой истории. С 1992 г. живет в Москве. Имеет более 350 публикаций на 15 языках. Заведующий Информационно-консультативным центром священномученика Ириная епископа Лионского. Заведующий кафедрой сектоведения Православного Свято-Тихоновского богословского института, профессор.

Зав. издательской группой Православного информационно-просветительского журнала "Прозрение". Вице-президент Международного Диалог-центра. Женат, имеет дочь.

От редакции: Полуостров Айон-Орос в Греции на южном конце своем обрывается в Эгейское море островерхой горой - Афоном. Здесь, по всему полуострову, расположено двадцать православных монастырей, множество скитов и монашеских келий. Говорят, порой они лепятся к скалам подобно гнездам ласточек, а горная тропа вьется бесконечно вверх, будто желая увести к самому небу.

История афонского монашества насчитывает более полутора тысяч лет. Древние предания утверждают, что первые монахи пришли сюда еще в IV веке, во времена римского императора Константина Великого. Сегодня на Афоне живут монахи разных национальностей, больше всего, конечно, греков.

Более тысячи лет на афонскую землю не ступала нога женщины (по афонскому уставу монахам не разрешается даже держать животных женского пола).

Единственная Женщина, пребывающая здесь и почитаемая как игумения Афона, - Богородица. Ей принадлежит духовная власть на полуострове, множество Ее икон прославились здесь. В каждом монастыре есть иконы Божией Матери, о которых сохранились удивительные предания.

Афон называют источником православной духовности современного мира. Здесь была сохранена древняя практика сердечной молитвы и "умного делания", известная на православном Востоке как молчальничество, или исихазм.

Одни говорят, что жизнь на Афоне непомерно тяжела, другие - что легка как нигде более... А еще говорят, что это именно там небо становится ближе.

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Есть в Иерусалиме туннель, который сохранился до наших дней со времен пророка Исаии. Свидетельство о нем можно найти в двадцатой главе 4-й Книги Царств. Во время осады города ассирийцами по этому туннелю в Иерусалим поступала вода. Собственных источников водоснабжения в городе не было, и царь Езекия заслонил временно распорядился прорубить в скале туннель - чтобы обеспечить город водой на время осады. Теперь по этому туннелю можно спокойно пройти: вода сочится только по дну, снимаешь ботинки, зажигаешь свечку (или фонарик) и шлепаешь босиком весь путь от начала до конца (всего метров восемьсот) - через всю скальную породу.

Этот туннель остался неизменным на протяжении тысячелетий. На стенах видны следы работ подданных царя Иезекии; можно понять, как и чем они рубили - где киркой, где мотыгой. Можно вложить руку в эти следы от ударов и почувствовать связь с человеком, который когда-то оставил эту вмятину, то есть материальную связь с современником пророка Исаии. Своего рода машина времени...

...Странное и удивительное чувство - ощущение восстановленной преемственности поколений. Видеть, держать в руках, рассматривать вещи, которые были оставлены в этом месте кем-то, почти в доисторические времена. На Афоне мне довелось почувствовать то, что, может быть, чувствовали археологи в Помпеях: известно, что когда город раскопали, все там было засыпано вулканической пылью и пеплом, поэтому сохранилось в том виде, как было в день катастрофы. Это сравнение приходит на ум, когда я вспоминаю об афонском монастыре св. Пантелеймона, где я будто бы попал в дореволюционный мир. Мир, в котором ничего не менялось, мир, который был консервирован во времени. Будто бы мне с помощью машины времени удалось прикоснуться к тому, чего уже нигде не оставалось в едином ансамбле. Старые портреты, старые интерьеры, старые книги... Более того, я даже пил там дореволюционный чай. То есть чай, который был привезен в монастырь еще до революции. К моему времени он уже кончался и монахи довольно редко его использовали - угощали только особых гостей, остатками как еще полвека назад казалось, неисчерпаемых запасов. Я бережно раскрывал старые упаковки чая, запечатанного когда-то и кем-то, давным-давно... Упаковки, которые были куплены на пожертвования каких-то благочестивых людей, чьи имена навсегда скрыты от меня. И вот мне выпало раскрывать эти

упаковки теперь, заваривать их чай, пить его и поминать неизвестных благотворителей... Эти люди когда-то жертвовали на монастырь, помогали деньгами, присылали посылки... В итоге их жертва дошла до меня уже в конце XX века.

РУССКИЙ МОНАСТЫРЬ

Пантелеймоновский монастырь был тогда, во время моего первого приезда на Афон (летом 1981 года), в страшном запустении. Как брошенный, опустошенный город. В начале века там жили около трех тысяч монахов. Но после революции пополнения почти не было, разве что только из числа эмигрантов. Правда, в начале семидесятых годов на Афон впервые отпустили небольшую группу монахов из Советского Союза, а незадолго до моего первого приезда туда прибыла вторая группа. Выпускать из СССР их не хотели, потому что монахи, которые селились на Афоне, получали греческое гражданство, а это фактически означало эмиграцию. С другой стороны, и греческие власти с большой подозрительностью относились к выходцам из Советского Союза. В итоге в огромном монастыре жили в то время лишь около двадцати монахов, половина из которых были очень старенькими. Поэтому поддерживать порядок на всей огромной территории, во всех зданиях, было невозможно. Несколько громадных корпусов стояли выгоревшими после страшных пожаров и смотрели на мир покерневшими пустыми проемами окон.

Немногочисленных гостей монастыря селили в гостинице, которая тогда была в ужасном состоянии - вроде нью-йоркских трущоб. Теперь уже отремонтирована, сияет кафелем и побелкой и до краев заселена паломниками. Здание гостиницы расположено за пределами монастыря. Но поскольку я был, во-первых, русский, а во-вторых, студент духовной академии, то меня пустили в сам монастырь, и жил я в монашеской келии.

Помещений было, как мне показалось, многочесленных, как мне показалось, многочесленных даже для трех тысяч человек, корпуса, корпуса, корпуса... А сколько там было гостевых комнат и апартаментов для самых почетных паломников! По коридорам можно было бродить бесконечно: заходить, например, в гостиную, где принимали генералов, в специальные великолукские апартаменты, архиерейскую приемную... Ничего с тех пор не изменилось: те же портреты висели на стенах, те же бумаги лежали разложенными на столе; можно было просто доставать, листать, смотреть какие-то записи, дотрагиваться до вещей, которые оставались в

неприкосновенности с тех пор... В монастырской библиотеке я мог листать рукописные книги X, XI века, написанные на пергаменте, с иллюстрациями, - то, что хранится в музеях под пулленпробиваемым стеклом. Мне довелось прочесть рукопись воспоминаний будущего архиепископа Брюссельского Василия (Кривошеина), который в период между двумя войнами был насельником монастыря и исполнял послушание библиотекаря. Эти тетрадки, исписанные четким и ясным почерком выдающегося богослова современности и будущего архиерея я читал день или полтора напролет, оторваться было невозможно. Конечно, сейчас этот труд уже издан, и найти его и прочесть может каждый. Но то была первая - самая непосредственная, по свежей памяти, редакция книги - рукопись афонского монаха.

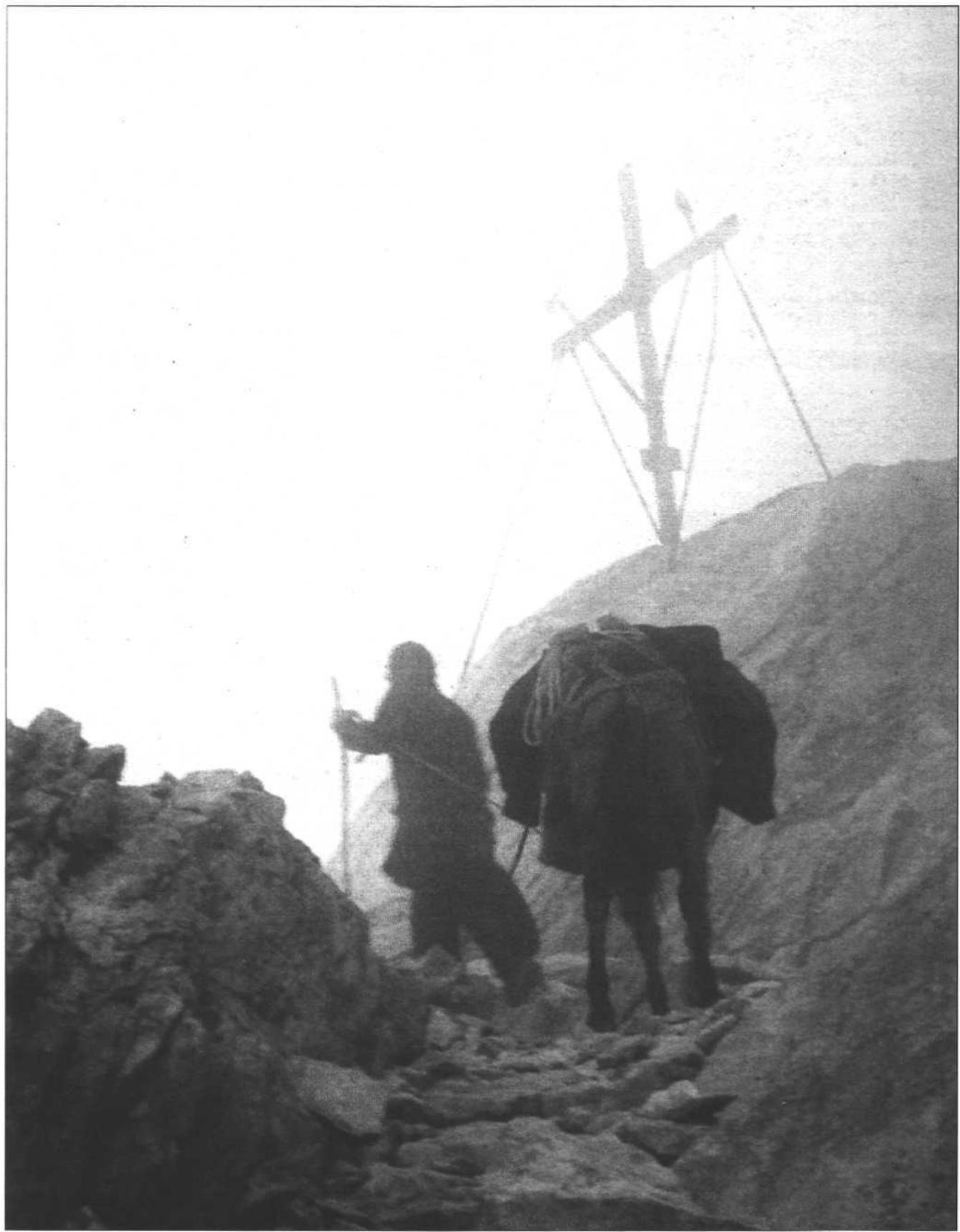
АФОНСКАЯ ЧИСТОТА

Вообще Афон - удивительное место. Отчасти потому, что когда представляешь себе сообщество, где нет ни одной женщины, где одни мужчины, то вырисовывается образ, ну скажем, квартиры холостяка: с пригоревшей яичницей на сковородке, разбросанной одеждой, где все кругом перевернуто и паутина по углам. Но на Афоне совершенно не так. Это идеальный порядок, идеальная чистота. Это какое-то особое, удивительное, сердечное отношение друг к другу. Конечно, как и все места на нашей пораженной грехом земле, Афон далек от идеала. Но, по-моему, это такое место, где все как-то ближе к идеалу. Ощущение намоленности этой почвы не покидает ни на минуту - стоишь ли ты в византийском храме, нимало не изменившемся со времен строительства, поднимаешься ли в горы мимо жилища отшельника, сидишь ли в библиотеке десятивекового монастыря...

ВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ...

Вся внутренняя афонская жизнь - жизнь совершенно особенная, по сути своей, такая же, как во времена Византии - без электричества, без машин... Так было еще в 80-е гг., сейчас, к сожалению, многое изменилось...

Подсчет времени - тоже византийский. Полночь - это закат, и все остальное время отсчитывается от заката. И каждый месяц часы подводятся, потому что каждый месяц закаты в разное время. При этом в разных монастырях время отличается, потому что одни находятся ближе к морю, другие - высоко в горах. Вообще же время на Афоне будто бы неподвижно.

ЛЕПТА РОССИИ

Удивительно, как много русского было вложено в Афон. В любом, даже "самом греческом" монастыре, всегда находишь что-то от русской культуры: дары ли царской семьи (не обязательно последней, может быть, более ранних поколений), русские ли блюда, самовары, еще что-то... Связь с Россией постоянно ощущается. Или вдруг ты узнаешь, что монастырь горел и был отстроен на деньги, собранные в России.

ЦВЕТОК В СТАКАНЕ

Ощущение этой особости места приходит еще и оттого, что каждый человек старается исполнить желание другого, до того, как это желание будет высказано вслух. В ответ вы тоже стараетесь угадать желание другого человека, исполнить его с опережением. И такое служение ближнему доставляет удивительную, особую радость. Мне вспоминается один эпизод. Мы прибыли на Афон вместе с моим другом православным американцем Джекфри Макдональдом (то была моя вторая поездка, летом 1982 г.).

Одну ночь мы провели в монастыре Пантократор. Мы засиделись на балконе допоздна - то есть до тех пор, пока совсем стемнело, - разговаривали с насельником монастыря - греческим монахом. Потом разошлись по своим кельям, и когда мы уже ложились спать, в дверь вдруг постучали. Открываем - оказывается, тот самый монах, который с нами разговаривал. Он принес нам стакан с водой, а в стакане - огромный, закрытый еще бутон цветка. Он сказал: "Вы поставьте его на окно. Утром, когда рассветет, он раскроется, и первое, что вы увидите, когда вернетесь в келью после литургии, - это раскрывшийся цветок". С этим монах ушел.

Это было настолько удивительно, настолько не так, как во внешнем мире... На Афоне же совершенно естественно воспринималось то, что человек хотел просто порадовать гостей красотой цветка.

МОРСКАЯ ПЕХОТА

Здесь практически в неизменном виде сохранились правила богослужения средневекового византийского христианства. Храмы освещаются

только свечами и лампадами. Значительная часть службы проходит почти в полной темноте - скажем, шестопсалмие монахи читают только по памяти. Наизусть читают и многие другие части богослужения. Полунощница и утреня начинаются затемно, так как ночь - это время, когда монахи бодрствуют. Мир спит, в темноте господствуют силы тьмы, и монахи - воины Христовы, выходят на бой, защищая и охраняя всех нас.

Один американский профессор антропологии сделал весьма интересное, особенно для неправославного человека, сравнение, проведя параллель между известным ему монашеством и армейскими подразделениями. "Если французских бенедиктинцев можно сравнить с пехотой, а итальянских францисканцев, недисциплинированных и бесшабашных - с ВВС, то афонские монахи - это морская пехота, с ее жесткой дисциплиной и тяжелейшими испытаниями при подготовке. Но зато этим элитным, всегда находящимся в наилучшей форме бойцам не страшен никакой враг!"

РАСПОРЯДОК ДНЯ... И НОЧИ

В разных монастырях утреннее богослужение начинается по-разному, по нашему времени - от половины второго до половины четвертого, и продолжается, соответственно, до половины седьмого - половины девятого утра, когда заканчивается литургия. В греческих монастырях каждый монах обычно причащается три раза в неделю, поэтому за каждой литургией много причастников. После богослужения, если это не постный день, монахи расходятся выполнять послушания и около полудня собираются на завтрак. Потом обычно дневной отдых: как во многих жарких странах, сон на Афоне делится пополам - немногого ночью, немного в самое жаркое время дня. После этого опять послушание, ближе к закату - вечерня, в течение примерно часа, потом ужин. Если это постный день, то это первая и последняя трапеза. Если не постный день, то обычно на ужин часто едят то же, что и ели на завтрак, только уже холодное. После ужина - повечерие. Когда стемнеет, ворота закрываются, и дальше каждый монах рассчитывает свое время сам - ведь есть еще индивидуальное вечернее келейное правило. И даже если служба начинается в полтретьего ночи, то монахи просыпаются не меньше чем за час до этого, чтобы исполнить свою келейную утреннюю молитву.

Под праздники служат всенощную, в прямом смысле этого слова - она длится всю ночь. Самая длинная служба, на которой мне доводилось быть, продолжалась часов шестнадцать: великая

вечерня началась примерно в восемь вечера, а литургия отошла около полуночи. Но то был престольный праздник монастыря. Обычная всенощная длится часов семь-восемь.

Много раз я слышал на Афоне, что такая интенсивная молитвенная жизнь не проходит "безнаказанно" - если человек все время проводит в церкви, если он все время молится, ежедневно открывает помыслы, если он, даже не будучи хорошим, все время стремится быть таковым, он не может не начать меняться к лучшему...

ВКУС ХЛЕБА С АЙВОЙ

Еда на Афоне очень простая, постная. Сами монахи едят очень мало, по понедельникам, средам и пятницам полагается только одна трапеза в день, но для гостей устраивают дополнительную - после утреннего богослужения. На завтрак обычно подают травяной чай, хлеб, варенье. Хлеб из муки грубого помола пекут один раз в неделю или в десять дней и едят, пока не кончится, и только после этого выпекают новый. Поэтому афонский хлеб, как правило, черствоватый. Но однажды я пришел на утреннюю трапезу, где был свежевыпеченный хлеб, еще горячий. Кромс хлеба, подавали чай и айвовое варенье. Я, как обычно, намазал хлеб вареньем, откусил и совершенно замер от ощущения потрясающей интенсивности вкуса - настолько оно было неожиданное, хотя то были самые простые вещи.

Мы привыкли в нашей жизни к простым вещам, мы их не замечаем, совершенно не ощущаем их вкуса, не ощущаем радости, что они нам приносят, - нам всегда хочется чего-то более сложного, изысканно утонченного, которое быстро тоже приедается, и так без конца. Но вот тот завтрак после нескольких недель жизни на Афоне как бы заново открыл красоту самых простых вещей, и надо сказать, что более вкусного завтрака у меня никогда в жизни не было.

ЧУВАШСКАЯ ПСАЛТИРЬ

На Афоне я многое узнавал о церковной жизни в России: живя в эмиграции, я, по сути, совсем ничего не знал о церковной жизни в провинции, о жизни простых верующих. Мне очень запомнился разговор с одним молодым диаконом. Он был чуваш. В их семье все были очень верные православию. Он рассказывал о том, как в детстве они с матерью и другими его братьями и сестрами ходили в церковь. Ближайшая церковь находилась в сорока километрах от их села. Автобусов не было, шли пешком. Выходили в пятницу утром и в субботу к вечеру добирались до места.

Шли через снег, через непогоду, ночевали где-то вблизи храма и на следующее утро шли на литургию. Еще этот диакон показывал мне рукописные книжки, которые приготовила ему младшая сестра, когда узнала, что он уезжает на Афон. Там был Служебник по-чувашски, переписанный от руки, такая же рукописная Псалтырь, еще что-то... Девочка хотела переписать весь Новый Завет, но услышала от кого-то, что Новый Завет по-чувашски уже издан Библейским обществом и его легко достать за границей. Потом оказалось, что Библейское общество чувашского Нового Завета тогда пока еще не переиздавало.

Честно говоря, над этими общими тетрадками в клеенчатых обложках, над этими непонятными словами, написанными кириллицей, я прослезился. Это же настоящий подвиг веры, какие нечасто можно встретить в наши дни! Девочке было шестнадцать лет. Я представлял ее себе - чем она могла бы заниматься: куда-то ходить, как-то общаться со сверстниками, бегать на дискотеки, или вот - сидеть долгие вечера, переписывать - для того, чтобы брат смог прочесть на родном языке. Причем переписано было всё шариковой ручкой, двумя цветами - красным и синим, очень ровным красивым, хотя и детским почерком. Я помню из своего детства: стараешься написать что-нибудь покрасивее. Первые строчки выходят - загляденье! А дальше и буквы начинают получаться кривоватыми и помарки появляются, и строчки начинают приплясывать... Но в этих тетрадях все было не так: почерк был красивый и ровный от начала до конца, а помарок не было вовсе! Диакон рассказал, что после революции ничего из православной литературы по-чувашски не издавалось, поэтому дома, если служили на родном языке, пользовались либо обветшавшими дореволюционными книгами, либо переписывали.

ИСПЫТАТЕЛЬ

Другой монах рассказал мне о своем друге, диаконе из России. Он был летчик-испытатель, проверял самолет. Самолет зашел в штопор и полетел на землю. Летчик был неверующим, никогда не задумывался о Боге, и вдруг, летя штопором вниз, вспомнил, как бабушка рассказывала про святого Николая. Он успел проговорить про себя: «Святой Николай, помоги!» И вдруг самолет развернуло у самой земли, и он мягко сел на колеса. Летчик был в состоянии шока. Его вытащили из машины, он не мог ни согнуться, ни разогнуться. Через несколько дней после того, как пришел в себя, он сказал, что будет служить Богу в Церкви. Естественно, все его отговаривали,

жена отказалась за ним следовать. Он ушел в отставку и принял монашество.

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ МОНАХОМ

Однажды - в мою четвертую поездку на Афон - уже из России, в 2001 году - мой знакомый, предприниматель, довольно состоятельный человек, стал расспрашивать одного монаха греческого монастыря о его жизни. Ему все хотелось узнать, сложно ли быть монахом. На это монах (принявший православие француз из старой хорошей семьи) сказал ему, что быть монахом очень просто; сложнее всего - стать монахом, решиться на это. С тех пор как он монах, каждый день для него - это праздник: весь груз житейских забот с него снят, он может спокойно размышлять о своей духовной жизни, разговаривать с Богом, молиться Богу. Жизнь же в миру намного тяжелее: нужно думать о хлебе насущном, нужно кормить семью, а это постоянно отвлекает. Он сказал, что преклоняется перед подвигом тех христиан, которые живут в миру, и очень их уважает, потому что у него в этом смысле жизнь несравненно легче.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ИСПОВЕДЬ

...Мне вспоминается исповедь в монастыре Григориу. Тогда (в 1981 году) игумен Георгий, который поныне здравствует, рассказал мне одну историю. Ему довелось принимать предсмертную исповедь у одного священника в небольшом городке в Греции. У священника было двое детей с очень большой разницей в возрасте - старший сын и много младшая дочь. Сын поехал в Афины учиться, и с ним произошла трагедия - он погиб. Труп юноши был найден в пустынном месте. Ясно было лишь то, что его забили до смерти. Хотя сын был очень церковным и вел благочестивую жизнь, креста на нем не нашли. И вот это отсутствие креста очень томило душу несчастного отца. Убийц тогда не нашли, преступление осталось нераскрытым.

Прошло время, дочь священника выросла и у нее появился жених. Молодой человек был постарше нее, ходил к ним в дом и был хорошо принят. Священнику, к тому времени овдовевшему, он нравился. Но сделать предложение он все как-то не решался. Через некоторое время, когда было уже очевидно, что они друг друга любят, жених попросил у священника об исповеди. Тот согласился, и молодой человек признался, что полюбил его дочь и их семью, но должен сказать, что он их недостоин, потому что он - убийца. Одно время, довольно давно, он был в дурной ком-

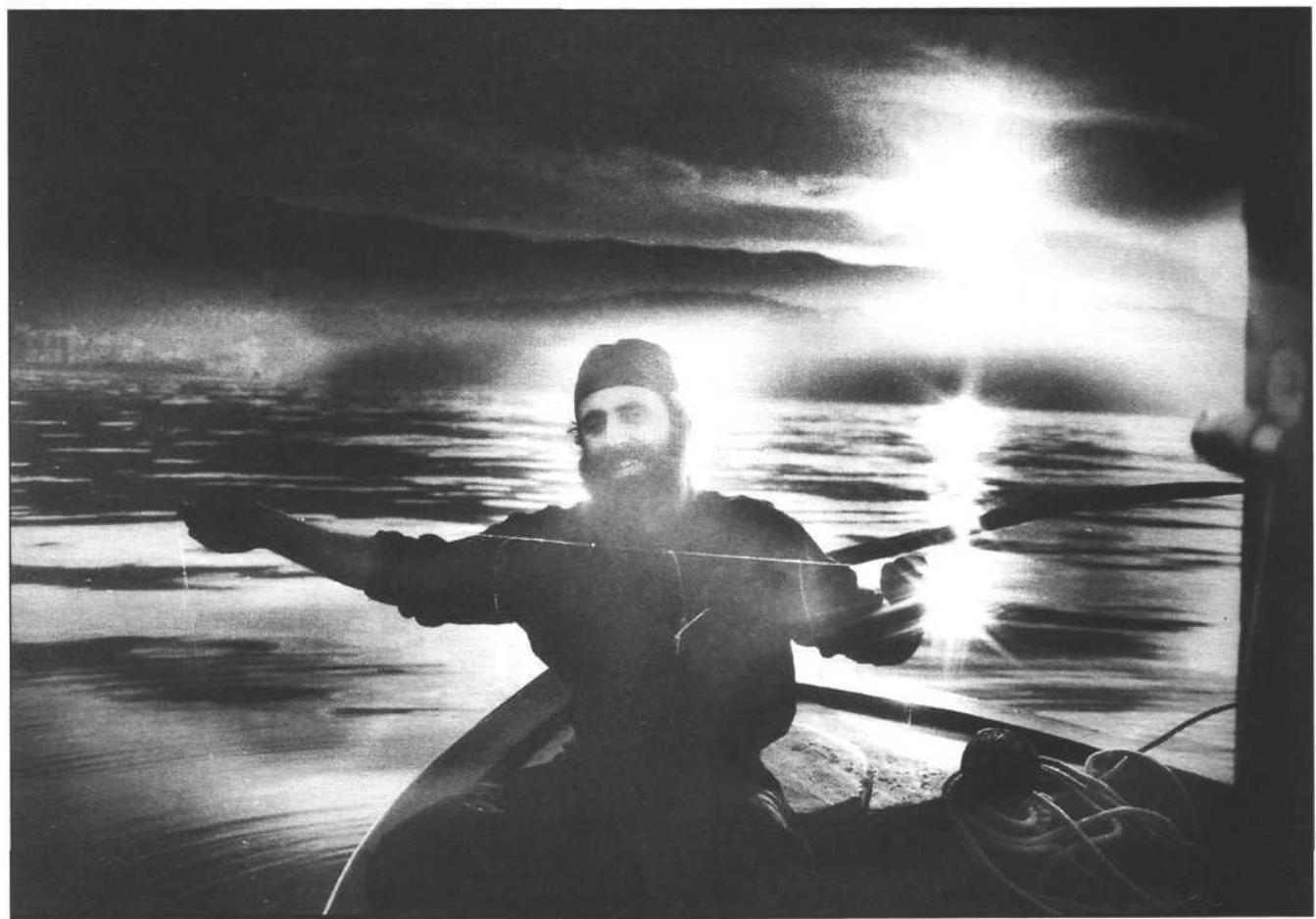
пании, они загуляли, и поздно ночью пристали к какому-то юноше - а это было в Афинах. Тот стал их усовещивать, взвывать к их совести, что их еще больше озлобило, они начали его избивать и забили его до смерти. Тогда жених, самый младший из той компании, из какого-то лиховства, сорвал с юноши золотой крест, который до сих пор носит при себе. С этими словами он показал священнику крест, в котором тот узнал пропавший крестильный крест своего сына. В тот момент священнику показалось, что пол уходит из-под его ног, сам он едва не упал. Он взмолился, чтобы Бог придал ему силы. А молодой человек продолжал: "Вы видите, такой отверженный Богом человек, как я, не может быть мужем вашей дочери. Простите меня".

Священник ответил: "Как я могу не принять тебя в свою семью, если Сам Бог принимает твоё покаяние?" Сыграли свадьбу, и все фотографии сына священника под благовидным предлогом были ураны подальше, чтобы муж его дочери никогда не догадался, что он убийца брата своей жены. Так этой тайны никто и не узнал. Священник рассказал это лишь отцу Георгию, в предсмертной исповеди.

ОТЕЦ МАКСИМ

Вообще на Афоне можно встретить монахов со всех концов света, из самых разных стран. Чтобы здесь остаться, монаху достаточно просто приехать в один из монастырей, и если его там примут, то на этом дело и заканчивается. Никаких особых требований или условий выполнять не надо. Однако желающих остаться на Афоне навсегда не так уж много. Дело в том, что жизнь здесь довольно тяжелая, не каждый может это выдержать. Это постоянное недосыпание, недоедание, долгие службы... Но в принципе, это очень здоровый образ жизни, и большинство афонских монахов в очень хорошей физической форме.

Как-то мы с Джейфри Макдональдом решили подняться на вершину горы Афон - 2033 метра над уровнем моря, причем гора начинается прямо от моря, так что подниматься нужно все эти метры до одного. Начали подъем мы вечером, так что, поднявшись метров восемьсот, стали искать ночлег. Постучались в одиноко стоящую келью (хижу с домовой церковью, где обычно живут один-два монаха) и были встречены поченного возраста старцем с густой белой бородой.

дой. Старец назывался архимандритом Максимом и очень обрадовался, узнав, что я из России. Оказалось, что когда-то давно он стажировался в Московской духовной академии и до сих пор не плохо говорил по-русски.

Отец Максим подвизался на Афоне уже без малого пятьдесят лет, а последние годы поселился в этой келье в поисках уединения. Принял он нас как родных, на ужине не знал, чем еще по-потчевать, открывая одну консервную банку за другой из своих совсем небогатых запасов. Наутро, после литургии, снабдив хлебом и оливками и показав дорогу, он отпустил нас на гору. Мы пошли налегке, оставив все свои вещи у него, чтобы забрать их на обратном пути. Подъем был довольно крутой, но за каждым поворотом открывались такие виды, что дух захватывало. Мы часто останавливались, передыхали, оглядывались, делали фотографии, читали молитвы и псалмы. Когда кончилась зона леса и горная порода стала выходить наружу, мы остолбенели - это был сплошной белый мрамор! В конце концов, вся растительность кончилась и мы продолжили свое восхождение среди сверкающего на изломах белого мрамора. Ничего подобного видеть мне не приходилось - я вдруг оказался в какой-то давно забытой русской народной сказке моего детства: "А за тремя морями, за тремя лесами стоит, касатик, беломраморная гора"!

На вершине - малюсенькая часовня, посвященная Преображению Господню (там служат всенощную и литургию раз в год - на этот праздник), а чуть выше нее - большой железный крест, венчающий гору. Мы немного посидели на камнях, обследовали окрестности, спели тропарь Преображению и потихонечку пошли назад. Всего вся дорога туда и обратно - до кельи отца Максима - заняла у нас около шести часов. "Где вы были так долго? Я уже начал волноваться за вас, - встретил нас старец. - Надеюсь, ничего не случилось?" Мы заверили его, что все в порядке, просто поднялись и спустились. "Тогда вы, наверное, вычитали там на вершине всенощную, - предположил отец Максим, - иначе где бы вы пропадали так долго? У меня эта дорога занимает не более двух часов!"

ДЖОРДЖИО

Бывали случаи, когда уже решившие остаться на Афоне люди отступали назад. Так, один мой замечательный римский знакомый, из русских эмигрантов, православный архимандрит отец Гермоген, поведал мне историю своего духовного чада - православного итальянского барона, профес-

сора. Этот барон очень любил ездить на Афон и хотел стать афонским монахом. Но отец Гермоген все не благословлял его на этот шаг. В конце концов, он собрался и уехал без благословения отца Гермогена. Поселился на Афоне в одном из монастырей, стал послушником, прожил так около года, очень ревностно выполнял все правила и послушания и радовался такому повороту в своей жизни. Потом через год игумен ему сказал: "А теперь, Джоржио, готовься, завтра вечером будет твой постриг". Джоржио всю ночь не спал: думал про свою тетю в Риме, думал про свое поместье в Калабрии, про маму, которая в этом поместье, еще про что-то... Утром, как только рассвело, он собрал чемоданчик - и назад в Рим.

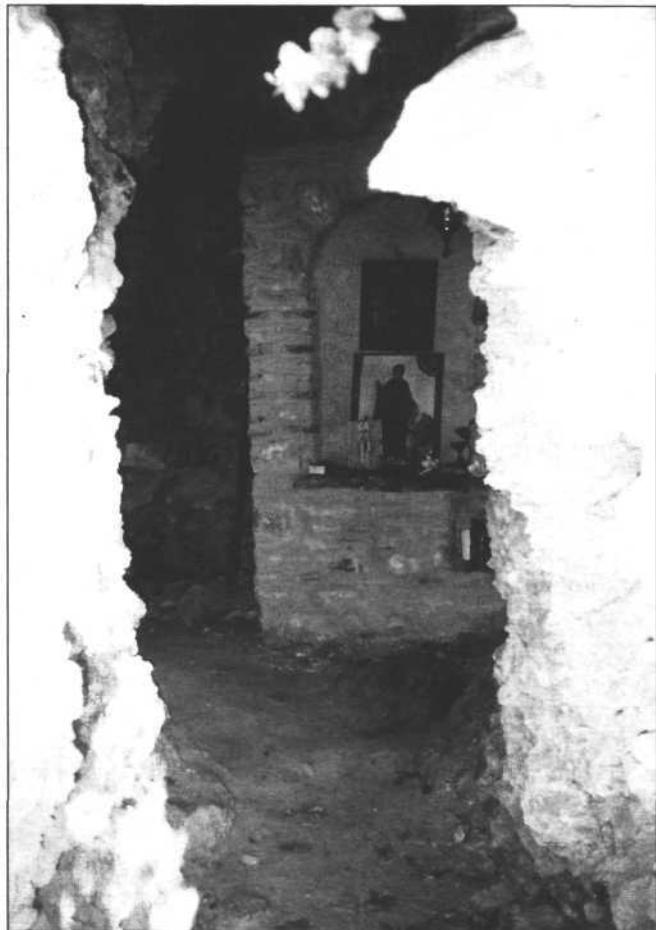
"ОБНАЖЕННЫЕ ОТЦЫ"

А ведь на Афоне есть множество исключительных подвижников. Во многих монастырях вам расскажут об "обнаженных отцах", уединенно живущих в пещерах на недоступном скалистом южном окончании полуострова и много лет не имеющих никаких контактов в людьми (кроме избранного брата, приносящего им Причастие), так что даже и всю одежду износили уже. Непременно расскажут о том, как какие-нибудь немецкие туристы случайно забрели в одну из таких пещер и увидели там следы скучного жилья, но не нашли обитателей. Потом они, дескать, рассказали об этом в ближайшем монастыре, взялись продемонстрировать эту пещеру, но уже не смогли ее отыскать...

На вершине горы Афон мы с Джейффи обнаружили нечто подобное - даже не пещеру, а щель между двумя глыбами мрамора. Там лежала соломенная подстилка, а рядом стояла железная бочка с ржавой водой, в которой плавал полиэтиленовый мешок с листьями салата. Когда мы спускались, мы встретили жителя вершины - сравнительно молодого (черная борода) монаха в стареньком выцветшем подряснике. Он поднимался наверх, неся глиняный кувшин с питьевой водой (ближайшая к вершине питьевая вода на уровне 1200 метров). Мы попросили его благословения, спросили его имя (оказалось, монах Дамаскин) и предложили остававшиеся у нас хлеб и оливки, которые он, к нашей радости, принял. Вот такая мимолетная афонская встреча...

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

...Когда я в первый раз ехал на Афон, я совсем не представлял себе, что я там увижу. Я думал о нескольких монастырях, которые можно будет обойти за пару дней и оставил Афон на самый конец своего первого месячного путешествия

по святым местам Греции. Я рассчитывал пробыть там четыре дня. Но, конечно, все вышло иначе. Афон оказался громадным полуостровом - около 80 километров длиной и до 8 шириной. Причем это расстояния по прямой, а когда идешь пешком горными тропами, они, естественно, чуть ли не удваиваются. Машин тогда почти что совсем не было, так что максимум, на что можно было надеяться - это подгадать и подъехать часть пути на катере, раз в день проходящего вдоль берега. Афон меня потряс. Естественно, я отказался от всех остальных своих планов и оставался там десять дней - сколько только мог.

Я просчитал все по часам: утром уезжаю на катере с Афона, потом пересаживаюсь на автобус до Салоников, оттуда ночным автобусом еду в Афины, а наутро у меня был самолет в Нью-Йорк. В аэропорт я прибывал за два часа до отправления, то есть все сходилось до последнего мгновения.

Уезжать не хотелось страшно, но делать было нечего. Последнюю ночь я провел в Пантелеимоновском монастыре. Утром, перед прибытием катера я зашел попрощаться с отцом Сергием, с кото-

рым мы очень подружились. И тут отец Сергий говорит: "Ты зачем уезжаешь? Останься еще дня на четыре". Я ответил, что очень бы хотел остаться, но не могу, так как у меня назавтра билет на самолет до Нью-Йорка. Отец Сергий повторяет: "Послушай меня, оставайся дня на четыре". Я снова ответил, что не могу, хотя уезжать мне совсем не хочется, что у меня на душе кошки скребут, что он разрывает мое сердце, но что если я свой самолет пропущу, то билет - самый дешевый билет до Америки - пропадет, и вернуться мне будет не на что, а в это время начнется учебный год и вообще, отец Сергий, вы не понимаете, тут Афон, тут все по-другому, а там мир, там самолеты летают по расписанию, опоздавших не ждут и билетов не возвращают... Но отец Сергий со странной настойчивостью снова и снова повторял про четыре дня, на которые я должен оставаться. В конце концов, я не выдержал: "Ну, все, отец Сергий, до свидания, вот мой катер, я пошел, надеюсь, еще вернусь, и мы с вами увидимся", - и уехал.

В Салониках я сел в ночной автобус, приехал в афинский аэропорт. Весь взмыленный, с опозданием, несусь к своему самолету, подбегаю к стойке и вижу: висит большое объявление о том, что началась забастовка авиадиспетчеров, и все полеты на четыре дня отменены... Возвращаться на Афон не было ни денег, ни специального разрешения. Так что четыре дня я сидел в Афинах - пыльном, душном, жарком городе и думал о своих грехах.

ГЛАВНОЕ ДЕЛО НА ЗЕМЛЕ

Возможно, после моего рассказа, после других рассказов об Афоне создается впечатление, что это довольно удаленное от реальной жизни место. Это не так. Афонская жизнь, на мой взгляд, - самая реальная жизнь из того, что есть. Скорее даже, это мы все живем какой-то полуреальной жизнью, в постоянном беге, в постоянной занятости, стрессах, попытках удовлетворить потребности, строить планы, реализовать мечтания, которые почему-то не реализовываются... На Афоне живут, выражаясь современным языком, очень "конкретной" жизнью. Очень земной, конкретной, наполненной жизнью. И занимаются афонские монахи самым главным на земле делом - молитвой обо всех и за всех. Кто знает, не было бы Афона и афонской молитвы, продолжался ли бы еще наш мир?..

Использованы фотоматериалы из альбома "Афонские мгновения" (Athonite moments. Philotheou monastery, Mount Athos, 1993) и фото А.И.Котелкина

Александра Лиходед

“МИР - ОН ЦВЕТНОЙ...”

Фото из семейного архива.

Валентин Лиходед - слева в нижнем ряду

...Отец был большим и крепким, с мозолистыми руками, украшенными узловатыми синими венами, выпирающими под шершавой кожей. Огромные пальцы с раздавленными тяжелым трудом широкими ногтями казались неуклюжими и громоздкими, но стоило взглянуть на то, как эти пальцы перебирали маленькие пуговицы двухрядной гармошки, оглашая деревенские улицы заливистыми переборами русских плясовых, - и ты навек становился их поклонником, и все представления об “уклюжесть” и “не...” брякались в преисподнюю.

Большая семья, в которой он вырос, была на удивление талантливой и музыкальной, играли “на слух” все - мой дед, два его сына и пять дочерей. Играли на гармошках и баянах, на бубнах, на ложках, на маленькой шустрой скрипке и на большом кожаном барабане с увесистыми желтыми “тарелками”, которые время от времени издавали сногшибательный грохот и заставляли зазевавшихся ворон взмывать высоко в небо, улепетывая куда глаза глядят.

Праздники, а было их в большой семье немало, начинались с того, что все доморощенные му-

Моему отцу Валентину

зыканты садились вокруг деда, и он, как заправский дирижер, быстро распределял последовательность номеров в зависимости от того, каковы гости и сколько их прибыло на праздник. А гостей всегда было много, потому как все любили бывать в этом доме - шумном и не похожем на другие. Съезжались отовсюду братья с женами, сестры с мужьями, их чады и многочисленные иные в виде друзей и знакомых, которые чинно рассаживались по лавкам в ожидании деревенского концерта. Женщины были одеты, по всей вероятности, модно - цветные платья из “непродыхаемой” кримпленовой ткани и туфли “лодочки”, мужчины, как по заказу, - в черных широких штанах и клетчатых рубахах, под стать любимейшему тогда киногерою Крючкова.

Затем из дома выходил дед - невысокий, худой. Следом за ним вываливалась и вся толпа его высоченных и, как на подбор, красивых детей, которые уже сами были давно папами и мамами, но слушали деда беспрекословно, как и тогда, когда были детьми. Они рассаживались полукругом, и дед, откашлявшись и орлом взглянув по сторонам, всегда делал один и тот же жест - проводил рукавом рубахи по глянцевой поверхности гармошки, затем поднимал подбородок и, резко кивнув, растягивал голосистую свою гармонь, за ним подхватывались и остальные, каждый со своей партией “переборов”.

Меня всегда удивляло, как они лихо это делали, не репетируя, не зная ни одной ноты, просто садились рядом и играли, предварительно чего-то обсудив.

Отец как-то рассказывал, как дед обучал его премудростям игры на гармошке - он пару раз наигрывал какую-нибудь плясовую, потом передавал гармошку семилетнему сыну и начинал чего-нибудь строгать, рядом клал розги, и если отец никак не мог повторить сыгранное дедом, тот, не раздумывая, оттягивал его розгами и снова наиг-

рывал не более двух раз, не говоря ни слова, и все повторялось сначала. Дочерей он обучал более "мягким способом" - с помощью валенка. Учились играть быстро и к десятилетнему возрасту уже знали практически все русские плясовые и хороводные, но дед постоянно пополнял репертуар, благодаря бесконечным шатаниям по свадьбам и собираниям нового музыкального материала. Слух у него был такой, что стоило один раз услышать какую-то песню, и он уже ее играл.

А свадьбы на деревне были долгими, веселыми и начинались по осени, когда хлеб был убран, сено скосено и озимые "заряжены". Свадьбы шли "строгим чередом", потому как гармонистов таких, как дед, более не было, так что составлялся специальный график, и передавался дед по эстафете с одного праздника на другой. Деревенские рассказывали, что дед мой был еще тот весельчак и охотник до "слабого полу", да и в старости заставлял бабушек-соседок разливать румянец по морщинистым щекам. Но, будучи сам озорным и задорным, детей своих держал в строгости. Если он брался за работу, то и все остальные просто обязаны были находить себе дело, а дел было много - огромный огород с овощными грядками, два козла пуховых, кур не считано с петухами, пороссята, коровы и, конечно, осел Пашка, названный в честь колхозного председателя, который, узнав от людей о таком безобразии со стороны деда, объявил последнего своим врагом, хотя до того были они закадычными друзьями.

Пашка по праву считался главным в хозяйстве, потому что был дедовой "опорой и надеждой" как лучший работник в доме. У Пашки были большие грустные глаза и бархатные черные губы. После смерти деда Пашка перестал слушаться и на приказы оставшихся членов семьи не реагировал, а если кто пытался его насильно за прячь в повозку - лягался и кричал дурниной, че-

Александра Лиходед родилась в деревне Каменка Алма-Атинской области. После школы окончила Театрально-Художественный институт. Работала в Петропавловской филармонии в музыкальном и Камерном театрах. Впервые попала в Северную Америку на гастроли как исполнительница народных и авторских песен. Живет и работает в Канаде, выпустила несколько CD, сделала много концертных программ и шоу (авторской песни, русских народных, цыганских, песен Вергинского, Утесова). Литературой стала заниматься с конца 90-х годов. Написала множество рассказов, статей, две повести. Публиковалась в русскоязычных изданиях Америки и Канады.

го раньше с ним никогда не бывало. Он слонялся по двору одинокий и худой и заглядывал в окна низенького дома своими черными глазами с длинными влажными ресницами. Бабуля - добрая душа открыла калитку и выпустила его на улицу погулять, чтобы развеять его немного, и... Пашка пропал. Через пару дней отец его нашел. Какие-то обкутившиеся анашой садисты пытались содрать с него, с живого шкуру, она висела длинными кровавыми лентами вдоль тощих его боков. Отец боялся, что Пашку придется пристрелить, но тот сам подошел к нему и ткнулся выпуклым лбом ему в бок.

"Шил" Пашку деревенский врач Никола Сидоренко, прибежавший в дедов двор, как только узнал о случившемся. Пашка не пикнул, пока Никола, обливаясь потом, сшивал изодранную кожу здоровенной кривой иглой, только дрожал весь, как осиновый лист, и время от времени пил воду из белого ведра, у которого сидела плачущая бабуля. Пашка прожил еще целый год, не работая, как пенсионер, и мы, дети, бегали с ним гулять, боясь оставить его одного. Он больше не лягался и не орал, он как-то весь сник, став ма-

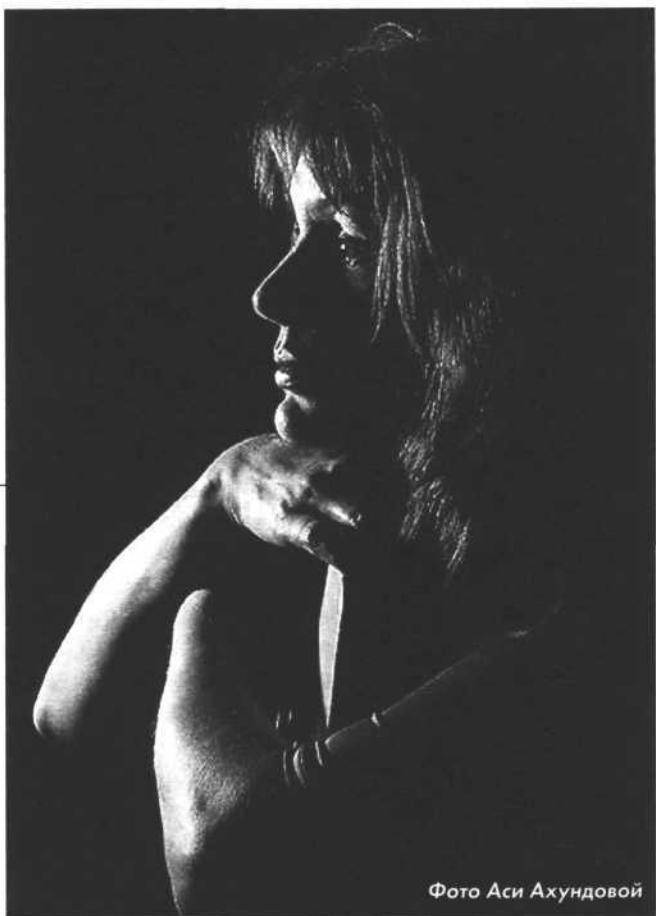

Фото Аси Ахундовой

леньким и жалким ... А потом его закопали недалеко у поющей речки. Плакать за Пашкой мне не разрешали - "не человек, чай", но бабуля-то плакала, я видела...

Нравы в семье были довольно суровые, без намека на сентиментальность. Никто никого не называл ласковыми именами, ни сюсюкал, но и не орал друг на друга, как в других семьях. Так вот, глядя на отца, мне всегда хотелось к нему прижаться, и чтоб на коленях он меня подержал, и чтоб обнял, только он-то был неприучен к такому проявлению чувств. И как-то сказал мне: "Любишь кого - не лижись, а не любишь - отвяжись". Когда понял, что до меня не дошло, пояснил, глубоко вздохнув: "Люди - они не плохие и не хорошие, они... это... разные, люди-то... на то и люди... сегодня красные, завтра белые... слабые они, вот, смертные они, много глупостей делают оттого... ты им ярлыки не вешай, а сама будь хорошей всегда... Гм-гм... главное - чтобы ты сама это про себя знала, от людей не жди ничего, не проси, сама все старайся, учись... вот. А мир - он не белый и не черный, он - цветной...".

Это был самый длинный наш с ним разговор, и я его запомнила на всю жизнь... Я любила отца и любовалась им, я гордилась им, как, наверное, гордятся отцами-космонавтами и знаменитыми актерами. Он был для меня героем, самым красивым и самым талантливым. А поскольку разговаривали мы с ним очень редко, то я научилась говорить с ним мысленно. Я спрашивала и сама себе отвечала, вернее, он отвечал, вернее, - я за него... Мне так его не хватало, хотя он был рядом всегда. Я знала, что когда я родилась, отец был очень расстроен, потому что ждал сына, а тут - третья дочь... Я это знала и оттого мне хотелось еще больше, чтобы он меня любил. Я старалась походить во всем на мальчишку. Носила короткую прическу и пацанячью брюки, строгала вместе с ним на верстаке и пилила дрова на "козлах", я стреляла из ружья по консервным банкам лучше всех в округе и лазила по деревьям, как Tarzan, я дралась "за дело" и не ела конфет. Я так ждала, что вот наступит день, и мой отец скажет мне что-то такое, что моя детская душа уже давно сама себе сказала, и ему нужно было это только повторить... Но он только стеснительно улыбался, когда я заглядывала в его глаза.

Он рассказывал о своей молодости и о войне только, когда был "подвыпивши". Садился у печки, подкидывал дров и начинал рассказывать, как бы сам себе. Говорил, а я вжималась в пружины старого дивана и, затаив дыхание, слушала странные рассказы о далекой, непонятной и такой

страшной войне, и боялась ее больше всего на свете, эту войну, и однажды увидела ее во сне, только не в виде сражений и выстрелов, а так же, как затем в фильме "Парень из нашего города" - в виде голой женщины... Женщина была старой и больной, морщинистое желтое тело вызывало страх и омерзение, а на тощей ее груди, между черными сосками - черная татуировка - "война"!

Отец никогда не говорил тостов, но однажды среди шумного застолья встал из-за стола, высоко подняв бокал, и сказал громко:

- Да что бы все... были здоровы! Чтобы вас всех... (я с ужасом подумала, что прямо-таки напрашивается сказать "черт забрал") - затем последовала пауза, от которой мне стало не по себе, а он спокойно продолжал: ... ни одна холера не взяла, потому что вы все форменные, - я зажмурила глаза, ожидая услышать слово "дураки", потому что это было его фирменным выражением "форменные дураки", а он потряс в воздухе огромным кулакицем и тихо добавил, - хорошие... и... вот.

Все хотели до слез, а отец никак не мог понять, чего это они смеются, он ведь на полном серьезе пытался сказать тост от всей души. Речь его была не богата, балагурить и острить он не умел, хотя иногда выдавал неожиданные перлы, сам того не желая, от которых покатывались даже такие остряки, как его дядя Антон, который в шестьдесят лет "сродил" себе дочку на стороне, был острумен на редкость и сочинял всякие байки в стихах прямо на глазах удивленных слушателей. Так вот, его дочка, приходившаяся мне тетей, была младше меня на два года. И когда приезжала к нам, отец всегда требовал, чтобы я беспрекословно отдавала ей все, что той понравится, потому что она - тетя, и я обязана ее уважать(?!). Если бы не отец - я бы эту тетю... Но приказ был отдан, а послушаться я не смела, и вскрытый сундучок с несметными моими сокровищами - деревянный дядька, которого отец выстрогал из березового полена, плюшевая обезьянка со сломанным заводом и облезлой смышеной мордой, неваляшка с расколотым черепом, кукла-голыш с пластмассовыми ресницами - отдавались на растерзание тете, которая ценности их не понимала, обращаясь с ними дерзко и небережно. Сердце мое замирало от страха за мое богатство, я сжимала зубы и с ненавистью смотрела на тетю, которая с превосходным садизмом издевалась надо мной, выкручивая моим игрушкам головы и ноги... Ах, как мне хотелось схватить ее за реденькие косички и повыдергивать их к чертовой бабушке!..

Кстати о чертях и о бабушке. Однажды моя бабушка, папина мама, повела меня в церковь, и там на больших досках я увидела нарисованных чертей, они были с хвостами и рогами, глаза у них были красные, а из пасти вырывался огонь... Я не запомнила ни одной иконы, но вот эти черти запомнились мне на всю жизнь, они тащили грешников (как сказала бабушка) в огромную сковородку, где кипело раскаленное масло, чтобы их там жарить (зачем?!).

- Ба, а ба, а чего... они их жарить будут, а потом есть? - спросила я у бабушки.

- Та ни... воны их будуть смажты вично, - устало ответила бабушка.

- Так как же это? - не унималась я, - они же будут невкусные, они же подгорят...

- Хто пидгорыть? - ставя свечку, рассеянно спросила бабушка.

- Ну так эти же... грешники.

Бабушка не ответила, а я, вытащив свою руку из ее маленькой сухой ручонки, отправилась на изучения странного действия. Вглядевшись внимательно, я увидела, какие мерзкие лица были у грешников и какие аскетично-благородные - у чертей, только усталые очень, и так мне стало их жалко... это ж надо - жить под землей, без света, без воздуха, выполняя вот работенку - вечно жарить каких-то дурацких грешников. Вот бедолаги-то! И тогда я подумала: "Не дай Бог быть чертом!".

Когда ехали домой, бабушка всю дорогу твердила:

- Ты тильки не кажи отцу, что мы у церкви булы. Вин мэнэ вбье!

- И про чертей не говорить, ба?

- Та що тоби ти чорти даљесь, хиба ж ты икон ни узрила? Якась ты, Шурка, прыдуркована в мэнэ. Я ж тэбэ не чортів дывыться узяла, а ты, як балаболка, нэсэшь, що не трэба... Ты хочь Хрыста бачила?

- Это который голый на кресте?..

- Вин за тэбэ, дурыща, на хрэст пишов, а ты... го-олый... тьфу на тэбэ, - досадливо бросила бабушка.

- За меня?! - я в ужасе отшатнулась. Я никак не могла понять, зачем же это он туда пошел, если я-то совсем этого не хочу... И еще подступило чувство вины, неосознанной, необъяснимой, но раз Христос за меня добровольно пошел на этот страшный крест, значит, что-то во мне не так...

Отцу я ничего не сказала и потом долгими вечерами слушала, как бабушка читала и толковала

мне Библию, потому что было мне все там непонятно, но она умела найти такие слова, которые мне кое-что объясняли, и я потихоньку стала понимать кто такой Христос, и что такое христианство, и почему у меня есть медный крест, который бабушка прятала в красном сундуке среди самых дорогих вещей.

Но все тайное становится явным, так случилось и с нашим заговором против папы-коммуниста. И однажды произошло нечто, что полностью нас с бабушкой разоблачило... Как-то, когда на дворе стояли лютые холода, отец плеснул в печку по ошибке не солярки, а бензину на сырье дрова, а затем поднес спичку. Печка ухнула, втянула в себя пламя, а затем изрыгнула его с такой силой, что послышался сначала как-бы утробный вой (так выла собака соседей наших Дворецких, когда Трофим, их отец, помер) и раздался взрыв, разнесший вдребезги саму печку вместе со стеной, у которой она стояла.

Я не помню этого момента, но чудом уцелевший отец потом рассказывал, что я появилась откуда-то, мгновенно рухнула на колени и в свои неполные семь лет начала на чистейшем украинском языке читать молитвы - быстро, громко, с поклонами и воздеванием рук к небесам. Отец не посмел меня прервать, но после, взяв за руку, потащил к бабушке...

Чтобы войти в бабушкин домик, отцу надо было сильно наклониться, потому как двери были низенькие и узкие, и то ли он не рассчитал в гневе своем, то ли забыл про рост свой недюжинный, но только так он влепился лбом в дубовую перекладину, что бабушкин домик загудел, как папина печка час тому назад. Он схватил меня больно за руку и с силой швырнул на лавку у дверей. Я сидела с широко открытыми глазами и с ужасом ждала, что сейчас произойдет что-то непоправимое...

Из маленькой дальней комнатки, которая была спальней и залом одновременно, появилась бабушка в белом переднике, спокойная, как никогда.

- Чого дытыну рушишь? Чай ни пинек який, а жива душа... - Она смотрела на отца без тени страха или смущения, она была царицей тогда, такой силы и света я никогда в ней не видела ни до, ни после...

Отец откашлялся, и я прямо-таки физически видела, как упливает в неизвестную даль его гнев и решительность:

- Вы чего это, мамаша, гм-гм... я ж партийный, да не дай Бог узнает кто, мне ж проходу

не будет. И как это Вас угораздило, мамаша, Шурку молитвам учить? А в школе узнают если?... Ох-хо-хо... - отец переминался с ноги на ногу, непростительно огромный в бабушкином малюсеньком домике, и кряхтел, не зная, что бы еще такого сказать, да, видно, речь и так была слишком длинной, и весь его запас слов на сегодня кончился.

- Поганому нэ вчу, а колы яки смыяться будуть або дразнить, - бабуля посмотрела на меня из-под белых бровей и подмигнула, - ты нэ сэрчай, воны ще дурни... А тоби скажу, - она строго посмотрела на отца, - ты хоч и коммунист - та дурак, якых свит ни бачив. Коммунисты твои прышли и писли, а Бог-то остается, а ты як и батька твий - хрещеный, и прыйдэ время, и ты сам хреста своего на шию надинишь, а партия твоя... - бабуля набрала воздуха и смачно выплюнула его в сторону печки - тыху, срамота сама, колы учит дитея Бога поскудить...

- Да ну вас, мамаша, вовсе, - махнул рукой отец и попятился к двери. Бабушка перегородила ему путь своим маленьким и тщедушным тельцем:

- А Шурку не тронь! Вона ни така як уси. Йии жалиты треба,- и добавила тихо-тихо,- и любыты...

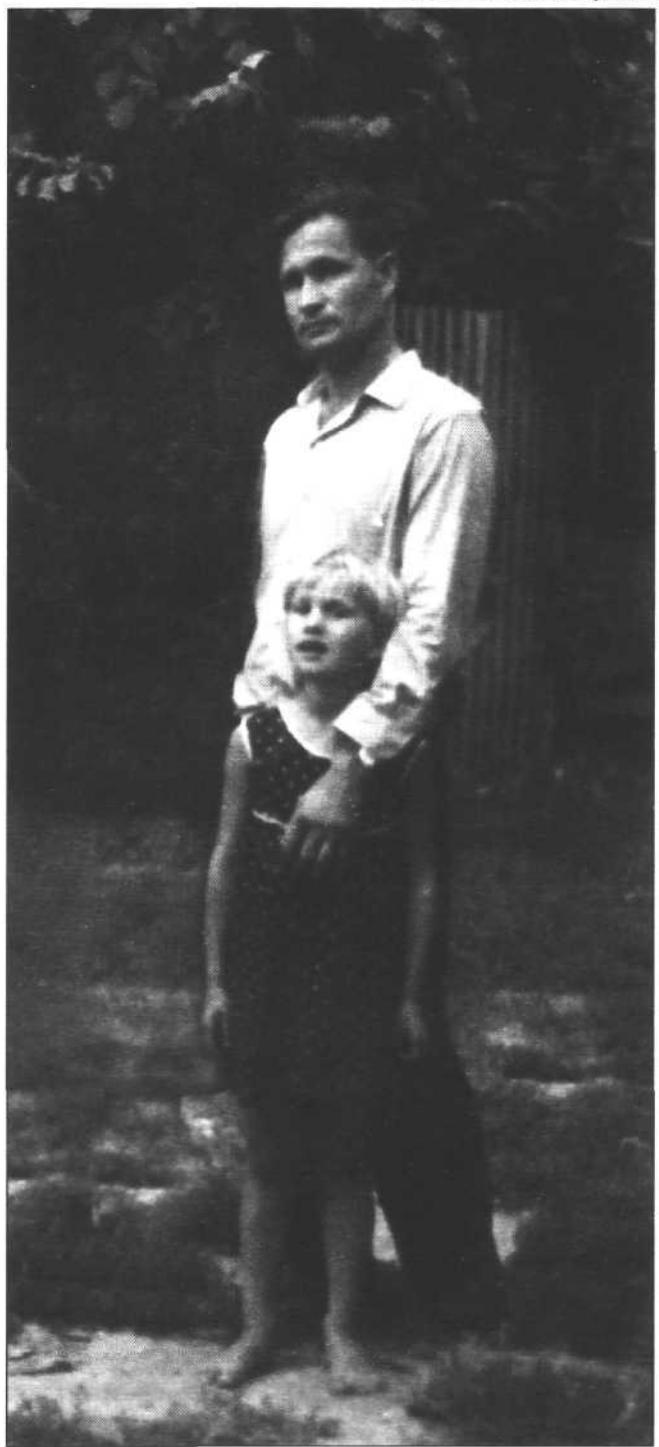
Отец ушел, бабушка села подле меня молча и все гладила мою руку... Так мы с ней просидели до темноты, не сказав друг другу не слова. Но что-то происходило тогда между нами, что-то такое, что заменило все слова, и, уходя от нее, я была спокойной и безмятежной и точно знала, что когда-нибудь бабушкино предсказание исполнится. Оно исполнилось через много лет. Ушли коммунисты, Бог остался, и отец надел-таки крест, принесенный мною из храма в военный госпиталь, где лежал он, пораженный нескользкими инфарктами подряд. Я была уже совсем большой, я была уже мамой, я принесла ему крест и сказала: "Пап, надень... пожалуйста", - и протянула ему тоненькую цепочку с серебрянным крестом. Он посмотрел на меня как-то по-особенному, как умел смотреть только он, и сказал, откашлявшись, приподнявшись на локтях и вытянув шею: "Помоги...".

Он прожил еще три года, и тихо умер во сне, с маленьким крестиком на шее, подложив руку под щеку, умер именно так, как мечтал: "Вот бы помереть во сне, лечь, заснуть и дать дуба...".

На черном стареньком платяном шкафу стоят его гармошки, целых три, и старенький баян. Они заботливо укрыты белым полотенцем. К ним никто не прикасался с тех пор... Пройдет время и, может быть, я смогу взять его баян и сыграть

то, чему он учил меня в далеком детстве - русские плясовые... Они будут нестись заливистыми переливами по деревенским улицам, стремясь все выше и выше, к той самой горе, на которой стоит его желтый дубовый крест...

Фото из семейного архива

КАК ЖИТЬ С ТАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ

ОТ РЕДАКЦИИ:

Некоторое время назад на нашем сайте (www.fomacenter.ru) был опубликован материал под названием "Как вести себя с "нелюбимой" женой". После этой публикации мы получили немало откликов и вопросов, многие из которых тоже помещали в интернете. И сегодня мы предлагаем вашему вниманию читательское письмо-ответ на один из таких откликов. В данном случае мы решили отойти от традиции, по которой на вопросы отвечают священники или специалисты. Нам кажется, что автор письма ответил лучше, чем кто бы то ни было.

Еще раз повторим читательский вопрос-отклик:

А все же на вопрос, как жить с таким человеком, вы не дали ответа. Мы с мужем обвенчаны и для меня нет развода, но как жить с неверующим, с живущим только по желаниям тела своего? Со скандалящим по поводу моего поста и за ежевоскресное посещение храма называющим меня фанатичкой? С тем, кто считает Библию собранием сказок? А ведь таких семей немало. Чаще пишите для нас.

08.12.2002, Марина

А вот и ответное письмо:

"Православной христианкой я стала три с половиной года назад. Этому событию предшествовали несколько лет усиленного богоискательства. После рождения ребенка я серьезно заболела и довольно быстро стала инвалидом.

Из глубокой депрессии вывели меня книги оккультистов, подарив надежду. Главным моим "духовным учителем" стал Лазарев. Потом к нему добавилась Луиза Хей, Рерихи... Была даже одна группа, в которую я ходила вместе с сыном несколько месяцев - нечто вроде спортивной оздоровительной секции с "духовным" уклоном.

С каждой новой книгой мне казалось, будто я знаю все больше и больше о мире, в котором живу, о людях, о Боге. Помню свое ощущение на лекции по философии в университете (я тогда еще училась). Сокурсники азартно спорили с преподавателем по какому-то вопросу, а я слушала и с высокомерной усталостью усмехалась про себя - все мне казалось детским лепетом по сравнению с тем, что знала я. Примерно так же, свысока, я посматривала на своего супруга.

О, как мне хотелось просветить его, научить "правильной" жизни, образу мыслей! Чтобы вместе стремиться к высокому и светлому будущему! Но он, махровый агностик (потому как не хотел сказать наверня-

ка, что "Бога нет", но и не интересовался этим вопросом) не хотел никуда стремиться, смеялся над моими идеями, а порой и сердился, когда я уж очень активно начинала его "просвещать". Сильнее всего он возмутился, когда я однажды попыталась передать свои "знания" маленькому сыну. Сколько было тогда пролито слез, высказано обид вплоть до обвинений в подознательном удовлетворении моим жалким состоянием - ведь все усиливающаяся беспомощность жены так или иначе снимает всякий вопрос о "равноправии"...

То время я вспоминаю со стыдом. Более того - с ужасом и запоздалым страхом за себя (потом уже узнала, что ходила по самому краю, и просто чудом, возможно, сильным молитвенным заступничеством кого-то из умерших родных, не увязла по уши в кошмаре оккультизма), и - с горячей благодарностью к мужу, который мало того, что устоял в своем скептицизме и сумел-таки посеять во мне зерна сомнения, но и продолжал любить меня даже ту, мало того, что слабеющую телом, так еще и на глазах сходящую с ума (теперь-то я это понимаю, когда встречаю подобных мне, той, людей).

К чему это длинное предисловие? К тому, что мое скорое и бурное обращение в православие, новый круг знакомств, книги и пр. воспринялись супругом вовсе не как что-то качественно новое, а лишь продолжением все того же беспокойного поиска, новым влечением, которое столь же мимолетно сменится чем-нибудь другим. Он продолжал критиковать мои новые взгляды, знакомых, книги. Только теперь его главным "оппонентом" был не Лазарев, а - Кураев, ну так что ж... Опять начались битвы. Правда, я уже имела кое-какой опыт, кроме того, сама-то чувствовала, что теперь все - совсем другое, настоящее, и само оно, верно, действовало как-то во мне, да и знакомые были более подходящие... И опасности теперь было все-таки меньше, православная Церковь - не secta какая-нибудь, это муж понимал. Так что боялись стали потише. Кроме того, муж собирался в дальнюю поездку и надолго - на 9 месяцев.

Возможно, поэтому мы в то время почти не спорили, а за неделю до его отъезда даже обвенчались! (Не иначе, это был его подарок мне перед долгой разлукой).

Он уехал, а я с головой окунулась в церковную жизнь. Сын был у бабушки (потому что мне предстояло еще несколько месяцев больницы), диссертация была в основном написана, так что мне ничто не препятствовало читать запоем книги, поститься, ездить в церковь и тратить на все это львиную долю средств, как денежных, так и временных. Соседка по этажу заменила мне крестную мать, да и не только крестную... Незадолго до приезда мужа мы освятили квартиру. Словом, приехав, он обнаружил дома - запах ладана, целую полку книг религиозного содержания, два молельных угла с иконами (в каждой комнате), горящую лампадку и - горящие глаза жены, тоже преображенной, в платочек, спешащей поделиться накопленными за стол

долгое время совершенно потрясающими знаниями и сведениями.

Все это он кое-как терпел. Пока не приехал (через пару недель) восьмилетний сын. Надо сказать, мальчик очень быстро проникся идеями православия, с удовольствием учил молитвы, поклоны, посещал храм и усвоил, что крестик нательный нельзя снимать ни при каких обстоятельствах. И вот однажды...

Однажды папа предложил сыну пойти на речку купаться. День был жаркий, идти собирались в одних шортах. И муж предложил мальчику оставить дома крестик - чтобы не потерялся, не зацепился, да и вообще... Не хочется вспоминать, что было дальше. Таких ссор у нас не было ни до ни после. Это была самая настоящая трехдневная война. Мне казалось немыслимым требование супруга снять крест с сына, и я убеждала в этом ребенка, меня поддерживали знакомые, в том числе - один священник (который из моего вопроса просто не понял всей остроты ситуации, сказал, что нельзя крест снимать - и точка. Мне же это показалось жесткой и однозначной директивой. На более же подробный разговор времени не нашлось тогда). А мужу казалось немыслимым и оскорбительным, что сына настраивают против него, вбивая в голову дикие идеи типа того, что превыше всего - Бог, а потом уже папа. Бог был для папы ничем, пустым звуком, безумной идеей моей и моих новых знакомых, и потому эти самые слова о первенстве Бога воспринимались как указание на первенство нашего влияния. Теперь я это понимаю. А тогда...

Тогда мне было очень плохо. Муж выкинул из дома почти все иконы, лампадку сбросил с балкона, порвал часть особо "вредных" по его мнению, книг, а остальные велел отнести той самой соседке... И запретил в его присутствии само упоминание о Боге и Церкви. Я не знала, что делать, что думать. Тут было уже не до обид. Казалось, в дом пришла настоящая беда. Было страшно за него, за себя, за сына. При всем том, предстояло уезжать - уже всем троим - далеко, в Германию, неизвестно, насколько. Меня волновал вопрос, будет ли там возможность посещать церковь, хоть изредка.

Мир в семье восстановился, но был весьма относительный. Муж требовал от меня отказа от слов насчет "первенства" Бога. Я не могла этого сделать. И прощения искренне просить не могла, потому как хоть и чувствовала себя виноватой и сильно, но не могла понять, в чем и где эта моя вина проявилась?

Разрешения конфликта не предвиделось. Мы с сыном "ушли в катакомбы", молились тихо и тайно, пока папы не было дома. Я объясняла сыну, что папа - хороший, только в Бога не верит, потому надо за него молиться, это не вина, а - болезнь. Я вот хожу с трудом, а ему так же трудно, только этого никто не видит. Но сама я все больше и больше чувствовала, как расширяется незримая пропасть между мной и мужем. И я не видела пути для ее устранения. Так мы и приехали в Германию.

Правда, перед отъездом муж позволил мне съездить к местной чудотворной иконе и дал значительную сумму (на такси). Это меня несколько утешило, но не совсем. Тем более, что поездка меня не исцелила. Муж

ничего на это не сказал, но мне казалось, что он втайне злорадствует.

На новом месте я рискнула поставить только три маленькие иконки в самое незаметное место, чтобы их вид не раздражал мужа. И уж совсем было приготовилась прожить год, а то и больше, в полной изоляции от ставшего уже привычным окружения православных верующих и церковного окормления, как через два дня прибегает со двора сын и говорит, что познакомился с тетей, которая предлагает поехать в церковь прямо в ближайшее воскресенье! Вслед за ним пришла и сама эта "тетя" - Лариса, такая же как и мы, "митарбайтер" из Москвы. И я узнала, что оказалась совсем рядом с местной православной общиной, да не какой-нибудь Зарубежной, а - самой настоящей РПЦ МП! "Давай, тетя Света, помолимся!" - были первые слова Ларисы после обмена самой краткой и необходимой информацией при знакомстве. Так я обрела близкого друга и, если можно так сказать, духовную сестру.

Вечером я осторожно спросила у мужа, разрешит ли он нам с сыном поездку в соседний город на службу. "Нет" - был ответ. И дальше проследовала бурная речь, насчет того, что он ехал сюда с мыслью и надеждой отдохнуть от наших глупостей, чтобы духу никакого церковного тут не было. В общем, раз в три месяца он еще потерпит. А если заикнемся о большем - пенять будет не на кого, разве на себя.

Но совсем молчать у нас не получалось. Ко мне стали приходить люди из общин, которые быстро становились друзьями. Правда, при муже мы вели себя очень корректно, ситуация многим была знакома не понаслышке. Встал вопрос об освящении квартиры. Как раз должен был приехать священник, чтобы провести службу в нашем городе, и мог заехать ко мне. Страшно было об этом говорить... Но как-то удалось (Лариса помогла), и муж дал согласие.

Пришедший батюшка не произвел на меня особого впечатления. Уж слишком он показался мне молодым. Но священник есть священник. И получилось так, что я рискнула поведать ему свою беду, которая продолжала меня мучить. В целом, это был тот самый вопрос, вынесенный в заглавие моего рассказа и заданный в письме: КАК ЖИТЬ С ТАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ?!!

- Очень просто. ПО ЛЮБВИ, - сказал батюшка.

Когда он ушел, я немедленно набрала номер рабочего телефона супруга.

- Прости меня, - прорыдала я в трубку. - Я была полной идиоткой. Отец А. мне сейчас это популярно объяснил и велел каяться перед тобой и Богом, а тебе передал большой привет, и низкий поклон, и всяческое сочувствие, что у тебя такая дурная жена.

- Оказывается, и среди православных есть умные люди! - радостно отозвался муж.

Собственно, ничего и не произошло... Но в тот день у меня с плеч свалился огромный камень, я словно расправилась и начала дышать и жить.

Я продолжала читать книги, думать, молиться. По-прежнему вся наша церковная жизнь скрывалась от

мужиных глаз. Хотя, мало-помалу... Вот, друзья принесли мне большую икону в подарок, и муж разрешил поставить ее на видное место. Батюшку теперь можно было вызывать на трёбы беспрепятственно, как и ездить самой в храм. Последнее, правда, было очень редко из-за усилившейся болезни. По этой же причине и не шла у нас речь о постах. А вот о религии разговоры начали потихоньку вестись. Муж то и дело вызывал меня на дискуссию. И хоть я порой выходила из нее в слезах, но это было совсем не то, что раньше.

Он по-прежнему говорил, что Библия это - сборник сказок, и рассказывал сыну, что человек произошел от обезьяны. Но меня это все меньше и меньше приводило в отчаяние. Я заставляла себя бытьтише. И старалась все меньше говорить и убеждать, а больше - молиться. И - любить, любить... Ибо самые пламенные слова наши без любви - кимвал звенящий и медь брячащая. В этом пришлось убедиться на опыте.

Первым потрясением для меня стал случай, когда сын набедокурил в очередной раз, и муж, отругав его, пришел в нашу комнату и остановился перед иконами, которых стало уже опять довольно много.

- Кто тут самый главный? - спросил он как-то очень решительно.

Я робко указала на большой образ Спасителя. Муж взял его и, вооружившись молотком, унес к сыну. Я побежала за ним и онемела: он вбил в стенку гвоздь и повесил икону.

- Вот! - сказал он грозно изумленному мальчику. - Может, хоть Бога своего постыдишься такие безобразия устраивать. А то маленькие на тебя мало впечатления, похоже, производят. - (Имелось в виду несколько бумажных иконок на столе у сына).

Через полтора года после нашего приезда в Германию, последние месяцы жизни там, муж уже сердился, когда у нас почему-либо срывались походы в храм. Он решил, что религиозное воспитание сыну не только полезно, но и необходимо.

Этим летом он взял Библию и стал читать. Говорил, что посоветовал один знакомый с работы - мол, хорошо перед сном почитать минут пятнадцать...

А, уезжая осенью, опять надолго и далеко, согласился взять с собой иконку Богородицы, с празднованием которой совпадает день его рождения.

Я не знаю, наступит ли время, когда мы вдвоем (втроем) пойдем к Чаше со Святыми Дарами, встанем дома на молитвенное правило, будем помнить посты и церковные праздники. Я знаю только одно: мой муж - неизмеримо лучше и выше меня по своим человеческим качествам. И любить он умеет лучше и крепче, и смиряться, и терпеть.

Потому меня уже давно гораздо сильнее тревожит другой вопрос: А КАК ЖИТЬ С ТАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ, КАК Я? Вот что нужно поскорее решать. Пока такая мысль не возникла у моего супруга. А то ведь...

Помоги, Господи!

Рис. Анны Кузнецовой

“ЛЮБОВЬ МОЯ, БОЛГАРИЯ” - “ЛЮБОВЬ МОЯ, РОССИЯ”

Подведены итоги конкурса для школьников двух стран

В свое время “Фома центр” широко информировал своих читателей - в газете, на сайте и в журнале - о конкурсе “Любовь моя, Болгария” - “Любовь моя, Россия”. Конкурс завершился, и теперь мы имеем возможность рассказать подробнее об этом проекте, о плодах работы его организаторов и участников, о том, почему мы с радостью оказывали ему информационную поддержку.

Конкурс этот был организован “Союзом Друзей Болгарии” и некоммерческим фондом поддержки ветеранов и патриотического воспитания молодежи “Связь поколений”. Вообще дружба “Фома центра” с Фондом, можно сказать, уже давняя. Мы писали и будем продолжать писать о проектах, которые “Связь поколений” осуществляет, потому что нам кажется, говорить об этом очень важно.

Например, в последнем, 15-м номере журнала “Фома” мы рассказывали о детском приюте “Отрада” при Малоярославецком Свято-Никольском Черноостровском женском монастыре, который находится на попечении Фонда. И в православно-миссионерском, и в благотворительном, и наконец, в культурно-просветительском плане деятельность эта хороша и продуманна.

Участие в конкурсе предложили принять и российским, и болгарским школьникам: первым написать о Болгарии, вторым - о России, хотя в целом никаких ограничений здесь не было. Стремились понять, не угас ли интерес болгарских и российских ребят к странам-побратимам, узнать, что именно волнует их и трогает, какие чувства питаем мы друг к другу?

Прежде всего, выяснилось, - и это радует, - что несмотря на отдаление наших стран в последние десятилетия, несмотря на политические катаклизмы и новые границы, исчезновение Варшавского блока и продвижение НАТО на восток, тяга к общению и взаимному узнаванию не исчезла. Интерес не угас - особенно в болгарских детях. Исторический факт, что 125 лет назад русские солдаты помогли Болгарии освободиться от османского ига, помнится им очень хорошо:

О храбрые сыны российские!
Освободив Болгарию в бою,
Пред Вашим подвигом геройским
Склоняю голову свою, -

пишет 13-летний Александр Йовчев из Петрича.

По словам 17-летней Веры Василевой Хаджиевой из Пловдива, она влюбилась в Москву с первого взгляда. Она удивительно хорошо говорит по-русски, хотя никогда раньше с русскими людьми не общалась, а язык учит в школе-гимназии. “Для многих болгар освобождение от османского ига - это главное событие в истории более чем тысячелетних отношений наших народов. А лично для меня, в некотором роде, - и начало истории нашей страны”.

• Но не только наша общая история важна болгарам. Есть у них интерес к Москве, чувствуют они родство культур, языков...

Что касается наших современников в России, то здесь ситуация намного более сложная. Если раньше у нас об истории, по крайней мере, освобождения Болгарии знали все, кто учился в школе, то теперь об этой стране начинают забывать. Из народной памяти исчезают имена русских героев, прославившихся в боях за Болгию.

Екатерина Манилова из Твери посвятила работу герою Болгарии, фельдмаршалу русской армии и российскому дворянину, своему земляку Иосифу Гурко, которого почитают болгары и почти совершенно забыли мы, его соотечественники:

“Есть в нашем городе улицы А. Желябова и Софьи Перовской - убийц императора Александра II. Даже есть улица в честь создателя компартии Болгарии Георгия Димитрова, который, вот уж удивительный зигзаг судьбы, еще юношей участвовал в болгарском ополчении эпохи русско-турецкой войны 1877-1878 годов и сражался против турок в отряде И.В. Гурко.

Улицы памяти Иосифа Владимировича в нашем городе нет. Это наследие эпохи советской власти.

В Болгарии, говорят, есть и улицы, названные именем нашего земляка, и памятник Иосифу Владимировичу...

А у нас есть Сахарово - бывшее имение Иосифа Владимировича, убогое и захламленное. Но этот запущенный, гибнущий парк, эти тропинки и вековые деревья, помнящие своего хозяина, чудом со-

хранившийся храм-усыпальница, - все это - наша маленькая Болгария на русской тверской земле. (...)

Болгары - единственные, кто постоянно и регулярно посещают Сахаровский парк и Храм - бывшую усыпальницу И.В. Гурко... И всегда, когда я вижу приехавших в поселок болгар, я удивляюсь их благодарности, глубокому уважению и почтению к памяти нашего земляка И.В. Гурко, о котором до недавнего времени наша же родная история совсем ничего не знала и знать не хотела".

Для многих наших школьников конкурс действительно стал открытием Болгарии - не как государства на политической карте, но как родственной культуры. И оказалось, что иметь такое родство очень даже здорово: все лауреаты, русские и болгары, как один говорили о том, что вера объединяет наши народы, вера стоит над мировыми конфликтами. И мы должны знать друг о друге больше. Приятно было услышать такое.

Но чтобы достичь этого результата, здесь, в России пришлось серьезно поработать. Фонд "Связь поколений" не только объявлял о конкурсе по радио, но и целенаправленно рассыпал по школам разных городов публикации - объявления о конкурсе в прессе.

- Вообще главная цель всей деятельности нашего Фонда - не просто вспоминать, а помнить, - рассказывает исполнительный директор Фонда "Связь поколений". - Мы ездим по школам России, разговариваем с детьми, у нас много школ-друзей. Сегодня, кстати, среди лауреатов представлены два кадетских корпуса - Ставрополя и Красноярска. Можно сказать, что здесь сходятся воедино сразу два наших проекта: "Возрождение", в рамках которого мы помогаем восстанавливать кадетские корпуса, и "Диалог поколений", главное достоинство которого в том, что дети не просто говорят, но что взрослые слушают их и слышат.

Общие православные корни России и Болгарии также не оказались затеряны для конкурсантов в глубоком прошлом. Символические параллели между Софийским собором и Храмом Христа Спасителя, образы святых Кирилла и Мефодия - создателей азбуки - были очень популярны в работах. Которые, кстати, весьма разнообразны по жанрам. Есть, например, сказка о волшебном дереве, где буквы сами складываются в слова, и люди - русские и болгары вместе - прочитывают их, и не замечают, как "улыбаясь и одобрительно кивая, смотрят на них сверху Господь" (Олеся Денисова, г. Волоколамск).

Или "репортаж" Андрея Купцова из города-музея Этыра (в котором Андрей вообще-то еще не был, но теперь, после конкурса побывает непременно): "Под пронзительно синим небом, меж гор, заросших густым лесом, увидел я посеревшие от старости черепичные крыши.

Уютно вился дымок над трубами, часы на городской башне исправно отмеряли время, но вот беда, не принятого на циферблатах указывать порядковый номер века. Однако и без того было ясно: лестница к парадным воротам Этыра вела в прошлое".

Или о наболевшем. "Я болгарка, но никогда не была в Болгарии... - пишет Татьяна Маглели из поселка Лотошино Московской области. - Может быть, я когда-нибудь побываю на Родине моих предков и низко поклонюсь этой земле, на которую они так и не смогли вернуться".

Или "сон" Цанко Дмитрова Маринова из Плевена о трех штурмах его родного города: "Дикие пионы проросли на месте роз. Потому что розы капризные, требуют забот. Но дикие пионы рассказывают, неважно, что не розы... Рассказывают о подвигах и детских кудряшках, о костях тысяч погибших и о тысячах погибших роз. Там, в долине, названной Мертввой, цветут и рассказывают пионы - красные-красные!"

- Пусть эти строки станут нашей данью памяти предкам, воздвигшим незримый, но величественный Храм дружбы между нашими народами, и нашим посланием тем, кто придет после нас. Будем всегда помнить слова из Евангелия от Иоанна: "Нет больше той любви, как если кто положит душу за други своя", - так, обращаясь к устроителям и участникам конкурса, сказал генерал-майор Александр Котелкин, учредитель фонда "Связь поколений".

Конкурс окончен. Хорошо, что его организаторам удалось собрать в Москве всех лауреатов - и российских, и болгарских. Что показали ребятам Москву, организовали поездку в старинный Малоярославец. Что

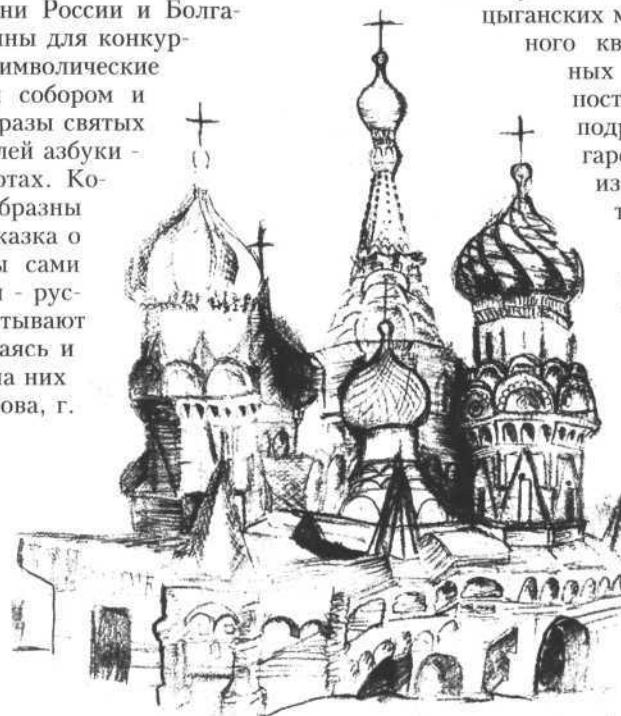
устроили в их честь замечательный концерт - гости услышали и духовное пение, и задор

цыганских мелодий (в исполнении струнного квартета "Лойко", православных цыган). Что дали возможность ребятам перезнакомиться и подружиться, хотя из наших болгарского языка не знал никто, а из болгар по-русски говорила только Вера Хаджиева.

Теперь черед российских ребят ехать в Болгию - летом и на две недели. А "Фома центр" будет ждать новых "информационных поводов" от Фонда "Связь поколений". И с удовольствием будет об этом рассказывать. Потому что... дай Бог нам больше таких инициатив.

Алла МИТРОФАНОВА

Использованы детские
рисунки из альбома "Моята
любовь Русия. Любовь моя,
Болгария"

**Архипастырь Сибири:
преосвященный
Сергий (Соколов)
епископ
Новосибирский и
Бердский.
Соколова Н. Н.**

**М.: Издательский Совет
Русской Православной
Церкви, 2003.**

Каждому, желающему узнать о Православии, о жизни верующего человека в Церкви, будет полезна эта книга. На ее страницах автор, Наталья Николаевна Соколова, жена священника, мать пятерых детей (двоих из трех ее сыновей стали священниками, а третий епископом) рассказывает о своем старшем сыне - недавно ушедшем из земной жизни епископе Сергию.

Рассказ Натальи Николаевны - это не просто повествование, пересказ событий, а в первую очередь, в каждом ее слове - пример личного мужества, христианского отношения ко всему, что было послано ей в жизни.

Эта книга может быть поддержкой читателям в их скорбях, а также настоящим открытием внутренней жизни человека Церкви.

Особого внимания заслуживает третья часть книги "Слово архипастыря", в которой собраны послания епископа Сергия пастве, статьи и выступления.

**ДАР ЛЮБВИ.
Воспоминания
о протоиерее Федоре
Соколове.**

**М.: Издательский Совет
Русской Православной
Церкви, Русский
Хронографъ, 2003.**

"Был вечер. В московском храме Преображения Господня шла всенощная. После чтения Евангелия на амвон вышел священник и, осеняя себя крестным знамением, обратился к пастве:

- Не было на земле человека, который не хотел бы быть счастливым...

Счастье! Какое точное и емкое слово. Конечно, все мы, собравшиеся в тот вечер в храме, желали его себе...

Священник говорил о различии между мнимым и подлинным счастьем, о легкости первых шагов на ложном пути и о сложности возвращения на верную

дорогу, о трудностях хранения путеводной нити и о единственном Источнике помощи. Он говорил так просто и убедительно, словно сам уже прошел этот путь и оттуда, из области счастья, протягивал нам руку" (стр. 5).

В этой книге собраны воспоминания о младшем брате епископа Сергия - протоиерея Феодора Соколова, московском священнике, погибшем в автокатастрофе 21 февраля 2000 года, в день своего ангела.

Как правильно заметили составители сборника в предисловии, отец Феодор своим примером открывал тайну счастья другим людям: по всей его жизни видно, что глубокая преданность воле Божией и Божьему Промыслу ведет человека к подлинному счастью.

На страницах книги об отце Феодоре вспоминают священники, близкие родственники, прихожане.

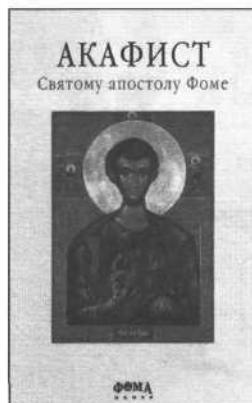
**ИЗМЕННИТЬ
СВОЕ СЕРДЦЕ
Зачем мы приходим
в Церковь**

**М.: "Фома центр",
ПСТБИ, 2003**

- под таким названием вышла очередная брошюра "Библиотечки журнала "Фома".

В этом выпуске собраны статьи, интервью и диалоги, адресованные в первую очередь тем людям, которые задаются вопросами о том, что такое Церковь, почему православная вера немыслима без Церкви. Среди авторов и участников разговора - протоиерей Владимир Воробьев, диакон Андрей Кураев, соредакторы православного журнала для сомневающихся "Фома".

Приобрести брошюру можно в магазине "Православное слово" (ст. метро "Новокузнецкая", "Третьяковская", "Павелецкая", ул. Пятницкая, д. 51/14, стр. 2., телефон (095) 951-51-84, 951-34-97) или в отделе распространения "Фома центра" (телефон (095) 246-74-92)

**АКАФИСТ
святому апостолу
Фоме**

М.: "Фома центр", 2003

По заказу "Фома центра" в конце 2002 года был написан акафист святому апостолу Фоме, который теперь выходит в свет отдельным изданием. Так почему сейчас мы обращаемся к святому апостолу

Фоме? Какого ходатайства и заступничества пред Господом мы у него просим?

Прежде всего, мы обращаемся к нему с молитвой о тех многочисленных наших близких, которые еще не уверовали во Христа. О тех, в ком времена атеизма (а теперь еще неязычества и религиозной всеядности) посеяли недоверие и сомнение. О каждом "фоме-неверующем", который повторяет: "Не поверю, пока не увижу...". О тех, кому кажется, что невозможно верить, не требуя чудес и знамений.

Мы также обращаемся к нему, чтобы и нам, православным христианам, помог он укрепиться в вере - в моменты, когда нас самих посещают сомнения.

Акафист одобрен Издательским Советом Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) для келейного чтения.

По вопросу приобретения обращайтесь в отдел распространения "Фома центра" по телефону: (095) 246-74-92 (в отсутствие сотрудников работает автоответчик)

Православное богословие миссии сегодня

М.:ПСТБИ, 2003

В данную книгу включены четыре работы современных богословов. Основа сборника – это большой богословский материал «Восточно-православное богословие миссии сегодня» Иакова Стамулиса. Опубликованное в Америке в 1986 году, это исследование на сегодняшний день остается фактически единственным обобщающим обзором истории и богословия православной миссии, поэтому может стать основой для создания систематического курса миссиологии. В сборник также включены статьи протопресвитеров Александра Шмемана и Иоанна Мейendorфа, а также доклад архимандрита (ныне архиепископа, настоятеля Албанской Православной Церкви) Анастасия (Яннулатоса) «Православие и Миссия» на Генеральной ассамблее «Синедесмоса» в 1964 году.

Все авторы с необычайной глубиной и основательностью подходят к вопросам миссионерского служения Православной Церкви. Как пишет прот. Александр Шмеман, нашей Церкви «надлежит особо задуматься об основополагающих мотивах этого служения... Может ли быть подлинно миссионерской та Церковь, чья жизнь сосредоточена почти исключительно на богослужении и таинствах, а духовность имеет преимущественно мистическую и аскетическую окраску? И если может, то в каких пластиах ее

веры открываются глубочайшие истоки миссионерской ревности?»

Мы надеемся, что вы получите ответы на эти непростые вопросы, прочтя замечательный сборник, подготовленный издательством «Православное слово».

Таинство вхождения в Церковь

Священник Константин Пахоменко

**С-Пб.: "Издательский дом
"Нева".
М.: "ОЛМА-ПРЕСС", 2002**

«Эта книга будет интересна как готовящемуся принять святое Крещение, так и уже находящемуся в Церкви.

Желающий креститься (или привести к Крещению своих близких) узнает, что представляет из себя Таинство Крещения, для чего оно нужно и как правильно к нему подготовиться. Крещеному же человеку эта книга поможет узнать, что совершилось над ним в ответственные минуты вступления в Церковь, сочетания со Христом.

Часто Дар Крещения лежит в нас мертвым грузом от незнания духовных перспектив, к которым мы призваны, от неумения реализовать потенциал святости, данный нам в Крещении. Многие из нас были крещены в детстве или приняли Крещение недостаточно вдумчиво. Таким людям эта книга поможет вернуться к моменту их вхождения в Церковь и понять цели и задачи своей христианской жизни.

В Крещении мы получаем особенную благодать, делающую нас сыновьями и дочерьми Божиими. Но чтобы этот Дар начал в нас действовать, нужно знать, что произошло с нами в таинствах Крещения и Миропомазания, что дает нам Господь и как мы теперь должны жить». ("Таинство вхождения в Церковь", стр. 8-9).

Книга санкт-петербургского священника Константина Пархоменко – настоящее явление в мире православной литературы. Написанная простым и доступным языком она глубоко раскрывает смысл таинства Крещения современному человеку. При этом автор не останавливается на объяснении богословских и догматических истин, а, что очень важно, касается часто возникающих вопросов практического характера: например, как выбрать имя новорожденному. Книга содержит чинопоследование Таинства Крещения на церковнославянском и русском языках. Издание включает в себя две цветные вклейки с иллюстрациями, первая исторического характера, вторая – практического, показывающая шаг за шагом совершение Крещения в одном из храмов.

ЛИКИ И ЛИЦА

В феврале-марте 2003 года в храме муч. Татианы при МГУ прошла выставка фотографических портретов В. Ф. Пархоменко "Клиръ и міръ". Всего было выставлено 26 работ. Автор этой выставки - известный в определенных профессиональных кругах создатель информационно-поисковых систем, однако для православных людей его известность совсем другого рода: его фотопортреты старцев архимандрита Серафима (Тяпочкина) и архимандрита Кирилла (Павлова) растиражированы в сотнях тысяч экземпляров. Эти портреты висят на стенах во многих домах. Люди, которые не только никогда не общались, но и никогда не видели ни отца Серафима (1894-1982), ни отца Кирилла, держат их фотографии у себя в качестве если не иконы, то, по крайней мере, образа святости. И только считанные единицы из тех, кто хранит фотопортреты великих старцев у себя, знают, кто их автор.

Главная отличительная черта фотопортретов Владимира Пархоменко - умение увидеть в человеке образ и подобие Божие. Кто сталкивался с искусством фотопортретов, знает, что достичь такого проникновения в человека очень и очень трудно: художнику, пользующемуся кистью и красками, сделать это намного легче.

Творческая деятельность В. Ф. Пархоменко в качестве фотохудожника началась в 1980 году. Несколько серий он сразу посвятил портретам священнослужителей и прихожан Православной Церкви. Именно в этих людях, своих современниках, автор увидел красоту, внутреннюю свободу, жертвенную любовь, духовную радость, печать вечности - все то, что способно преобразить этот падший мир. Этой энергией преображения проникнуты большинство его работ.

Надо сказать, что снимать в начале 80-х годов монахов и священников было небезопасно. При мне на похоронах старца архимандрита Серафима в селе Ракитное Белгородской области сотрудники КГБ арестовали Владимира Федоровича, пленка была засвеченена, он был взят на заметку.

Сейчас много спорят - возможна ли сегодня, хотя бы теоретически, православная художественная культура. Некоторые считают, что времена, когда Церковь и культура были нераздельны, давно ушли в прошлое, и с тех пор культура несет на себе печать греха мира. Владимир Пархоменко внес в этот спор свой веский довод: талантом, полученным от Бога, художник может преобразить мир и сегодня.

Священник Владимир Вигилянский

Архимандрит Серафим (Тяпочкин) (1894-1982)

После выхода из концлагеря в середине 50-х годов отца Серафима (тогда еще протоиерея Димитрия) назначили благочинным и настоятелем собора в Днепропетровске. Вскоре он отказался от этого места и попросил дать ему самый отдаленный в епархии храм. Так он появился в селе Ракитное Белгородской области. От ближайшей железнодорожной станции надо было идти пешком 8 км. В первые недели он служил в храме в полном одиночестве, снег через проломленную крышу падал на престол. Через 20 лет в благолепном Никольском храме во время воскресной службы были сотни прихожан, большинство из которых приезжие. Молва о любвеобильном батюшке разнеслась по всей России. В комиссии по канонизации при Московской Патриархии решается вопрос о причислении отца Серафима к лику святых.

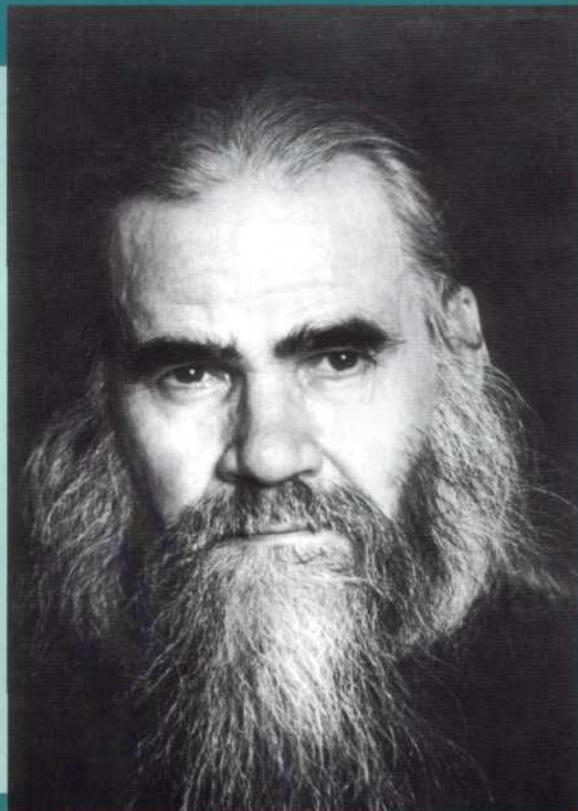

Снегирева Татьяна Ивановна (1937-2002)

Жена детского писателя Г.Я. Снегирева. Все, кто знал эту женщину, могут свидетельствовать об удивительной гармонии ее внешней и внутренней красоты.

Архимандрит Адриан

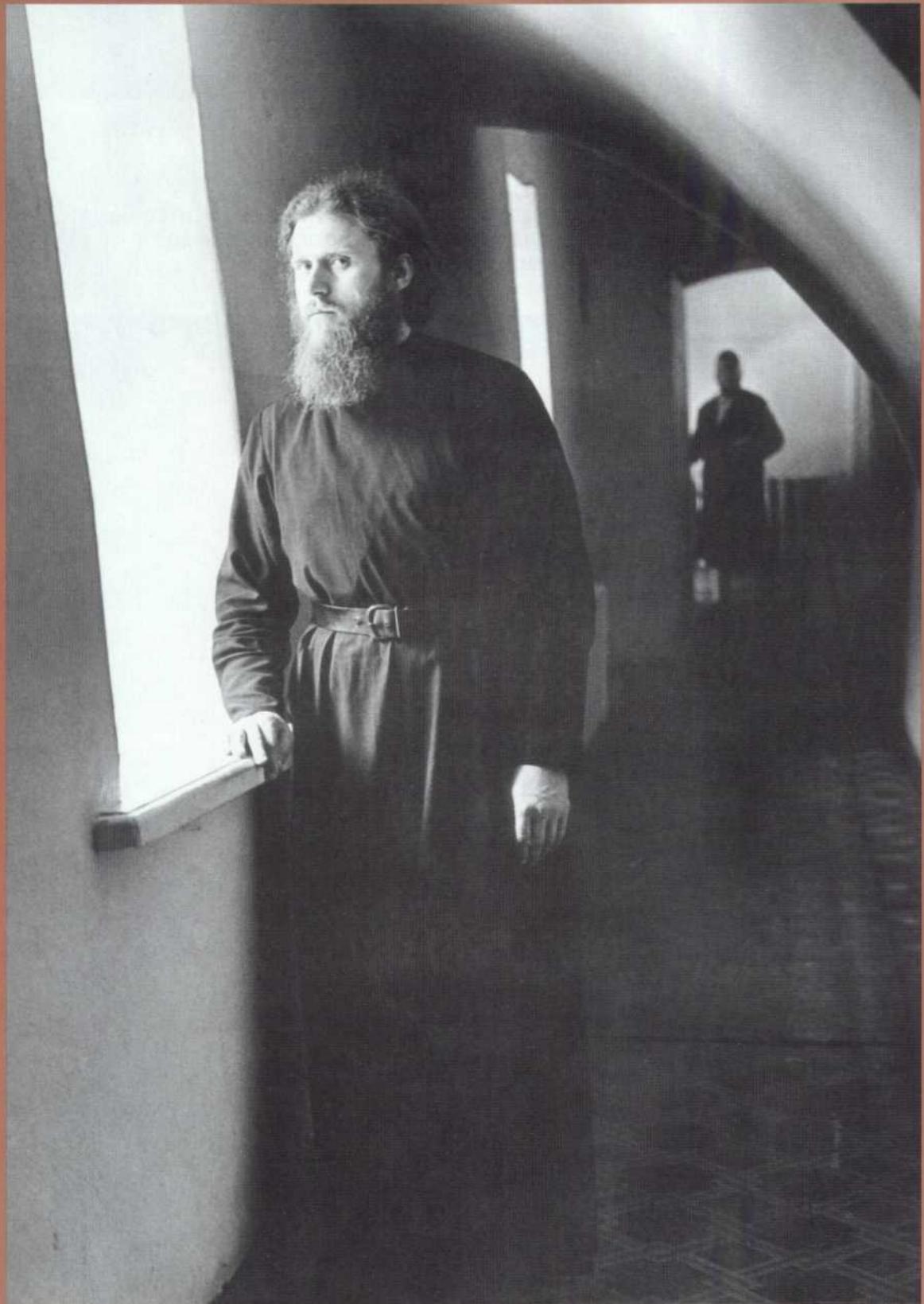
Насельник Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Про него рассказывают такую историю. В бытность свою в 60-е годы монахом Троице-Сергиевой Лавры он проходил мимо небольшой экскурсионной группы. Поравнявшись с ней, он услышал, как один из экскурсантов неожиданно стал лаять пособачьи. Отец Адриан остановился, подошел к одержимому странным недугом и сказал: "Брат, ты болен серьезной духовной болезнью, приходи ко мне, и я постараюсь помочь тебе". Этот человек оказался крупным ответственным работником Министерства культуры. Через несколько дней отца Адриана отправили "в ссылку" в Псково-Печерский монастырь. В 70-80-е годы он еженедельно отчитывал бесноватых, сотнями приезжавших к нему со всех краев страны.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Насельник Троице-Сергиевой Лавры.
Многие годы был казначеем и духовником монастыря.
Ныне живет в резиденции Святейшего Патриарха
Алексия II в Переделкино.

Иеродиакон Дмитрий (Дроздов)
Ныне архиепископ Витебский и Оршанский.

Интернет-сервер "ФОМА"

<http://www.fomacenter.ru>

Интернет-сервер "Фома центра" создан как электронный помощник для людей, которые хотят больше узнать о Православии, церковной жизни, миссионерском служении Церкви, и для тех, кто хочет рассказать об этом другим.

Сайт состоит из трех основных направлений:

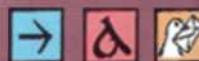
ФОМА ЦЕНТР

Фома-центр – самое интересное в нашей деятельности: публикации на темы "Быть или не быть крестным", "Зачем нужна исповедь", "Нравственна ли "свободная" любовь?", "Зачем мы приходим в церковь"; ответы священников на вопросы посетителей сайта; архив публикаций журнала "Фома". В разделе "Миссия" можно найти миссионерские дневники, рассказы о Православии в Китае и Индонезии.

ФОМА ФОРУМ

Фома-форум – "живое" обсуждение актуальных проблем: смирение и комплекс неполноценности, литература "фэнтези" и христианство, о литераторах и литературе и другие интересные темы.

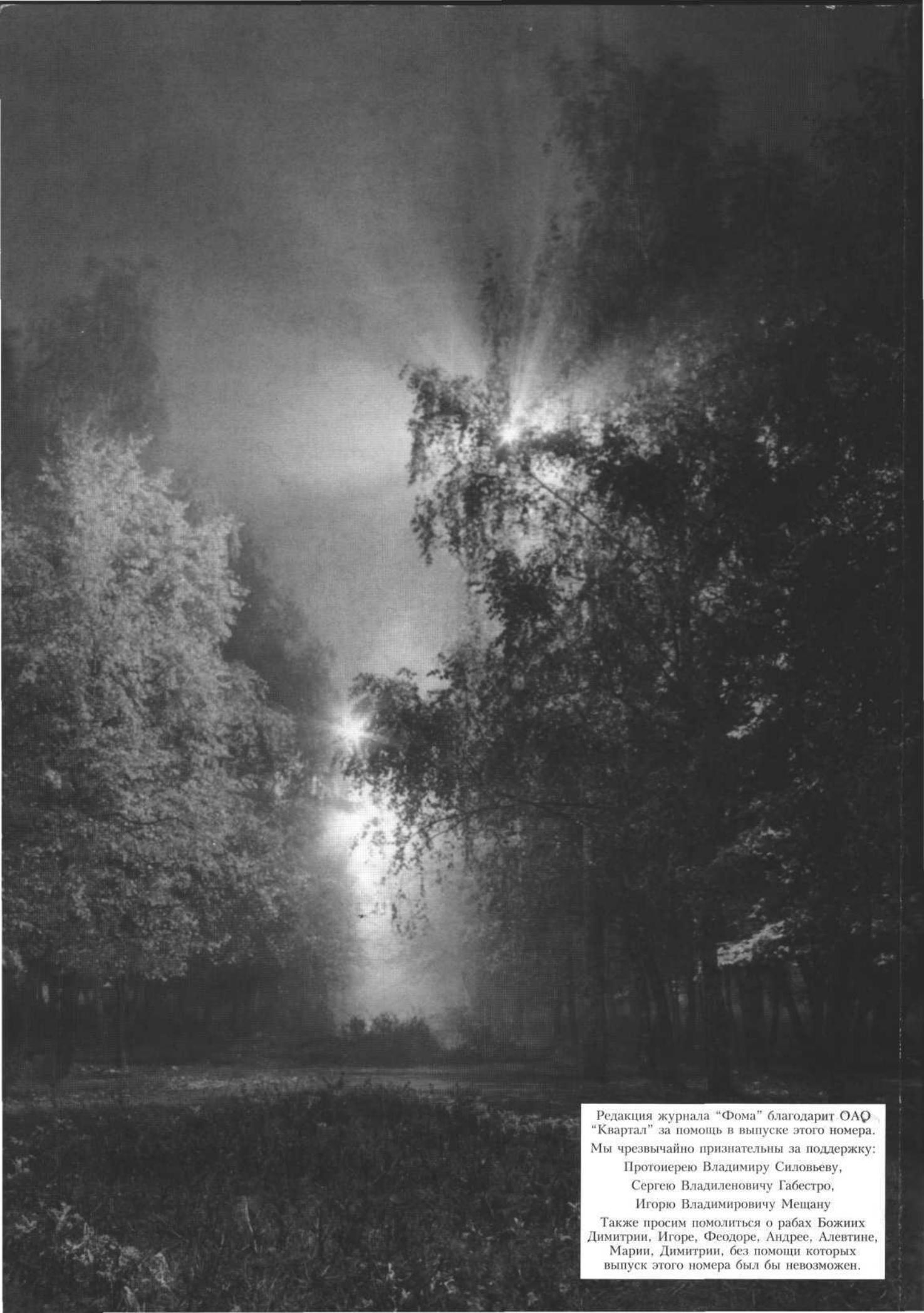
ФОМА

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Фома-путеводитель – постоянно обновляемая оперативная база данных, в которой содержится справочная информация разных направлений: куда поехать, куда пойти, что читать, где купить, где учиться, где работать, кому помочь и др.

Редакция журнала "Фома" благодарит ОАО
"Квартал" за помощь в выпуске этого номера.

Мы чрезвычайно признательны за поддержку:

Протоиерею Владимиру Силовьеву,

Сергею Владиленовичу Габестро,

Игорю Владимировичу Мещану

Также просим помолиться о рабах Божиих
Димитрии, Игоре, Феодоре, Андрее, Алевтине,
Марии, Димитрии, без помощи которых
выпуск этого номера был бы невозможен.